

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории

1993/0

Приложение к журналу «РОДИНА»

ДЕЛО

ПРОТО

Централ
от

Флид № 584
0. 1. 3
Лд. хр. № 6926

АСТЬ 3

424
ДЪЛО

о дворянстве *Бориса Михайловича*
Васильевича Савицкого
Ивановича Савицкого
(Савицкий)

195 г.

195 г.

листах

ИСТОЧНИК

Документы
русской истории 1993/0

Приложение
к российскому историко-публицистическому журналу
Верховного Совета РФ
«РОДИНА»

В НОМЕРЕ:

- 3 Р. Пихоя. Открытие архивов
в России
6 Представляем архивы

Письма из прошлого. Мемуары

- 9 Из личного архива
«Надежде Сергеевне Аллилуевой
лично от Сталина»
23 Прости меня, Коба...
Неизвестное письмо Н. Еухарина
26 Судьба земли
Вы дали власть лентяям
и горлопанам.
Новое о «социалистических»
преобразованиях в деревне
28 Загробные заметки
Социализм не угас
и принимает грозную форму
41 Из недавней истории
Я вскрывал ваши письма.
Воспоминания бывшего
тайного цензора МГБ

Фотоархив. Раритеты

- 59 Впервые
Кого принимал Гитлер
61 Неофициальный космос

Подоплека событий. Версии

- 66 Как это было
«Нам не нужно менять политику», —
заявил М.С. Горбачев
при выдвижении его на пост
Генерального секретаря ЦК КПСС.
Совершенно секретная стенограмма
Политбюро
76 «Темные пятна»
Завтра я протараню самолет.
Две версии гибели
крупнейшего самолета в мире
80 Повседневный ЦК
86 Рассекречено
«Союз немецких офицеров».
Тайны второй мировой войны
107 Свидетельствую
Слишком все было ясно для народа.
Исповедь палача
117 Глазами Агитпропа
Они бродят с утра до ночи в поисках
вина и женщин.
Докладная на американских и
английских моряков
122 Художник и власть
Александр Довженко: «Я противен
вам и чем-то опасен».
Подоплека политической травли
художника

ISTOCHNIK

Documents
of Russian History 1993/0

3 R. Pikhoya. The Russian archives are being opened.

6 New names of the largest russian storages.

Letters from the past. Memoirs

9 Personal correspondence between Stalin and his wife.

23 Forgive me, Koba.
Unknown letter of Bukharin.

26 You've given power to lazy persons and bawlers, - wrote peasants to Lenin.

28 Socialism has not died and developed into a dangerous form. Dying thoughts of N. Bunge.

41 I inspected your letters.
A KGB censor tells his story.

Fotos and Rarities

59 Guest book of A. Hitler

61 Soviet space exploration in rare pictures.

Behind the scenes

66 There is no need to change our policy, - said Gorbachev in time of his promotion.

76 A crash of the biggest liner in the world «Maxim Gorki». Two versions.

80 Everyday life of the Central Party Committee.

86 «Union of German Officers». Secret documents from soviet archives.

107 Confession of Yakov Yurovskiy - last tsar executioner.

117 They are wandering from morning till night in searches of women and wine. Agitprop on british and american sailors in Russia.

122 Dovzhenko and the Party. New documents about wartime persecution of the writer.

© Перепечатка разрешается только по соглашению с редакцией

Главный редактор

Р. Г. Пихоя,

председатель Комитета по делам архивов при Правительстве России,
доктор исторических наук.

Ответственный редактор

В. Н. Денисов

Над номером работали:

Редактор отдела *С. В. Кудряшов*

Художник *В. И. Кучмин*

Руководитель компьютерного центра *Т. В. Аржакова*

Набор и верстка произведены в компьютерном центре журнала «Родина»

ОТКРЫТИЕ АРХИВОВ

в России

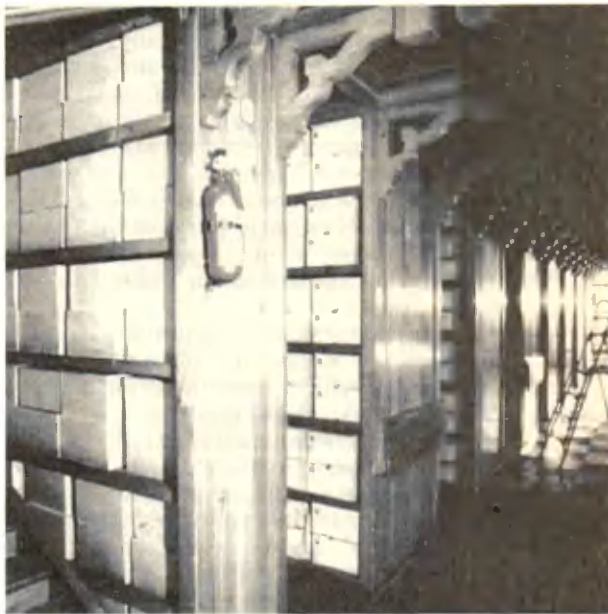
23 августа 1991 года в те часы, когда в Российском парламенте ожидалось первое после провала путча выступление Президента СССР М. С. Горбачева, в Комитет по делам архивов при Совете Министров РСФСР стали поступать сведения о том, что в ЦК КПСС, партийных организациях страны, в учреждениях Комитета государственной безопасности СССР начали уничтожать документы.

Именно тогда, во второй половине дня, российскими архивистами были опечатаны архивы ЦК КПСС и учреждений КГБ СССР. На следующий день, 24 августа, были изданы Указы Президента РСФСР, согласно которым архивы КГБ СССР и учреждений КПСС, находящиеся на территории РСФСР, передавались в ведение архивных органов РСФСР вместе с занимаемыми ими зданиями, сооружениями, штатами и фондом оплаты труда.

Эти указы впервые ввели в состав государственной архивной службы России практически неизвестные прежде архивы.

Сначала об архивах КПСС. Знакомство с хранилищами документов в здании ЦК КПСС началось с неожиданностей: как удалось установить, здесь не существовал единый архив ЦК. Вместо него документы находились в 148 (!) отдельных хранилищах, около 28,5 млн. дел. Крупнейшими из этих хранилищ были: текущий архив общего отдела ЦК КПСС; архивы руководящих кадров (номенклатуры ЦК КПСС), единого партийного билета, Центральной Контрольной комиссии КПСС, отдела писем, международного отдела.

Прекрасная техническая оснащенность некоторых из них вполне уживалась с отсутствием всякого научно-справочного аппарата в других. Создается впечатление, что раздробленность архивов в самом ЦК, отсутствие единой информационной базы данных существовали как сознательно созданное препятствие, ограничивавшее доступ для получения информации даже сотрудникам аппарата ЦК, не относящимся к высшему руководству партии.

Существовал и определенный порядок использования документов: если данными областных партийных архивов могли пользоваться только члены КПСС, имевшие специальные разрешения партийных органов, то материалами Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — прежде всего сотрудники этого института, и в редких случаях — ученые из других учреждений. И совсем недоступным был текущий архив общего отдела ЦК КПСС, использование документов которого было прерогативой только высшего руководства партии. Замечу, что непосредственный контроль за деятельностью этого архива, жесткую предварительную цензуру публикаций его документов осуществлял непосредственно заведующий общим отделом ЦК КПСС, он же руководитель Аппарата Президента СССР и один из организаторов неудавшегося государственного переворота — В. Болдин.

КПСС и впредь не собиралась предоставлять возможность изучения своих документов. В секретной записке, датированной 12 августа 1991 года и адресованной заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС В. Ивашко, подчеркивалось: «доку-

менты архива КПСС — острейшее оружие политической борьбы». Авторы этого документа, созданного в общем отделе ЦК, настаивали на том, чтобы право пользования, как и право собственности архивами партии, принадлежало непосредственно ЦК КПСС «в лице своих руководящих органов — Политбюро и Секретариата».

Один из сотрудников аппарата ЦК КПСС, специализирующийся на пропаганде истории партии, доктор исторических наук В. Наумов в письме, направленном секретарю ЦК КПСС О. Шенину, предупреждал об опасности, которая, по его мнению, возникла с тех пор, как сотрудники Института марксизма-ленинизма получили возможность изготавливать для своей работы ксерокопии документов, и что «еще большее беспокойство вызывает практика передачи значительного числа ксерокопий зарубежным исследователям и советским учреждениям».

Суть рекомендации партийного историка сводилась к одному: только непосредственно ЦК КПСС имеет право определять порядок доступа к документам.

Все эти соображения имели бы под собой основание, если бы речь шла об архиве политической партии, общественной организации. Однако эта норма не применима для КПСС. С первых часов своего существования в качестве победителя большевистская партия по сути подменила государственный аппарат, став на семьдесят с лишним лет «руководящей и направляющей силой общества», назначавшей и увольнявшей министров и директоров заводов, определявшей тираж газет и журналов, решавшей, где строить электростанции и сколько должен стоить хлеб и телевизоры.

Эта постоянная, не прекращавшаяся ни на минуту, деятельность по руководству государством оставалась скрытой. Как в театре марионеток, зрители видели фигурки, а актеры, приводившие их в движение, всегда оставались за кулисами.

Безуспешные попытки общественности найти виновных за ввод войск в Венгрию и Чехословакию, Афганистан и Вильнюс, за расстрел и разгон демонстраций в Новочеркасске и Тбилиси — лучшее доказательство, что нити, управлявшие этими событиями, оказались надежно спрятаны в архивах.

Ирония судьбы в том, что партийный аппарат подверг жестокой цензуре работы своего основоположника — В. Ленина. В документе с грифом «сов. секретно», адресованном 14 декабря 1990 г. заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС В. Ивашко, директор Института марксизма-ленинизма академик Г. Смирнов сообщает, что в его институте хранится 6724 неопублико-

ванных документа. Для того чтобы понять смысл этой цифры, нужно представлять себе атмосферу преклонения перед мудростью любого ленинского высказывания и то, какой шум сопровождал появление любого неизвестного его документа. Как же собирался распорядиться академик без малого семью тысячами неизвестных ленинских работ? Да не публиковать и впредь, по крайней мере, половину из них. Не публиковать потому, что образ вождя, насаждавший многими десятилетиями в нашей стране, разом утратит свою благостность. Г. Смирнов пишет: «... имеются документы, содержание которых может быть истолковано как поощрение насильственных действий против суверенных государств — Индии, Кореи, Афганистана, Англии, Персии, Турции и др.», в отдельных документах раскрываются некоторые тайные методы работы государственных организаций Советской республики (о концлагерях для иностранных подданных, об организации слежки за прибывающими в страну иностранными делегациями, кампаний по дискредитации, как это было, к примеру, с делегацией английских тред-юнионов)... В некоторых документах поощряется политика террора и репрессий (например: «Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10-20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия 100 000 руб. за повешенного...»).

У КПСС были основания не допускать к своим архивам независимых историков, так как официальная версия роли партии в истории нашего государства могла поддерживаться только сознательной дезинформацией и искажением документационной основы.

Практически недоступны были и архивы Комитета государственной безопасности СССР, собиравшиеся с первых дней существования этого учреждения под разными названиями: ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, но при сохранении неизменной его сути — вооруженного отряда партии. Осенью 1991 года создана комиссия Верховного Совета РСФСР по передаче в ведение российской архивной службы всех архивов КГБ СССР, расположенных на территории РСФСР. Отмечу, что в областях России довольно быстро начался прием в государственные архивы документов областных управлений КГБ СССР.

Архивный фонд Российской Федерации с приемом новых хранилищ — КПСС и КГБ — практически удвоился: к 93 млн. дел прибавилось еще около 100 миллионов.

Естествен вопрос: когда и как эти прежде закрытые архивы станут доступными исследователям?

Для этого необходимо решить несколько проблем. Во-первых, создание необходимой правовой базы, позволяющей провести рассекречивание, ведь большинство документов, хранящихся там, имеют гриф «секретно», «совершенно секретно», «особой важности».

В стране до настоящего времени отсутствует закон о государственной тайне. Право сделать документ секретным принадлежало тем учреждениям, где он создавался. Нет и специального закона, который бы регулировал отношения в области архивного дела.

Поэтому одной из важнейших задач стала подготовка проекта Закона «Об архивах и архивном деле в Российской Федерации». Его разработка была начата еще в конце 1990 г., сейчас проект обсуждается в комиссиях Верховного Совета России. В нем, в частности, предусмотрено, что секретные документы должны становиться доступными для исследователей спустя 30 лет с момента их создания. В том случае, если и спустя это время в нем сохраняются сведения, затрагивающие национальную безопасность, то разрешение на продление ограничений в использовании может дать только специальная комиссия Верховного Совета РСФСР. Этим Законом должны быть выравнены права доступа к архивной информации российским и иностранным ученым.

Архивы центрального аппарата КПСС и архивы КГБ никогда не были рассчитаны на то, чтобы там работали обычные исследователи. И перед тем, как там появились читатели, пришлось создать научно-справочный аппарат (картотеки, описания), оборудовать читальные залы, оснастить их хотя бы минимальным набором оборудования (ксероксами, аппаратами для чтения микрофильмов) и т. д.

Требовались немалые организационные и финансовые меры для того, чтобы преобразовать эти секретные архивы в гражданские учреждения. Сейчас такой процесс идет полным ходом.

В Москве образованы Российский центр хранения и использования документов новейшей истории (на основе документов бывшего Центрального партийного архива Института теории и истории социализма при ЦК КПСС), где содержатся документы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, руководящих учреждений партии с момента ее возникновения до 1940 г., фонды Коминтерна, и Центр хранения современной документации (на базе архивов бывшего аппарата ЦК КПСС), где хранятся документы с 1952 года до 23 августа 1991 года.

После поступления в Роскомархив фондов КГБ планируется организация истори-

ческих архивов — на правах центральных — в Омске, Ульяновске, Пензе и в Москве. Центры и центральные исторические архивы непосредственно подчиняются Комитету по делам архивов при Правительстве России.

На местах, в республиках, входящих в РСФСР, в краях и областях на базе бывших партийных архивов в большинстве случаев уже образованы центры хранения документов политической истории, реже — хранилища, входящие в областные государственные архивы.

Эти архивы подчиняются архивным управлениям в краях, областях, республиках в составе Российской Федерации.

Теперь в России есть, наконец, и свой национальный архив. Это Государственный архив Российской Федерации. Он создан на базе ранее существовавших Центрального госархива Октябрьской революции и ЦГА РСФСР. В новом Государственном архиве РФ сосредоточены важнейшие документы политической истории Российской империи, а также истории СССР, включая материалы об августовских событиях 1991 года.

Таким образом, можно считать завершенным формирование федеральных архивов и центров хранения документов. Всего их 17. Помимо названных выше, это, в частности, Центр хранения историко-документальных коллекций (на базе бывшего «особого» архива), Российский государственный архив экономики (бывший архив народного хозяйства), Центр хранения документов молодежных организаций (бывший архив ВЛКСМ) и другие.

В результате этой реформы не только значительно увеличился архивный фонд РСФСР. Впервые возникла возможность доступа к прежде совершенно закрытой информации. Таким образом, на практике ликвидируются прежде казавшиеся нерушимыми «берлинские стены», разделявшие единый информационный поток на то, что разрешалось, и то, что запрещалось знать гражданину России.

РУДОЛЬФ ПИХОЯ,

*председатель Комитета по делам архивов при Правительстве России,
доктор исторических наук, профессор.*

Комитет по делам архивов при Правительстве России.

Контактные телефоны
отдела использования и публикации:

245-09-45, 245-10-25.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ АРХИВЫ

В результате начавшейся осенью 1991 года реформы архивной системы России многие архивы получили новые наименования, отражающие глубокие изменения в содержании их деятельности. Теперь реформа в основном завершена.

По просьбе наших читателей публикуем перечень федеральных российских архивов и центров документации. Сначала указано их прежнее наименование, а черным шрифтом выделено как полное, так и сокращенное современное название. Сообщаем также телефоны для справок.

В МОСКВЕ

Центральный государственный архив Октябрьской революции,
высших органов государственной власти и органов государственного
управления СССР (ЦГАОР СССР)
Центральный государственный архив РСФСР (ЦГА РСФСР)
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
тел. 245-81-41

Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА СССР)
Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
тел. 241-83-23

Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР)
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
тел. 261-20-70

Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР)
Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
тел. 245-26-64

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР)
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)
тел. 159-73-92

Центральный государственный архив Советской Армии СССР (ЦГАСА СССР)
Российский государственный военный архив (РГВА)
тел. 159-80-91

Центральный партийный архив (ЦПА)
**Российский центр хранения и изучения документов
новейшей истории (РЦХИДНИ)**
тел. 229-97-26

В следующих выпусках «Источника»
редакция продолжит подробный рассказ
о федеральных и местных архивах России.

бывшие архивы ЦК КПСС
Центр хранения современной документации (ЦХСД)
тел. 206-23-21

бывший архив ЦК ВЛКСМ
Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО)
тел. 921-49-15

Центральный государственный архив СССР («особый») (ЦГА СССР)
Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК)
тел. 159-73-83

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР)
Российский государственный исторический архив (РГИА)
тел. 210-99-68

Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР
(ЦГА ВМФ СССР)
Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ)
тел. 315-90-54

В ТОМСКЕ

Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ)
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ)
тел. 2-29-15

В САМАРЕ

Центральный государственный архив научно-технической документации СССР
(ЦГАНТД СССР)
Российский государственный научно-технический архив (РГНТА)
тел. 36-17-85

В КРАСНОГОРСКЕ (МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Центральный государственный архив кинофотодокументов СССР (ЦГАКФД СССР)
Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД)
тел. 562-14-64

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

МЕМОУАРЫ

Личная жизнь «вождя народов»
до сих пор порождает многочисленные слухи.
*О его взаимоотношениях с Н. Аллилуевой,
о том, каким он был мужем,
вы узнаете из публикуемых писем.*

На исходе своей карьеры
видный государственный деятель России Н. Бунге
написал записку с изложением своих взглядов
на прошлое и будущее страны.
*Документ,
предназначавшийся только для императорских глаз,
впервые публикуется в России.*

О перлюстрации корреспонденции в СССР
из первых рук.
*Воспоминания
бывшего цензора МГБ — редчайший источник эпохи.*

И. Сталин

Из личного АРХИВА

Начинаем публикацию документов из личного архива И. В. Сталина.

Архив комплектовался Сталиным: в нем собрание документов, отражающих его партийную и государственную деятельность за 1916-1931 гг., личная переписка, биографические материалы и фотографии за 1888-1953 гг.

«Надежде Сергеевне АЛЛИЛУЕВОЙ

Надежда Сергеевна
Лично от СТАЛИНА»

(Переписка 1928-1931 годов)

Аллилуево

И. Сталин

вой лично от Сталина». В ответ из Кремля с очередной почтой отправлялись обстоятельные письма его супруги.

В публикуемую подборку документов включены 30 писем и записок: 17 писем и записок написаны рукой Сталина и 13 писем Аллилуевой. Большая часть переписки относится ко времени пребывания Сталина на отдыхе в Сочи в 1929-1931 годах. До 1928 года и за 1932 год письма не сохранились. Нет и трех писем Аллилуевой, направленных Сталину из-за границы летом 1930 года, упомянутых в данной подборке.

В публикации сохранены все особенности стиля и орфографии авторов.

И. Сталин

В период ежегодных отпусков И. В. Сталина происходил интенсивный обмен письмами и телеграммами с членами Политбюро, находившимися в Москве. Вместе с официальной почтой на квартиру Сталина в Москве фельдшвязисты приносили маленькие конверты, на которых его рукой было написано: «Надежде Сергеевне Аллилуе-

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ¹

9 апреля 1928 г.

Передай Яше² от меня, что он поступил, как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего. Пусть живет, где хочет и с кем хочет

И. Сталин

1928 г. 9 апр[еля]

АП, ф. 45, оп. 1, д. 1550, л. 5.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

28 августа 1929 г.

Дорогой Иосиф.

Как твоё здоровье, поправился ли и лучше ли чувствуешь себя в Сочи? Я уехала с каким-то беспокойством, обязательно напиши. Доехали хорошо как раз к сроку. В понедельник 2/IX письменный экзамен по математике, 4/IX физическая география и 6/IX

Источник 0/1993

русский яз.³ Должна сознаться тебе, что я волнуюсь. В дальнейшем дела складываются так, что до 16/IX я свободна по крайней мере это сейчас так говорят, какие будут изменения в дальнейшем не знаю. Словом пока никаких планов строить не могу, т. к. все «кажется». Когда будет все точно известно напишу тебе, а ты мне посоветуешь как использовать время. Москва нас встретила холодно. Приехали в переменную погоду — холодно и дождь. Пока никого не видела и нигде не была. Слыхала как-будто Горький поехал в Сочи, наверное побывает у тебя, жаль, что без меня — его очень приятно слушать. По окончании моих дел напишу тебе о результатах. Тебя же очень прошу беречь себя. Целую тебя крепко, крепко, как ты меня поцеловал на прощанье.

Твоя Надя

Р. С. Вася с 28/VIII ходит в школу.

Там же, л. 6-7.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

29 августа 1929 г.

Татьяка!

28-го августа послал тебе письмо по адресу: «Кремль, Н. С. Аллилуевой». Послал по аэропочте. Получила? Как приехала, как твои дела с Промакадемией, что нового, — напиши.

Я успел уже принять две ванны. Думаю принять ванн 10. Погода хорошая. Я теперь только начинаю чувствовать громадную разницу между Нальчиком и Сочи в пользу Сочи. Думаю серьезно поправиться.

Напиши что-нибудь о ребятах.

Целую.

Твой Иосиф.

29/VIII-29

Там же, л. 8.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

1 сентября 1929 г.

Здравствуй Татьяна!

Получил Твое письмо. А мои два письма получила? Оказывается, в Нальчике я был близок к воспалению легких. Хотя я чувствую себя много лучше, чем в Нальчике, у меня «хрип» в обоих легких и все еще не покидает кашель. Дела, черт побери...

Как только выкроишь себе 6-7 дней свободных, катись прямо в Сочи. Как дела с экзаменом?

Целую мою Татьяну.

И. Сталин

Там же, л. 9.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

2 сентября 1929 г.

Здравствуй Иосиф.

Твое письмо от 29/VIII получила, другое от 28/VIII еще очевидно в дороге. Очень рада за тебя, что в Сочи чувствуешь себя лучше. Конечно, там ты поправишься, особенно, если будешь следить за собой. Как мои дела с Промакадемией, ты спрашиваешь. Теперь могу уже сказать, что лучше, т. к. сегодня был у меня экзамен по математике письменной, который прошел удачно, но в общем мне все же не везет, а именно: утром нужно было быть в ПА** к 9-ти часам, я конечно вышла в 8¹/₂, и что же, испортился трамвай, стала ждать автобуса — нет его, тогда я решила, чтобы не опоздать, сесть на такси, села и что же, отъехав саженей 100, машина остановилась, у нее тоже что-то испортилось. Все это меня ужасно рассмешило, но в конце концов в ПА** я ждала два часа начала экзамена. Что нового? Право не знаю, т. к. до сих пор еще никуда не выбиралась, только в воскресенье была в Зуб[алово], там все в порядке. Просека сделана, цыцарки*** живы и т. д. Грибов из-за отсут[ствия] дождей к сожалению больше нет, так что собрали совсем немного для тебя. Светлана, увидев только меня, сразу заявила, а почему мой папа не приехал.

Вчера звонил Микоян интересовался твоим здоровьем и моими делами. Говорил, что будет у тебя. Кстати, должна тебе сказать, что в Москве всюду хвосты и за молоком и за мясом гл[авным] об[разом]. Зрелище неприятное, а главное, все же, можно было бы путем правильной организации это все улучшить.

Срок начала занятий еще не выяснен, так что ничего не могу о нем написать. Завтра вторник посылаю это письмо с очередной почтой к тебе. Думаю, что с сегодняшней почтой от тебя будет что-нибудь мне, очень жду, но к сожалению часы прибытия и отхода поездов

не совпадают. Сегодня 2/IX вернулся из Нальчика Ворошилов, звонил и рассказывал, что остальное время он провел на Баксанах и очень доволен; в день его отъезда в Баксан туда приехал Серго с Рудзутаком. Серго доехал очень спокойно и думает там остаться на несколько дней. Словом нам нужно было жить не в Нальчике, а прямо на Баксанах. Да, еще он ездил в Малую Кабарду и остался ею очень недоволен, говорит, похожа на Сахару, где от жары пропадает всякий интерес к охоте. Я разболталась забыв, что ты длинных писем не любишь. Пиши мне что-нибудь, тогда будет не так скучно. Я очень обрадовалась, получив от тебя письмо. Как только будут мои дела более ясны напишу обо всем остальном. А сейчас целую крепко тебя. До свидания.

Твоя Надя.

Кремль

Р. С. Представь себе, что к экзамену мне помогает готовиться Федя⁵, голова у него на редкость сохранилась, он также как прежде хорошо все объяснил мне, а занимались мы три дня, почти не вставая. С ним что-то нужно делать. Очень жаль его.

Там же, л. 10-14.

⁵ Авторская правка. *Ред.*

⁶ Промакадемии. *Ред.*

^{***} Так в тексте. Правильно: цесарки. *Ред.*

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛИШУЕВОЙ

16 сентября 1929 г.

Татья!

Как твои дела, как приехала?

Оказывается, мое первое письмо (утраченное) получила в Кремле твоя мать⁶. До чего надо быть глупой, чтобы получать и вскрывать чужие письма

Я выздоравливаю помаленьку.

Целую.

Твой Иосиф

Там же, л. 15.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

(между 16 и 22 сентября 1929 г.)

Дорогой Иосиф.

Твое письмо получила. Очень рада, что твои дела налаживаются. У меня тоже все пока идет хорошо за исключением сегодняшнего дня, который меня сильно взволновал. Сейчас я тебе обо всем напишу. Была я сегодня в ячейке «Правды» за открепительным талоном и конечно Ковалев⁷ рассказал мне о всех своих печальных новостях. Речь идет о Ленинградских делах. Ты, конечно, знаешь о них, т. е. о том, что «Правда» поместила этот материал без предварительного согласования с Ц.К., хотя этот материал видел и Н. Н. Попов и Ярославский и ни один из них не счел нужным указать Партийному отделу «Правды» о необходимости согласовать с Ц.К. (т. е. Молотовым). Сейчас же после того как каша заварилась, вся вина пала на Ковалева, который собственно с ред. Бюро⁸ согласовал вопрос. На днях их всех вызывали в ЦКК. Были там тт. Молотов, Крумин (который, зная авторитет Ковалева в «Правде» его не любит, чисто лично, т. к. сам авторитетом не пользуется), Ярославский и Ковалев. Заседание вел Серго. Ковалев рассказал мне как велось заседание, а именно: Крумин плел все вроде того, что Ковалев этот материал не показал редкол[егии] и т. д.; Молотов заявил, что Партийный отд[ел] «Правды» не проводит линии Ц.К. и вообще занимается перегибом линии партии в самокритике. Ковалев выступил со своими объяснениями как было дело, Серго же не дал ему договорить до конца, стукнул «традиционно» по столу кулаком и стал кричать, что до каких пор в «Правде» будет продолжаться Ковалевщина, что ЦКК не потерпит этого и в этом духе. Ковалев мне рассказал, что после подобного ответа на его объяснения он вообще понял, что здесь почва подготовлена Круминым, что ни Серго, ни Молотов абсолютно не имеют понятия, кем проведена вся работа в «Правде» по положению аппарата, что Крумин, конечно, все выдает за свои труды. Кроме этого Ковалев мне рассказал, что он очень сработался с Н. Н. Поповым, а у Крумина наоборот против Попова зуд и этим особенно вызвано личное обострение со стор[оны] Крумина. На заседании редак[ционной] коллегии Криницкий выступил с заявлением, что Ковалев зинovieвец и т. д. и т. п. Словом возможно, что Ковалев и допустил ошибку, которую допустил и Ярославский и Попов, но это не значит, что дело должно принять подобный тон и оборот. Ты на меня не сердись, но серьезно, мне стало бесконечно больно за Ковалева. Ведь я знаю какую он провел колоссальную работу и вдруг по предложению Крумина редак[ционная] кол[легия] принимает решение «освободить т. Ковал[ева] от завед[ующего] отд[елом] парт[ийной] жизни, как невыдержанного партийца», это прямо чудовищно. Причем вообще говоря его может снять только Орготд[ел] ЦК, который послал его на эту работу, а не Крумин. Жаль, что тебя нет в Москве. Я лично советовала Ков[алева] пойти обязательно к Молотову и отстаивать вопрос с принципиальной стороны, т. е. если считают, что его нужно снять, так это должно быть сделано без обвинения в партийной невыдержанности, Ковалевщины, зинovieвщины и т. д. Такими методами нельзя разговаривать с подобными работниками. Вообще же говоря он теперь считает, что он дейст[вительно] должен уйти, т. к. при подоб[ных] услов[иях] работать нельзя.

Словом я никак не ожидала, что все так кончится печально. Вид у него человека убитого. Да, на этой комиссии у Серго Крумин заявил, что он не организатор, что никаким авторитетом не пользуется и т. д. Это чистейшая ложь.

Я знаю, что ты очень не любишь моих вмешательств, но мне все же кажется, что тебе нужно было бы вмешаться в это заведомо несправедливое дело.

Я живу хорошо. Занимаюсь. Против ожидания на I-м курсе ввели Политэкономияю меня это из всех предметов больше всего пугает, но ничего как-нибудь нужно выкарапкаться. Да, в Промыш[ленной] акад[емии] оказался еще один Аллилуев, как выяснилось мой Сибирский родственник.

Ребята здоровы. Да, насчет письма ты мою мамашу обвинил не по заслугам. Оказалось, что все-таки письмо не поступало, они воспользовались случаем, что сдавали одно заказное письмо на имя О. Е. Ал[лилуевой] и спугали это с письмом на мое имя. О. Е. даже нет в Москве и еще не было (она в Тифлисе), т[ак] что это бюрократ[ическая] отписка почтамта, а письма все же нет. Я просмотрела все письма полученные на ее квартиру. Очень, очень жаль, что письмо пропало и ты мне даже не рассказал о чем писал в нем. Не сердись, что так длинно написала, уж очень обидно за такого хорошего товарища и работника.

До свиданья, целую крепко, крепко. Ответь мне на это письмо.

Твоя Надя

P. S. Да, все эти правдинские дела будут разбираться в П. Б. в четверг. 26/IX⁹.

Иосиф, пришли мне если можешь руб. 50, мне выдадут деньги только 15/IX в Промак[адемии], а сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь будет хорошо.

По-семейному...

Надя

Там же, л. 16-24.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

23 сентября 1929 года

Татья!

Получил письмо на счет Ковалева. Я мало знаком с делом, но думаю, что ты права. Если Ковалев и виновен в чем-либо, то Бюро редколлегии, которое является хозяином дела, — виновно втрое. Видимо в лице Ковалева хотят иметь «козла отпущения». Все, что можно сделать, сделаю, если уже не поздно¹⁰.

У нас погода все время вихляет.

Целую мою Татьяку кепко, очень ного кепко.

Твой Иосиф

23/IX-29 г.

Там же, л. 25.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

25 сентября 1929 г.

Татья!

Забыл послать тебе деньги. Посылаю их (120 р.) с отъезжающим сегодня товарищем, не дожидаясь очередного фельдъегера.

Целую.

Твой Иосиф

25/IX-29 г.

Там же, л. 26.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

27 сентября 1929 г.

Дорогой Иосиф,

Очень рада, что в деле Ковалева ты «выразил» мне доверие. Очень жаль, если ни чем нельзя будет скрасить эту ошибку. Ты мне в последних двух письмах ни слова не пишешь о своем здоровье и о том, когда думаешь вернуться.

Без тебя очень и очень скучно, как поправишься, приезжай и обязательно напиши мне, как себя чувствуешь. Мои дела пока идут успешно, занимаюсь очень аккуратно. Пока не устаю, но я ложусь в 11 часов. Зимой, наверное, будет труднее. Должна тебе сказать, что публика очень хорошая и живет дружно. В отношении успеваемости делают определения след[ующим] об[разом]: кулак, средняк, бедняк. Смеху и споров ежедневно масса. Словом, меня уже зачислили в правые. Словом, приезжай. Вместе будет хорошо. Ребята здоровы. Жаль, что тебя последнее время погода не балует. В Москве дни ясные, но холодные. Пиши, как себя чувствуешь. Целую тебя крепко, крепко.

Приезжай.

Твоя Надя.

27/IX-29 г.

Там же, л. 27.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

30 сентября 1929 г.

Татьяка!

Письмо получил. Передали ли тебе деньги? Погода у нас выправилась. Думаю приехать через неделю.

Целую крепко.

Твой ИОСИФ

30/IX-29 г.

Там же, л. 28.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

1 октября 1929 г.

Здравствуй дорогой Иосиф.

Письмо с деньгами получила. Большое спасибо. Теперь ты наверное уже скоро — на днях приедешь, жаль только, что у тебя будет сразу масса дел, а это совершенно очевидно. Посылаю тебе шинель, т. к. после юга можешь сильно простудиться. С очередной почтой (воскресной 29/IX) жду от тебя письмо. У нас пока все идет хорошо.

Приедешь обо всех делах расскажу.

На днях заходили Серго с Ворошиловым. Больше никто, Серго рассказал, что писал тебе о делах и вообще о том, что тебя уже ждут¹¹. Ну, приезжай, хотя я и хочу, чтобы ты отдохнул, но все равно ничего не выйдет более длительно.

Целую тебя крепко. Напиши, когда приедешь, а то я не буду знать когда мне остаться, чтобы тебя встретить. Целую тебя.

Твоя Надя

1/IX-29 г.

Там же, л. 29.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

21 июня [1930 г.]^{*}

Татьяка!

Напиши, что-нибудь. Обязательно напиши и пошли по линии НКВД на имя Товстухи (в ЦК)¹². Как доехала, что видела, была ли у врачей, каково мнение врачей о твоём здоровье и т. д. — напиши.

Съезд откроем 26-го¹³. Дела идут у нас неплохо.

Очень скучно здесь. Таточка. Сижудом один, как сыч. Загород еще не ездил, — дела. Свою работу кончил. Думаю поехать за город к ребятам завтра — послезавтра.

Ну, до свидания. Не задерживайся долго, приезжай поскорее.

Це-лу-ю

Твой Иосиф

Там же, л. 30.

^{*} Датировано по содержанию. *Ред.*

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

2 июля [1930]*

Татьяка!

Получил все три письма**. Не мог сразу ответить, т. к. был очень занят. Теперь я, наконец, свободен. Съезд кончился 10-12. Буду ждать тебя, как бы ты не опоздала с приездом. Если интересы здоровья требуют, оставайся подольше.

Бываю иногда за городом. Ребята здоровы. Мне не очень нравится учительница¹⁴. Она все бегаёт по окрестности дачи и заставляет бегать Ваську и Томика¹⁵ с утра до вечера. Я не сомневаюсь, что никакой учебы у нее с Васькой не выйдет. Недаром Васька не успевает с ней в немецком языке. Очень странная женщина.

Я за это время немного устал и похудел порядком. Думаю за эти дни отдохнуть и войти в норму.

Ну, до свидания.

Це-лу-ю.

Твой Иосиф.

Там же, л. 31, 32.

* Датировано по содержанию. *Ред.*

** Датировано по содержанию. *Ред.*

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

2 сентября 1930 г.

Татьяка!

Как доехала до места¹⁶? Как твои дела? Что нового? Напиши об всем, моя Таточка.

Я понемногу поправляюсь.

Твой Иосиф.

Целую кепко.

2.IX-30

Там же, л. 33.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

5 сентября 1930 г.

Здравствуй Иосиф!

Посылаю тебе просимые книги, но к сожалению не все, т. к. учебника англ[ийского] яз[ыка] не могла найти. Смутно, но припоминаю как-будто он должен быть в тех книгах, которые в Сочи на столе в маленькой комнате, среди остальных книг. Если ее не окажется в Сочи, то я не могу понять куда могла она деваться. Ужасно досадно.

Письмо твое получила. Сегодня первый день занималась. Подала заявление о переводе на хим[ическое] отд[еление], решила этот вопрос окончательно, но вся беда в том, что химики еще не набраны и набор закончится к 1.X. т[ак] что пока буду работать в прежней группе. Многого без меня не успели, так что догонять не придется. Очень рада, что чувствуешь себя уже лучше. Как с зубами? Подлечи их пожалуйста. Звонила Кирову, его нет сейчас в Ленинграде, когда будет позвонит мне, но я фактически не знаю даже о чем с ним говорить, т. к. это поручение, мне кажется, было сделано не серьезно¹⁷.

Желаю тебе всего хорошего.

Целую Надя.

Там же, л. 34, 35.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

8 сентября 1930 г.

Татьяка!

Письмо получил. Книги тоже. Английского самоучителя Месковского (по методу Розендаля) у меня здесь не оказалось. Пойщи хорошенько и пришли.

К лечению зубов уже приступил. Удалили негодный зуб, обтачивают боковые зубы и, вообще, работа идет вовсю. Врач думает кончить все мое зубное дело к концу сентября.

Никуда не ездил и ездить не собираюсь. Чувствую себя лучше. Определенно поправляюсь.

Посылаю тебе лимоны. Они тебе понадобятся.

Как дело с Васькой, с Сатанкой?

Целую кепко ного, очень ного.

Твой Иосиф

8/IX-30

Там же, л. 36, 37.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

12 сентября 1930 г.
Здравствуй Иосиф!

Письмо получила. За лимоны спасибо, конечно, пригодятся. Живем неплохо, но совсем уже по зимнему — сегодня ночью было — 7° по С. Утром все крыши были совершенно белые от инея. Очень хорошо, что ты греешься на солнце и лечишь зубы. Вообще же Москва вся шумит, стучит, разрыта и т. п., но все же постепенно все налаживается. Настроение у публики (в трамв[аях] и в др. обществ[енных] местах) сносное — жужжат, но не зло. Всех нас в Москве развлек прилет Цеппелина¹⁸, зрелище было, действительно достойное внимания. Глазела вся Москва на эту замечательную машину. По поводу стих[отворца] Демьяна все скулили, что мало пожертвовал, мы отчислили однодневный заработок¹⁹. Видела новую оперу «Алмаз», где Максакова²⁰ совершенно исключительно станцевала лезгинку (армянскую), я давно не видела танца так художественно выполненного. Тебе, думаю, очень понравится танец, да и опера.

Да, все же как я не искала твоего экз[емляра] учебника не нашла, посылаю другой экз[емляр]. Не сердись, но нигде не нашла. В Зубалове паровое отопление уже работает и вообще все в порядке, очевидно, скоро закончат. В день прилета цеппелина Вася на велосипеде ездил из Кремля на аэродром через весь город. Справился неплохо, но, конечно, устал.

Очень умно делаешь, что не разъезжаешь, это во всех отношениях рисковано.
Целую тебя.
Надя.

Там же, л. 38-40.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

19 сентября 1930 г.
Здравствуй Иосиф!

Как твое здоровье. Приехавшие т.т. (Уханов²¹ и еще кто-то) рассказывают, что ты очень плохо выглядишь и чувствуешь себя. Я же знаю, что ты поправляешься (это из писем). По этому случаю на меня напали Молотовы с упреками, как это я могла оставить тебя одного и тому подобные, по сути совершенно справедливые, вещи. Я объяснила свой отъезд занятиями, по-существу же это конечно не так. Это лето я не чувствовала, что тебе будет приятно продление моего отъезда, а наоборот. Пршшлое лето это очень чувствовалось, а это нет. Оставаться же с таким настроением, конечно, не было смысла, т. к. это уже меняет весь смысл и пользу моего пребывания. И я считаю, что упреков я не заслужила, но в их понимании, конечно, да.

На днях была у Молотовых, по его предложению, поинформироваться. Это очень хорошо, т. к. иначе я знаю только то, что в печати. В общем приятного мало. Насчет же твоего приезда Абель²² говорит т.т., я его не видела, что вернешься в конце октября; неужели ты будешь сидеть там так долго.

Ответь если не очень недоволен будешь моим письмом, а в прочем как хочешь.
Всего хорошего. Целую.
Надя.

Там же, л. 41-42.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

24 сентября 1930 г.
Татья!

Получил посылку от тебя. Посылаю тебе персики с нашего дерева.

Я здоров и чувствую себя, как нельзя лучше. Возможно, что Уханов видел меня в тот самый день, когда Шапиро поточил у меня восемь (8!) зубов сразу, и у меня настроение было тогда, возможно, неважное. Но этот эпизод не имеет отношения к моему здоровью, которое я считаю поправившимся коренным образом.

Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость. Что касается твоего предположения насчет нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки также несправедливы, как несправедливы попреки Молотовых в отношении тебя. Так, Татьяна.

Я приеду, конечно, не в конце октября, а много раньше, в середине октября, как я говорил тебе в Сочи. В видах конспирации я пустил слух через Поскребышева²³, о том, что смогу приехать лишь в конце октября. Абель, видимо, стал жертвой такого слуха. Не

хотелось бы только, чтобы ты стала звонить об этом. О сроке моего приезда знают Татьяна, Молотов и, кажется, Серго.

Ну, всего хорошего.

Целую кепку ного.

Твой Иосиф.

24/IX-30

P. S. Как здоровье ребят?

Там же, л. 43-45.

Н. С. АЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

30 сентября 1930 г.

Здравствуй Иосиф

еще раз начинаю с того же — письмо получила. Очень рада, что тебе хорошо на южном солнце. В Москве сейчас тоже неплохо, погода улучшилась, но в лесу определенная осень. День проходит быстро. Пока все здоровы. За восемь зубов молодец. Я же соревнуюсь с горлом, сделал мне профес[сор] Свержевский операцию, вырезал 4 куска мяса, пришлось полежать четыре дня, а теперь я можно сказать, вышла из полного ремонта. Чувствую себя хорошо, даже поправилась за время лежания с горлом.

Персики оказались замечательными. Неужели это с того дерева? Они замечательно красивы. Теперь тебе, при всем нежелании, но все же скоро придется возвращаться в Москву, мы тебя ждем, но не торопим, одыхай получше.

Привет. Целую тебя.

Надя.

P. S. Да, Каганович кв[артирой] очень остался доволен и взял ее. Вообще был тронут твоим вниманием. Сейчас вернулась с конференции ударников²⁴, где говорил Каганович. Очень неплохо, а также Ярославский. После была Кармен — под управ[лением] Голованова²⁵, замечательно.

Н. А.

Там же, л. 46-47.

Н. С. АЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

6 октября 1930 г.

Москва, 6.X.30 г.

Что-то от тебя никаких вестей, последнее время. Справлялась у Двинского²⁶ о почте, сказал, что давно не было. Наверное путешествие на перепелов увлекло, или просто лень писать.

А в Москве уже вьюга снежная. Сейчас кружит во всю. Вообще погода очень странная, холодно. Бедные москвичи зябнут, т. к. до 15.X. Москвотоп дал приказ не топить. Больных видимо-невидимо. Занимаемся в пальто, так как иначе все время нужно дрожать. Вообще же у меня дела идут неплохо. Чувствую себя тоже совсем хорошо. Словом теперь у меня прошла уже усталость от моего «кругосветного» путешествия и вообще дела, вызвавшие всю эту суетню также дали резкое улучшение.

О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно, она тебя видела у Калинина на обеде, что замечательно был веселый и тормозил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада.

Ну, не сердись за глупое письмо, но не знаешь ли тебе писать в Сочи о скучных вещах, которых к сожалению, достаточно в Московской жизни. Поправляйся. Всего хорошего.

Целую.

Надя.

P. S. Зубалово абсолютно готово очень, очень хорошо вышло.

Там же, л. 48-49.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛИЛУЕВОЙ

8 октября 1930 г.

Татьяна!

Получил твое письмо.

Ты что-то в последнее время начинаешь меня хвалить.

Что это значит? Хорошо, или плохо?

Новостей у меня, к сожалению, никаких. Живу неплохо, ожидаю лучшего. У нас тут испортилась погода, будь она проклята. Придется бежать в Москву.

Ты намекаешь на какие-то мои поездки. Сообщаю, что никуда (абсолютно никуда!) не ездил и ездить не собираюсь.

Целую очень ного, кепко ного.

Твой Иосиф

8/Х-30

Там же, л. 50-51.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

9 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татка!

Как доехала, обошлось без приключений? Как ребятишки, Сатанка?

Приехала Зина²⁷ (без жены Кирова). Остановилась в Зензиновке — считает, что там лучше, чем в Пузановке. Что же, — очень приятно.

У нас тут все идет по-старому: игра в городки, игра в кегли, еще раз игра в городки и т. д. Молотов успел уже дважды побывать у нас, а жена его, кажется, куда-то отлучилась.

Пока все.

Целую.

Иосиф.

9/IX.31

Там же, л. 52.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

Не позднее 12 сентября 1931 г.

Здравствуй Иосиф.

Доехала хорошо. В Москве очень холодно, возможно, что мне после юга так показалось, но прохладно основательно.

Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда после дождя краска стекает полосами. В общем, чтобы Москве дать настоящий желаемый вид требуются, конечно, не только эти меры и не эти возможности, но на данное время и это прогресс.

По пути меня огорчили те же кучи, которые нам попались по пути в Сочи на протяжении десятков верст, правда их несколько меньше, но именно несколько. Звонила Кирову, он решил выехать к тебе 12.IX, но только усиленно согласовывает средства сообщения²⁸. О Гротте²⁹ он расскажет тебе все сам. Улицы Москвы уже в лучшем состоянии, местами даже очень хорошо. Очень красивый вид с Тверской на Красную площадь. Храм разбирают медленно, но уже «величие» голов уничтожено³⁰.

В Кремле чисто, но двор, где гараж, безобразен, в нем ничего не сделали и даже ремонтную грязь не тронули. Это, мне кажется, нехорошо. Словом тебе наскучили мои хозяйские сообщения. Группа была очень довольна, что я поддержала 100% дисциплину, нужно сказать, что в первый же день нам дали столько новых всяких сведений, что, конечно, при таких условиях опаздывать нельзя не только из за 100%-сти.

Да, в отношении этого жестокого случая, опубликованного в «Известиях»³¹, выяснено, что убийство совершено с целью ограбления, т. к. у этого преподавателя были с собой деньги, полученные на оборудование кабинета по математике. Кто убийцы и др. подро[бностей] пока неизвестно. На общий состав преподавателей эта история произвела очень тяжелое впечатление, несмотря на то, что это лицо новое в стенах учреждения. За работу преподаватели принялись с энергией, хотя нужно сказать, что настроение в отношении питания среднее и у слушателей, и у педагогов, всех одолевают «хвостики» и целый ряд чисто организационных неналаженностей в этих делах и, главным образом, в вопросах самого элементарного обмундирования. Цены в магазинах очень высокие, большое затоваривание из-за этого.

Не сердись, что так подробно, но так хотелось бы, чтобы эти недочеты выпали из жизни людей и тогда было бы прекрасно всем и работали бы все исключительно хорошо.

Посылаю тебе просимое по электротехнике. Дополнительные выпуска я заказала, но к сегодняшнему дню не успели дослать, со следующей почтой получишь, тоже и с немец[кой] книгой для чтения — посылаю то, что есть у нас дома, а учебник для взрослого пришлю со следующей почтой.

Обязательно отдыхай хорошенько и лучше бы никакими делами не заниматься.

Звонил мне Серго, жаловался на ругательное твое не то письмо, не то телеграмму³², но, видимо, очень утомлен. Я передала от тебя привет.

Дети здоровы, уже в Москве.

Желаю тебе всего, всего хорошего.
Целую. Надя

Там же, л. 53-58.

* Датировано по содержанию. *Ред.*

** Не обнаружено. *Ред.*

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

14 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татка!

Письмо получил. Хорошо, что научилась писать обстоятельные письма. Из твоего письма видно, что внешний облик Москвы начинает меняться к лучшему. Наконец-то!

«Рабочий техникум» по электротехнике получил. Пришли мне, Татка, «Рабочий техникум» по черной металлургии. Обязательно пришли (посмотри мою библиотеку — там найдешь).

В Сочи — ничего нового. Молотовы уехали. Говорят, что Калинин собирается в Сочи. Погода здесь пока хорошая, даже замечательная. Скучновато только.

Как ты поживаешь? Пусть Сатанка напишет мне что-нибудь. И Васька тоже.

Продолжай «информировать».

Целую.

Твой Иосиф

14/IX-31 г.

P. S. Здоровье у меня поправляется. Медленно, но поправляется.

Там же, л. 59.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

19 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татка!

Получил письмо, книги.

Здесь погода пока хорошая. Я с Кировым проверили вчера ночью (в 12 ч.) температуру внизу на Пузановке и вверху, где я теперь живу. Получилась разница в 3 градуса реомюра в пользу новой дачи: оказалось, что при температуре внизу в 14 градусов реомюра (ночью в 12 ч.), наверху — 17 с лишним градусов. Это значит, что у нас наверху такая же температура, как в Гаграх и Сухуми.

Был раз (только раз!) на море. Купался. Очень хорошо! Думаю ходить и впредь.

С Кировым провели время хорошо.

Пока все.

Целую кепко-ного.

Твой Иосиф.

19/IX-31

Там же, л. 60.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

21 сентября 1931 г.

Здравствуй Иосиф,

Направляю тебе «семейную корреспонденцию». Светланино письмо с переводом, т. к. ты вряд ли разберешь все те важные обстоятельства, о которых она пишет. Кроме этого посылаю тебе книгу Дени³² с его письмом, которое я понимаю как просьбу о заграничн[ом] лечении. Там правда прямо ничего об этом не говорится, но мне кажется, что я правильно его понял. Мне кажется, что ему можно было бы ответить, а впрочем тебе виднее. Получили альбом со съемками на аэродроме, тоже посылаю. Интересно очень. Из новостей почти ничего нет. Была на Баядерке с Семеново³³, она была не в ударе, но тем не менее, опять новые движения. Вечерами много приходится заниматься. В отношении Московских дел: усиленно работают над Лубянской площадью — убрали фонтан в центре и по прямой линии прокладывают трамвай, освобождая тем самым круговое кольцо. Около Моск[овской] г[ости]н[и]цы ремонт улицы еще не закончен и очень кругом наворочено. Думаю, что к твоему возвращению сделают. Охотный ряд закрыт забором и усиленно разрушается. Двор гаража дня 3-4 тому назад начали ремонтировать. Думаю, что Абель информировал тебя более подробно так, что я ничего нового добавить не смогу.

Посылаю «черную металлургию». Из новых книг ничего интересно[го] не могу тебе послать, т. к. нет хорошего оценщика. Погода гнилая, никуда выходить не тянет. В Зубалове

была только в день приезда, больше не выбралась. 23.IX еду пробовать баню, она уже готова. Внешнее впечатление очень хорошее, посмотрю, крепки ли пары и напишу тебе.

Отдыхай. Был ли у тебя Киров? Серго мне говорил, что хотел бы дней на десять поехать в Сочи, но не знаю, как решил. Пока все. Целую тебя

Надя.

Уже, написав это письмо, получила письмо от тебя. Очень хорошо, что Киров побывал у тебя, а также то, что у тебя наверху тепло. С купаньем нужно осторожнее, т. к. сейчас t° воды все же уже ниже, поручений от тебя новых никаких, так что ничего не добавляю.

Надя.

ЗДРАВСТВУЙ ПАПО
ЧКА, ПРИЕЗЖАЙ СКОРЕЙ ДОМОЙ
ФЧЕРА РИТКА ТОКОЙ ПРАКАС ЗДЕЛАЛА
УЖ ОЧЕНЬ ОНА АЗАРНАЯ
ЦЕЛЮ ТЕБЯ ТВОЯ
СЯТАНКА.

Там же, л. 61-64.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

26 сентября 1931 г.

Здравствуй Иосиф.

В Москве льет без конца дождь. Сыро и неудобно. Очень много заболеваний гриппом. Ребята, конечно, уже болели гриппом и ангиной, я спасаюсь, очевидно, тем, что кутаюсь во все теплое. Загород так еще и не выбралась. В Сочи же наверное прекрасно, это очень и очень хорошо.

У нас все идет по-старому однообразно — днем заняты, вечером дома и т. д. Завтра хочу пойти на «Рекламу»³⁴, это на мал[ой] сцене Худ[ожественного] театра, говорят очень смешно, а посмеяться очень хочется.

На днях Яковлев прислал снимки, сделанные у нас в Сочи, посылаю тебе, смешные только. Особенно смешной вышел Молотов. Только привези их обратно, обязательно. Поручений от тебя никаких за эти дни, так что ничего не посылаю. Со следующей почтой, если еще не вернешься к тому времени, pošлю книгу Дмитриевского «О Сталине и Ленине» (это невозвращенца), сейчас не могу послать, т. к. Двинский не достал ее еще, а я вычитала в белой прессе о ней, где пишут, что это интереснейший материал о тебе. Любопытно? Поэтому я попросила Двинского достать ее.

Нового ничего, пока. На днях звонил Серго, жаловался, подхватил плеврит и провалялся несколько дней.

Отдыхай хорошенько. Целую тебя.

Надя.

Там же, л. 65-66.

И. В. СТАЛИН' Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

29 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татка!

Карточки («игра в городки») получил. Очень смешны и интересны. Посылаю их обратно (у меня могут пропасть).

Прошлый раз не писал тебе, — теперь хочу наверстать упущенное.

Книги по металлургии получил. Получил также письма Васи и Сетанки. Поцелуй их за меня, — хорошие они ребята.

Я скоро буду дома. Можешь поэтому прекратить переписку.

С 25 сентября погода резко изменилась в Сочи к худшему.

Был, как говорят здесь, «небывалый» шторм. Два дня дула буря с бешенством разъяренного зверя. На нашей даче вырвано с корнями 18 (восемнадцать) больших дубов. Зри.. дуба — великана перед самой дачей на горе (на Пузановке) вырвано с корнями. Температура почвы 28-го сентября упала до 4 градусов реомюр. Теперь погода начинает выправляться, но печку приходится топить.

Ну, пока все. До свидания.

Целую кепко.

Иосиф

* На конверте рукой И. В. Сталина указано: «Надежде Сергеевне Аллилуевой лично от Сталина».

** Так в тексте, вероятно, «три». *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аллилуева Надежда Сергеевна (1901-1932) родилась в Баку, в семье известного революционера С. Я. Аллилуева. В 1919 году вышла замуж за Сталина, работала в секретариате у Ленина. Затем работала в редакции журнала «Революция и культура» при газете «Правда», в 1929-1932 годах училась в Промышленной академии на факультете искусственного волокна. В 1921 году у них родился сын Василий, а в 1926 году — дочь Светлана. Сложная обстановка в семье Сталина воспроизведена в книге С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу». В ночь на 9 ноября 1932 года Н. С. Аллилуева покончила жизнь самоубийством.

2. Джугашвили Яков (1908-1943) — сын Сталина от первого брака с Екатериной Сванидзе. Жил в семье Сталина, с отцом сложились тяжелые отношения. Записка Сталина, адресованная Аллилуевой, относится, видимо, к тому периоду, когда после попытки самоубийства Яков уезжает в Ленинград и живет там на квартире у деда С. Я. Аллилуева. В дальнейшем Я. Джугашвили заканчивает Институт инженеров железнодорожного транспорта, поступает в Артакадемию РККА. С первых дней войны уходит на фронт. 16 июля 1941 года старший лейтенант Джугашвили попадает в плен к немцам. В 1943 году был убит часовым в концлагере Заксенхаузен, якобы при попытке к бегству. (см.: «Родина», № 5, 1992).

3. В июле — августе 1929 года Аллилуева вместе с мужем выезжала на отдых в Сочи. В конце августа вернулась в Москву для подготовки к вступительным экзаменам в Промышленную академию.

4. В телеграмме, адресованной в Сочи, от 5 сентября 1929 года Енужкидзе сообщал, что Аллилуева выезжает в субботу (8 сентября).

5. Очевидно, речь идет о тяжелом душевном заболевании брата Аллилуевой — Федора Сергеевича Аллилуева.

6. Ольга Евгеньевна Аллилуева (1875-1951) — мать Н. С. Аллилуевой.

7. Ковалев — зав. партийным отделом газеты «Правда», с 10 июня 1929 года член редколлегии газеты, 28 июля 1929 года был избран секре-

тарем партячейки газеты «Правда».

1 сентября 1929 года «Правда» опубликовала подборку статей под общим заголовком «Направим действенную самокритику против извращенной пролетарской линии партии, против конкретных проявлений правого уклона», с подзаголовком «Коммунары Ленинграда, смелее развертывайте самокритику, бейте по конкретным проявлениям правого оппортунизма». В одной из статей были приведены фамилии членов партии, пострадавших за критику и покончивших жизнь самоубийством.

8. 10 июня 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об упразднении института ответственного редактора «Правды», а для руководства текущей работой в «Правде» было выделено бюро редакционной коллегии в составе Крумина, Попова Н. Н. и Ярославского. 17 июня 1929 года это постановление Политбюро было утверждено решением Пленума ЦК. 12 января 1931 года институт ответственного редактора «Правды» вновь восстановлен, а бюро редакции «Правды» упразднено.

9. 26 сентября 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) данный вопрос не рассматривало. Получив 22 сентября письмо Аллилуевой, Сталин вечером того же дня направил Молотову следующую шифротелеграмму: «Молотову. Нельзя ли подождать с вопросом о Ковалеве в «Правде». Неправильно превращать фамилию члена козла отпущения. Главная вина остается все же за бюро редколлегии. Ковалева не надо снимать с отдела партийной жизни: он его поставил неплехо, несмотря на инертность Крумина и противодействия Ульяновой. Сталин. 22/IX. 22.30 г. Сочи» (Ф. 45. Оп. 1. Д. 74. Л. 18).

10. Сталин, Молотов и Орджоникидзе обменялись телеграммами и письмами по публикации в «Правде» от 1 сентября 1929 г. По указанию Сталина было решено усилить контроль ЦК ВКП(б) над газетами. В письме к Орджоникидзе от 23 сентября 1929 года он еще раз подчеркнул:

«...3) Мне сообщают, что в «Правде» нашли, наконец, козла отпущения в лице молодого человека редколлегии Ковалева, на которого и решились, оказывается, взваливать всю вину за допущенную ошибку в отношении Ленинграда. Очень дешевый, но неправильный и меньшевистский способ исправления своих ошибок. Виновыны прежде всего и больше всего члены бюро редколлегии, а не заведующий отделом партжизни Ко-

валев, которого я знаю как абсолютно дисциплинированного члена партии и который ни в коем случае не пропустил бы ни одной строчки насчет Ленинграда, если бы не имел молчаливого или прямого согласия кого-либо из членов Бюро» (Ф. 45. Оп. 1. Д. 778. Л. 18-19).

11. Имеется в виду письмо Орджоникидзе Сталину от 27 сентября 1929 года, где, в частности, говорилось, что «Ковалева пока не трогали, хотя он наделал массу глупостей. Согласен с тобой, что руководители «Правды» гораздо больше виноваты, чем Ковалев, больше того, виноваты кое-кто из аппарата ЦК...» Далее Орджоникидзе, сообщая о других делах, добавляет: «Как ни тяжело, но все-таки должен сказать, чем скорее ты приедешь, тем лучше» (Ф. 45. Оп. 1. Д. 778. Л. 20-21).

12. Речь идет о поездке Аллилуевой в июне — августе 1930 года в Карлсбад и затем к брату Павлу в Берлин. Сталин предлагает жене посылать письма с дипломатической почтой на имя Товстухи И. П. (1889-1935), работавшего в январе — июле 1930 года заведующим секретным отделом ЦК ВКП(б).

13. Речь идет о XVI съезде ВКП(б), проходившем с 26 июня по 13 июля 1930 года. Сталин выступил на съезде с политическим отчетом ЦК ВКП(б) 27 июня и с заключительным словом 2 июля.

14. В книге «Двадцать писем к другу» (М., 1990. С. 98) Светлана Аллилуева вспоминает, что вскоре после смерти матери «ушла от нас наша воспитательница Наталия Константиновна, чьи уроки немецкого языка, чтения, рисования я не забуду никогда. Сама ли она отказалась или ее выжили, не знаю, но весь ритм занятий был нарушен...».

15. Василий — сын Сталина, и товарищ Василия — Артем Сергеев.

16. В конце августа 1930 года Аллилуева возвратилась из-за границы.

17. Не установлено, о каком поручении идет речь.

18. 10 сентября 1930 года в Москве был осуществлен демонстрационный полет крупнейшего в мире дирижабля «Граф Цеппелин», названного по имени немецкого конструктора дирижаблей.

19. 12 сентября 1930 года инициативная группа сотрудников «Правды» обратилась к читателям: собрать средства и построить в кратчайший срок советский дирижабль «Правда». Газета ежедневно публиковала списки организаций и отдельных людей, внесивших свои сбережения на постройку дирижабля.

В письме упоминается поэт Демьян Бедный (Придворов Е. А.) — 1883-1945 гг.

20. Возможно, речь идет об опере «Алмаст» композитора А. А. Спендиарова. Премьера оперы состоялась в филиале Большого театра 23 июня 1930 года. Партию Алмаст исполняла солистка Большого театра М. П. Максакова.

21. Уханов К. В. (1891-1937) — в 1929-1932 годах председатель Мособлисполкома.

22. Абель Сафронович Енукидзе (1877-1937) — секретарь и член Президиума ЦИК СССР, крестный Н. С. Аллилуевой.

23. Поскребышев А. Н. (1891-1965) — секретарь И. В. Сталина.

24. Вероятно, Н. С. Аллилуева присутствовала на торжественном собрании в Колонном зале, посвященном Всесоюзному дню ударника.

25. Голованов Н. С. (1891-1953) — дирижер, пианист, композитор.

26. Двинский Б. А. — помощник И. В. Сталина.

27. Жена Орджоникидзе — Зинаида Гавриловна Орджоникидзе.

28. В шифротелеграмме, отправленной из Москвы 11 сентября 1931 года, С. М. Киров просил разрешения вылететь в Сочи на самолете. В тексте расшифрованной телеграммы написано рукой Сталина: «Не имею права и никому не советую давать разрешение на полеты. Покорнейше прошу приехать железной дорогой. Сталин. 11. IX.31. 20²⁰». (Ф. 45. Оп. 1. Д. 76. Л. 59).

30. Имеется в виду разбор храма Христа Спасителя. На заседании ЦИК СССР 13 июля 1931 года было принято решение: «п. 2 Местом для строительства Дворца Советов избрать площадь храма Христа в гор. Москве со сносом самого храма и с необходимым расширением площади».

31. «Известия» от 30 августа 1931 года опубликовали сообщение Московского уголовного розыска и фото неопознанного трупа, а 4 сентября газета сообщила, что убитый оказался доцентом кафедры математики Промакадемии Ивановым Б. Н.

32. Дени (настоящая фамилия Денисов) В. Н. (1893-1946) — советский график, один из основоположников советского политического плаката.

33. «Баядерка» — балет композитора Минкуса, в котором М. Т. Семенова исполняла партию Никии.

34. В 1930 году МХАТ осуществил постановку «Рекламы» Уоткинса (худ. рук. Немирович-Данченко).

Публикация и примечания Ю. МУРИНА

ПРОСТИ МЕНЯ, КОБА...

Неизвестное письмо Н. Бухарина

Весьма секретно
Лично

Прошу никого другого
без разрешения И. В.
Сталина не читать
И. В. Сталину
7 страниц + 7 стр. докл. зап.

Иосиф Виссарионович!

Пишу это письмо, как, возможно, последнее, предсмертное, свое письмо. Поэтому прошу разрешить мне писать его, несмотря на то, что я арестант, без всякой официальщины, тем более, что я его пишу только тебе, и самый факт его существования или несуществования целиком лежит в твоих руках...

Сейчас переворачивается последняя страница моей драмы и, возможно, моей физической жизни. Я мучительно думал, браться ли мне за перо или нет, — я весь дрожу сейчас от волнения и тысячи эмоций и едва владею собой. Но именно потому, что речь идет о пределе, я хочу проститься с тобой заранее, пока еще не поздно, и пока пишет еще рука, и пока открыты еще глаза мои, и пока так или иначе функционирует мой мозг.

Чтобы не было никаких недоразумений, я с самого начала говорю тебе, что для мира (общества) я 1) ничего не собираюсь брать назад из того, что я понаписал; 2) я ничего в этом смысле (и по связи с этим) не намерен у тебя ни просить, ни о чем не хочу умолять, чтобы сводило дело с тех рельс, по которым оно катится. Но для твоей личной информации я пишу. Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня бушевают мучения, о которых ты должен знать.

1) Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии.

2) Перебирая все в уме, насколько я способен, я могу, в дополнение к тому, что я говорил на пленуме¹, лишь отметить:

а) что когда-то я от кого-то слышал о выкрике, кажется, Кузьмина, но никогда не

придавал этому никакого серьезного значения — мне и в голову не приходило;

в) что о конференции, о которой я ничего не знал (как и о рютинской платформе), мне бегло, на улице post factum, сказал Айхенвальд («ребята собирались, делали доклад»)², — или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, пожалев «ребят»;

с) что в 1932 году я двурушничал и по отношению к «ученикам», искренне думая, что я их приведу целиком к партии, а иначе оттолкну. Вот и все. Тем я очищаю свою совесть до мелочей. Все остальное или не было или, если было, то я об этом не имел никакого представления.

Я на пленуме говорил таким образом сущую правду, только мне не верили. И тут я говорю абсолютную правду: все последние годы я честно и искренно проводил партийную линию и научился по-умному тебя ценить и любить.

3) Мне не было никакого «выхода», кроме как подтвердить обвинения и показания других и развить их: либо иначе вышло бы, что я «не разоружаюсь».

4) Кроме внешних моментов и аргумента 3) (выше), я, думая над тем, что происходит, соорудил примерно такую концепцию:

Есть какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, б) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает а) виновных, б) подозрительных и с) потенциально-подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись. Одних обезвреживают так-то, других — по другому, третьих — по третьему. Страховочным моментом является и то, что люди неизбежно говорят друг о друге и навсегда поселяют друг к другу недоверие (сужу по себе: как я озлился на Радека³, который на меня натрепал! а потом и сам пошел по этому пути...). Таким образом, у руководства создается полная гарантия.

Ради бога, не пойми так, что я здесь скрыто упрекаю, даже в размышлениях с самим собой. Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о своей собственной персоне наряду

с всемирно-историческими задачами, лежащими прежде всего на твоих плечах.

Но тут-то у меня и главная мука, и главный мучительный парадокс.

5) Если бы я был абсолютно уверен, что ты именно так и думаешь, то у меня на душе было бы много спокойнее. Ну, что же! Нужно, так нужно. Но поверь, у меня сердце обливается горячей струей крови, когда я подумая, что ты можешь верить в мои преступления и в глубине души сам думаешь, что я во всех ужасах действительно виновен. Тогда что же выходит? Что я сам помогаю лишаться ряда людей (начиная с себя самого!), то есть делаю заведомое зло! Тогда это ничем не оправдано. И все путается у меня в голове, и хочется на крик кричать и биться головою о стенку: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?

6) Я ни на иоту не злобствую и не ожесточен. Я — не христианин. Но у меня есть свои странности. Я считаю, что несурасплату за те годы, когда я действительно вел борьбу. И если хочешь уж знать, то больше всего меня угнетает один факт, который ты, может быть, и позабыл: однажды, вероятно, летом 1928 года, я был у тебя, и ты мне говоришь: знаешь, отчего я с тобой дружу: ты ведь неспособен на интригу? Я говорю: Да. А в это время я бегал к Каменеву («первое свидание»). Хочешь верь, хочешь не верь, но вот этот факт стоит у меня в голове, как какой-то первородный грех для иудея. Боже, какой я был мальчишка и дурак! А теперь плачу за это своей честью и всей жизнью. За это прости меня, Коба. Я пишу и плачу. Мне ничего уже не нужно, да ты и сам знаешь, что я скорее ухудшаю свое положение, что позволяю себе все это писать. Но не могу, не могу просто молчать, не сказав тебе последнего «прости». Вот поэтому я и не злоблюсь ни на кого, начиная с руководства и кончая следователями, и у тебя прошу прощения, хотя я уже наказан так, что все померкло, и темнота пала на глаза мои.

7) Когда у меня были галлюцинации, я видел несколько раз тебя и один раз Надежду Сергеевну¹¹. Она подошла ко мне и говорит: «Что же это такое сделали с Вами, Н.И.? Я Иосифу скажу, чтобы он Вас взял на поруки». Это было так реально, что я чуть было не вскочил и не стал писать тебе, чтоб... ты взял меня на поруки! Так у меня реальность была перетасована с бредом. Я знаю, что Н. С. не поверила бы ни за что, что я злоумышлял против тебя, и не даром подсознательное моего несчастного «я» вызвало этот бред. А с тобой я часами разговаривал... Господи, если бы был такой инструмент, чтобы ты видел всю мою расклеван-

ную и истерзанную душу! Если б ты видел, как я внутренне к тебе привязан, совсем по-другому, чем Стецкие и Тали!¹⁴ Ну, да это «психология» — прости. Теперь нет ангела, который отвел бы меч Аврамов, и роковые судьбы осуществятся!

8) Позволь, наконец, перейти к последним моим небольшим просьбам:

а) мне легче тысячу раз умереть, чем пережить предстоящий процесс: я просто не знаю, как я совладаю сам с собой — ты знаешь мою природу; я не враг ни партии, ни СССР, и я все сделаю, что в моих силах, но силы эти в такой обстановке минимальны, и тяжкие чувства поднимаются в душе; я бы, забыв стыд и гордость, на коленях умолял бы, чтобы не было этого. Но это, вероятно, уже невозможно, я бы просил, если возможно, дать мне возможность умереть до суда, хотя я знаю, как ты сурово смотришь на такие вопросы.

в) если⁵ меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклinaю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжалитесь! Ты, зная меня хорошо, поймешь. Я иногда смотрю ясными глазами в лицо смерти, точно так же, как — знаю хорошо — что способен на храбрые поступки. А иногда тот же я бываю так смятен, что ничего во мне не остается. Так если мне суждена смерть, прошу о морфийной чаше. Молю об этом...

с) прошу дать проститься с женой и сыном. Дочери не нужно: жаль ее, это ей слишком будет тяжело, так же, как Наде и отцу. А Анюта — молодая, переживет, да и мне хочется сказать ей последние слова. Я просил бы дать мне с ней свидание до суда. Аргументы таковы: если мои домашние увидят, в чем я сознался, они могут покончить с собой от неожиданности. Я как-то должен подготовить к этому. Мне кажется, что это в интересах дела и в его официальной интерпретации.

д) если мне будет сохранена, паче чаяния, жизнь, то я бы просил (хотя мне нужно было бы поговорить с женой)

*) либо выслать меня в Америку на п лет. Аргументы за: я провел бы кампанию по процессам, вел бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции, был бы фактически Анти-Троцким, и вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом;

можно было бы послать со мной квалифицированного чекиста и, в качестве добавочной гарантии, на полгода задержать здесь жену, пока я на деле не докажу, как я быю морду Троцкому и К° и т. д.

**) но если есть хоть атом сомнения, то выслать меня хоть на 25 лет в Печору или Колыму, в лагерь: я бы поставил там: университет, краеведческий музей, технич. станции и т. д., институты, картинную галерею, этнограф-музей, зоо- и фито-музей, журнал лагерный, газету.

Словом, повел бы пионерскую зачинательскую культурную работу, поселившись там до конца дней своих с семьей.

Во всяком случае, я заявляю, что работал бы где угодно как сильная машина.

Однако, по правде сказать, я на это не надеюсь, ибо самый факт изменения директивы февральского пленума говорит за себя (а я ведь вижу, что дело идет к тому, что не сегодня-завтра процесс).

Вот, кажется, все мои последние просьбы (еще: философская работа, оставшаяся у меня, — я в ней сделал много полезного).

Иосиф Виссарионович! Ты потерял во мне одного из способнейших своих генералов, тебе действительно преданных. Но это уж прошлое. Мне вспоминается, как Маркс писал о Барклае де Толли, обвиненном в измене, что Александр I потерял в нем зря такого помощника. Горько думать обо всем этом. Но я готовлюсь душевно к уходу от земной юдоли, и нет во мне по отношению ко всем вам и к партии, и ко всему делу — ничего, кроме великой, безграничной любви. Я делаю все человечески возможное и невозможное. Обо всем я тебе написал. Поставил все точки над *i*. Сделал это заранее, так как совсем не знаю, в каком я буду состоянии завтра и послезавтра *etc.*

Может быть, что у меня, как у неврастеника, будет такая универсальная апатия, что и пальцем не смогу пошевелить.

А сейчас, хоть с головной болью и со слезами на глазах, все же пишу. Моя внутренняя совесть чиста перед тобой теперь, Коба. Прошу у тебя последнего прощенья (душевного, а не другого). Мысленно поэтому тебя обнимаю. Прощай навеки и не поминай лихом своего несчастного.

Н. БУХАРИН

10.XII.37 г.

Сюда приложение на 7 страницах.***

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 427. Л. 13-18. Маш. Копия. Л. 19-22. Автограф.

* В 1956 г. письмо Н. И. Бухарина рассылалось членам Президиума ЦК, кандидатам

в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК КПСС.

** Н. С. Аллилуева — жена И. В. Сталина.

*** Письмо Н. Бухарина поступило в Особый отдел ЦК 2.XII.1938 г. без приложения. Другого экземпляра письма в архиве не имеется.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду пленум ЦК ВКП(б), проходивший с 23 февраля по 5 марта 1937 года. Решением пленума по докладу Ежова «дело Бухарина и Рыкова» было передано в НКВД.

2. Кузьмин В. В. и Айхенвальд А. Ю. — представители группы молодых партийных работников-экономистов, объединившихся вокруг Н. И. Бухарина («бухаринская школа»). На одном из заседаний этой группы, якобы в присутствии Н. И. Бухарина, В. В. Кузьмин заявил о своем желании убить Сталина. В 1932-1933 годах многие представители «бухаринской школы» были арестованы и впоследствии расстреляны. Документальных подтверждений о проведении нелегальной конференции, о которой упоминается в письме, и участия в ней Н. И. Бухарина не обнаружено.

Рютинская платформа названа по имени ее автора Рютин М. Н. (1890-1937). В марте 1932 года Рютин и его сторонники подготовили проекты двух документов: платформу под названием «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и обращение «Ко всем членам партии». Во время очной ставки в ЦК ВКП(б) 13 января 1937 года между В. Астровым и Бухариным Сталин высказал предположение, что автором рютинской платформы был Бухарин (Ф. 3. Оп. 24. Д. 270. Л. 68).

3. Радек К. Б. (1885-1939) — видный деятель партии и Советского государства. В 1936 году был арестован, под давлением следствия давал сфабрикованные показания против Н. И. Бухарина. 30 января 1939 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по делу так называемого «параллельного антисоветского центра» к 10 годам тюремного заключения. Убит в тюрьме 19 мая 1939 года.

4. Стецкий А. И. в 1930-1938 гг. заведующий отделом ЦК партии и одновременно главный редактор журнала «Большевик».

Таль Б. М. в 1935-1937 годах заведующий отделом печати и издательств ЦК ВКП(б), в 1935 году член редколлегии газеты «Правда», в 1936-м заместитель главного редактора газеты «Известия».

5. После слова «если» Бухарин зачеркнул слова: «Вы предрешили».

Публикация Ю. МУРИНА

Вы дали ВЛАСТЬ

ЛЕНТЯЯМ И ГОРЛОПАНАМ

Вероятно, только сейчас общество начинает осознавать, сколько тягот и лишений выпало на долю российского крестьянства. История этого мучительного пути еще ждет своих исследователей. Поэтому каждое новое документальное свидетельство имеет особую ценность.

Мы публикуем два небольших документа из бывшего Центрального партийного архива. Несмотря на разницу во времени (16 лет), в них, как в капле воды, отразились перемены сельской жизни. Многие крестьяне искренне поверили в обещания большевиков дать землю и свободу. Но проходит несколько месяцев, и крестьяне Вологодской губернии, замученные пролетарскими экспроприациями, в коллективной жалобе недоуменно спрашивают

**КОМИССАРУ ЛЕНИНУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ Р.С.Ф.С. РЕСПУБЛИКИ**

ЖАЛОБА-ЗАЯВЛЕНИЕ

Крестьян тружеников середняков и тружеников бедняков Курбангской в. Кадниковского уезда, Вологодской губернии.

Мы крестьяне труженики середняки и бедняки не были никогда ни буржуями, ни спекулянтами-барышниками, ни пьяницами, ни карманниками, ни лентяями паразитами, как высший класс, так и нисший за которого теперь Вы заступаетесь и жизненное государственное переустройство которыми Вы теперьверяете. Мы всю жизнь работали неустанно, не покладая рук и мы только мы несли на своих плечах все тяжести и нужды государственные и общественные. Богачи изворотливо откупались от несения государственных и общественных налогов, а с лентяев нечего было брать, которые от лености бросили свои земли и хозяйства, ничему хорошему не научились, поборничеством, воровством, картежничес-

Ленина: «Почему Вы заступаетесь за лентяев и прохвостов?» Ленин потребовал разобраться и доложить ему. Однако, чем кончилось дело, из материалов ленинского архива не ясно. Вскоре больной вождь отошел от политической жизни, а его соратники с воодушевлением взялись за «социалистические преобразования на селе». Удивительно, но некоторые крестьяне смогли приспособиться и к этому. Используя колхоз как прикрытие, они с успехом применяли индивидуальное хозяйство и аккуратно выполняли все государственные обязательства. В условиях, когда казалось, что деревню уже добились, это не могло не вызвать подозрения у «компетентных органов». Санкции последовали незамедлительно.

твом занимались и всецело жили нашими же трудами. И вот таким то людям Вы дали доверие и власть. Сидя у власти на местах они не старались и не стараются поднять и улучшить трудовой уровень народа, а только и делают, что грабят, отнимают нажитое тяжелым упорным трудом и бережливостью. Ведь эти лентяи горланы обижают и бедняка труженика. Они своим разгильдяйством и разнузданностью озлобили всех нас против Вас. Ведь от Вас все это исходит. Почему Вы заступаетесь за лентяев и прохвостов, а нападаете в лице их на нас тружеников. Мы крестьяне труженики середняки и труженики бедняки обращаемся к Вам и просим Вас не отнимать у нас труд и заставить лентяев-барышников работать, так как они богаче нас физической силой и молодостью.

Мы просим Вас заставить их принудить работать потому что нравственное влияние бесполезно к ним применять (басня кот и повар). Заботного по характеру нечего принуждать, он сам придумает работу. Возьмем для примера 4 семейства в дер. Некрасова: первое — Кулихиной имеют три над-

ела земли и семь здоровых, сильных людей — работников; бросили землю и дом и шляются и побираются миром; другое семейство — Костюненко — имеют 2 человека семьи (51 г.) не имели земли и дома, взяли в кормачу у первых брошенную землю, унавозили и наработали хлеба; третья семья (Соловьевы) имеет на три надела земли 7 человек сильных работников, живет дома картежничает и лежечочит, не имеет ни скота, ни хлеба; четвертая семья (Образцова) женщина имеет на руках малолеток деток и стариков, сама пашет землю и за все остальное берется и что же Кулихин и Соловьевы считают себя бедняками, а Костюненко и Образцову считают буржуями; пришли и обобрали у них хлеб и скот — коров и лошадей, потом наложили на них контрибуцию и всю подать (государствен. налог).

Примеров таких столько сколько людей. А если внимательнее присмотреться детальнее поразобрать жизнь людей, то эти лентяй-бедняки тысячу раз богаче нас. Ведь достояние крестьянина скапливается бережливостью и скромностью. Вот где же тут справедливость. Нет ее.

Представители от труженников середняка и труженников бедняка деревни Некрасова:

Николай Молчанов, по безграмотности Василия Соловьева — расписался. А. Образцов, Пелагея Образцова, Александр Качанов.

Представители труженников середняков и бедняков деревни Щекотова: идут подписи.

**Представители труженников середняков и бедняков д. Большой (подписи)
Деревни Нелитова (подписи)
Деревни Сукманицы (подписи)
Деревни Копыловой (подписи)
и т. д.**

«ПРИ МАКСИМАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА»

Совершенно секретно
Секретарю ЦК ВКП(б)
товарищу Андрееву
8 января 1936 года.

УНКВД СССР по Западной области общает: в колхозе «Червонное Рожново», Вяземского района, нами ликвидирована к.-р. группа. Работа группы представляет интерес потому, что деятельность ее была направлена на сохранение колхозов, как формы, при максимальном развитии индивидуального хозяйства колхозников, с тем чтобы «в момент объявления войны обеспечить ведение индивидуального хозяйства».

Следствием и специальной комиссией

установлено, что колхоз «Червонное Рожново» существовал только формально, по существу же в области молочного и товарного животноводства, огородничества и пчеловодства преобладающим являлось индивидуальное хозяйство колхозников. Сельскохозяйственный инвентарь, повозки и сбруя находятся в пользовании бывших владельцев, пополнение и ремонт их производится за счет средств колхоза. Лошади закреплены за бывшими владельцами, все постройки находятся на старых местах. (Из акта комиссии).

За 5 лет существования колхоза общественное стадо выросло на 1 корову, 11 телят, 1 свинью и 19 овец (лошадей уменьшилось на 10 голов), в то время как индивидуальное хозяйство колхозников возросло на 8 коров, 19 телят и 59 свиней.

Обобществленных пчел в колхозе не имеется, а в индивидуальном пользовании колхозников находится 39 колод (в момент организации колхоза не было ни одной колоды). За истекшие годы каждый колхозник приобрел себе по сепаратору.

Важно отметить, что все государственные обязательства колхоз выполнял аккуратно, но делалось это членами контрреволюционной группы с расчетом, чтобы районные организации и МТС не обращали внимание на внутреннюю жизнь колхоза, а следовательно, не мешали бы вести подрывную работу. Члены группы вели повстанческую агитацию и распространяли клеветнические слухи про руководителей партии и правительства.

По делу арестованы: 1. Шибалович Иван Савельевич, 1885 года рождения, кулак, б. агент охранной команды Петербургского охранного отделения. 2. Бодыль Кирей Матвеевич, 1896 года рождения, б. кулак, в 1932 году был осужден к 2 годам лишения свободы за саботаж. 3. Янович Егор Романович, 1905 года рождения, сын кулака. 4. Гусак Арсений Прокофьевич, 1903 года рождения, из зажиточных крестьян.

Все указанные лица — уроженцы Слуцкого района БССР. Следствие в ближайшие дни будет закончено. По существу деятельности контрреволюционной группы информирован обком ВКП(б).

Начальник секр.-полит. отдела ГУТБ
Молчанов.

*РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8952.
Л. 1-2; Ф. 17. Оп. 120. Д. 272. Л. 1-3.*

*Публикацию подготовили
С. КУДРЯШОВ
А. МАСАЛЬСКАЯ
И. СЕЛЕЗНЕВА*

Социализм не угас и принимает грозную форму

Н. Х. Бунге

Этот неофициальный документ по тематическому многообразию и всеобъемлющему охвату коренных проблем государственной жизни и экономического развития страны не имеет равных среди других немногочисленных программных документов высших сановников империи.

«Загробные заметки» — политическое завещание Николая Христиановича Бунге (1823-1895), видного ученого-экономиста, академика Петербургской Академии наук (1890), незаурядного педагога, профессора и ректора университета Св. Владимира в Киеве, опытного практика-финансиста, талантливого публициста, наставника цесаревичей Николая Александровича

(1863-1864) и Николая Александровича (будущего Николая II) (1886-1889). Убежденный либерал-западник, Бунге принял живое участие в «великих реформах» 60-х годов — подготовке отмены крепостного права (1861) и разработке нового университетского устава (1863). Уже на склоне лет судьба вознесла его на вершину бюрократической пирамиды. В 1881-1886 годах он — министр финансов. Именно в эти годы финансовое ведомство проводит серию податных реформ, учреждает Крестьянский банк для помощи крестьянам в покупке земли, издаются первые законы об охране труда рабочих на предприятиях, предоставляется большая свобода акционерному учредительству, начинается выкуп в казну нерентабельных частных железных дорог, готовится к введению в денежное обращение золотая валюта.

В конце 1886 года под давлением консервативных кругов, недовольных политикой министра-либерала, Бунге был вынужден покинуть свой пост. Ему не удалось завершить многих начинаний. И все же его преобразования помогли преодолеть экономические трудности и в какой-то мере обеспечить будущий промышленный подъем 90-х годов.

Хотя Александр III удалил Бунге из министерства, он отнюдь не собирался лишать его своего покровительства. Неожиданно для всех Николая Христиановича назначают председателем Комитета министров.

На закате жизни Бунге задумал составить политическое завещание, предназначенное для Александра III. Так появились на свет «Загробные заметки». В них Бунге предлагал комплекс мероприятий, которые должны были спасти монархию и государственные устои империи от социального взрыва. Записку пронизывает мысль о том, что обезвредить идеи социализма и сдержать революционное движение можно только

путем реформирования общества. Однако Александру III не довелось прочесть «Загробные заметки». В октябре 1894 года его не стало. Тогда Бунге заново отредактировал записку и переадресовал ее новому самодержцу. Но 3 июня 1895 года Бунге скоропостижно скончался. «Загробные заметки» обнаружили в его архиве. Николай II внимательно ознакомился с завещанием. Уважая память наставника, он приказал размножить записку типографским способом в нескольких десятках экземпляров под заглавием «1881-1894 гг. Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге». Копии были вручены некоторым великим князьям, министрам и членам Государственного совета. «Загробные заметки» раскрывают богатое идейное наследие Н. Х. Бунге. Как государ-

ственный деятель он обладал способностью ощущать потребности времени и умел смотреть в будущее дальше других творцов внутренней политики. По иронии судьбы его завещание до сих пор не опубликовано в нашей стране. Настала пора ознакомить российского читателя по крайней мере с фрагментами записки. Первый раздел содержит раздумья автора над итогами царствований Николая I и Александра II, второй посвящен анализу социалистических учений и методам борьбы с ними. Текст приводится в сокращении.

Публикация
кандидата исторических наук
В. СТЕПАНОВА

1881-1894 гг.

ЗАПИСКА, НАЙДЕННАЯ В БУМАГАХ Н. Х. БУНГЕ

Император Александр III вступил на Престол в смутное время. Общество было глубоко взволновано и ужасным преступлением, и кажущимся бессилием Правительства в борьбе с тайным врагом¹. Многие не постигали и не понимают даже теперь, почему славные дела, совершенные Царем-Освободителем: упразднение крепостного права, дарование неподкупного гласного суда, большая свобода печати, отмена телесных наказаний, устройство самоуправления, начиная от сельской общины и города и оканчивая уездными и губернскими земскими учреждениями, при несомненной любви народа к Своему Государю, виновнику дарованных благ, не только не сопровождалась сочувственным увлечением молодых поколений, но, напротив, как бы служили поводом к появлению из среды всех сословий анархистов, террористов, врагов династии и общественного порядка. Конечно, как хорошее, так и дурное нередко заносится извне, но несомненно, что дурное семя, каково бы ни было его происхождение, падало у нас на подготовленную почву.

Спрашивается, когда и чем была подготовлена эта почва?

Она была подготовлена в царствование Императора Николая I.

Крымская война² показала, что Россия не имела надежных союзников, что войска наши были плохо вооружены (ружья были у нас кремневые, а не игольчатые); что пути сообщения находились у нас в плачевном положении. Железных дорог было построено у нас, со включением Царства Польского, всего 963 $\frac{1}{2}$ версты, а шоссе, за исключением Финляндии, Царства Польского и Кавказа, существовали всего на протяжении 5,625 верст. К этому надо прибавить, что личность и имущественные права 20000000 крепостных крестьян не были достаточно ограждены законами, что администрация наша была продажна (она, впрочем, не безупречна и теперь) и, начиная от низших полицейских служителей до губернаторов, с редкими исключениями, получала содержание от питейных откупщиков³; что суды наши, как выразился Хомяков⁴, были полны «неправды черной»; что наше образование давало тощие плоды, что общественного мнения не было, а печать высказывала только то, что разрешала цензура, часто невежественная и тупая; что все сословия говорили и действовали по указаниям администрации, не обнаруживая самостоятельной

мысли и твердых убеждений, и, наконец, что все местные учреждения были чем-то вроде механизмов, которые приводились в движение приставленными к ним чиновниками.

И однако несомненно, что цели Императора Николая I были возвышенны и чисты. Ближайшее ознакомление с историей 1825-1854 гг. убеждает, что в самом начале царствования Государя занимали предположения о преобразовании всего управления, внушенные правительственной мудростью, вопрос об освобождении крестьян не сходил с очереди до 1848 г., когда революционное движение в Европе его затормозило; войско, финансы, наука, искусства, народное благосостояние были предметом постоянной заботливости Монарха. В деле восстановления металлического обращения⁵ и устранения лажа⁶ — Император принимал лично непосредственное участие. Наконец, составление «Свода Законов»⁷ свидетельствует об осознанной необходимости руководствоваться твердыми правилами, а не личным усмотрением решающей власти и не указаниями на постановления разного времени, нередко противоречившие друг другу и допускавшие произвольные толкования.

Прямодушный, правдивый Император Николай I был человек долга, порядка, дисциплины и сознавал Свои Царственные обязанности относительно народа, вверенного Ему Провидением.

При выдающихся нравственных качествах Государя, Его энергии и светлом понимании Им правительственных задач бедность результатов, достигнутых в течение 30-летнего царствования, представляется поразительной, но объясняется легко. Император Николай I хотел делать все Сам при посредстве администрации. Сознывая, что чиновники не всегда достаточно толковы, усердны и неподкупны, Он допускал общественную самодеятельность как редкое исключение. Земского и городского самоуправления не было, но были комитеты о земских повинностях и о народном продовольствии, приказы общественного призрения⁸ и городские думы, непосредственно подчиненные губернской администрации. Во всех этих учреждениях и даже в судах были выборные от сословий, но эти выборные или обращались в правительственных чиновников или в обладателей почетных sinecur, оплачиваемых чинами, орденами, а иногда и взятками.

Крестьяне государственные с своим сельским и волостным управлением при переходе из ведения Министерства Финансов в заведывание Министерства Государственных Имуществ, учрежденного в 1837 году, поставлены были в строгую зависимость от нового управления и, утратив часть своей самостоятельности, очутились и в ведении общей полиции, и в опеке у местных чинов Министерства Государственных Имуществ.

Но не одни местные учреждения имели административный бюрократический характер. Правительство неохотно допускало общественную инициативу в делах промышленности и торговли, предпочитая им предприятия государственные или казенные. В конце царствования Императора Николая I было всего 30 акционерных компаний. Если в настоящее время русские капиталисты отстают в умении соединять и направлять силы для осуществления частных промышленных предприятий, то перед Крымской войной это не было вовсе. У нас существовала почти исключительно одна форма торговой промышленной ассоциации — семейная, не отличавшаяся долговечностью: сыновья бросали дело отцов, предпочитая службу, или расстраивали его, наследуя скорее пороки, чем добродетели отцов.

Все это вызывало отрицательное настроение в образованном обществе, проявление оппозиционного духа в среде как славянофилов, так и западников. Первые искали своих идеалов в древней России, вторые — в общественной жизни и цивилизации Западной Европы; но сторонники обоих направлений приходили к мысли, что надо служить Государству не за столами одних канцелярий и не в одних рядах войск, но что есть деятельность общественная, нравственно обязательная для всех и каждого, но малодоступная тогда, когда государственная предприимчивость заменяет частную и когда местные общественные потребности удовлетворяются путем административных распоряжений. Одним словом, недовольство выражалось в самых разнообразных формах и приводило некоторых представителей интеллигенции к возмутительному для русского чувства желанию неудач в Крымскую войну, так как эти неудачи могли открыть Правительству глаза.

Затем, нельзя не признать, что свобода действий Самого Императора Николая I была связана воззрениями и стремлениями как Его сотрудников, так и окружавших Его лиц. Сознывая Себя вполне Самодержцем, отличаясь твердостью характера и непреклонностью воли, Император не находил часто на кого можно опереться, кому поручить исполнение дела. Он видел, что одни не сочувствуют его предначертаниям, а другие не сумеют их осуществить. Не сочувствовавшие преобразованиям останавливали Государя зловещими предсказаниями насчет будущего, ссылаясь на общественное мнение, которого никто не мог знать, потому что общественное мнение, насколько оно существовало в России, не могло высказываться. Под ним разумели вообще толки в нескольких гостиных, преимущес-

твенно столичных, — и только.

Иначе не могло и быть. Не допуская обсуждения государственных и общественных вопросов ни в печати, ни в совещаниях экспертов, призванных к тому Верховной властью, Государь, не замечая этого, Сам подчинялся влиянию ближайшей среды. Среда эта состоит обыкновенно из некоторых Министров и высших должностных лиц, наиболее приближенных ко Двору, отличающихся династической преданностью, но редко обладающих разно-сторонним образованием и основательным знанием России. Поэтому такие лица нередко стараются только или приноровиться к веяниям «минуты», или, не понимая дела, восстают против него. Этим путем очевидно не могли до Императора Николая I сведения, достаточно точные, а тем более верно освещенные. Доходили толки столичных гостиных и отзывы администрации, более или менее благонадежного образа мыслей местного общества или населения; сведения эти прилаживались к взглядам начальства и к дошедшим слухам о желаниях, опасениях и надеждах Монарха, которому полагали услужить тем, что донесения и отчеты соответствовали не действительности, а Его настроению и Его ожиданиям.

Таким образом, Император, при всем желании знать истину, получал неверное понятие о фактическом положении Государства, а тем более о настроении, господствовавшем в интеллигентных классах и в народе.

Насколько Император Николай I, Самодержавный Государь, был ограничен в проявлении Своей воли, это доказывается тем, что широкое преобразование, задуманное в начале Его царствования и подготовлявшееся в течение 20-ти с лишком лет, — освобождение крестьян, — осталось без всяких последствий.

Император Александр II и ближайшие Его сподвижники поняли причины 30-летнего застоя в период времени, предшествовавший Крымской войне, но, обращаясь к пробуждению общественной жизни, они впали в противоположную крайность. Им казалось, что все будет сделано, если обществу, не касаясь притом оснований государственного строя (Самодержавной Монархии), будет дана возможно большая степень самостоятельности и свободы.

Согласно с этим крестьянским сходом предоставлено было бесконтрольно распоряжаться разделом и переделом земель, ссудо-сберегательными кассами, запасными хлебными магазинами, распределением налогов и повинностей и проч. Согласно с этим предоставлено было земствам и городам самоуправление, хотя и заключенное в достаточно тесные границы, но совершенно бесконтрольное. Самоуправление крестьянское сделано было ответственным перед сходами, городское — перед думами, земское — перед земскими собраниями. Правильно устроенного контроля со стороны Государства и его административных органов установлено не было.

Поэтому крестьяне испытывали неурядицу в своем общественном быту и терпели от произвола собственных выборных. Еще на первых порах, пока действовали мировые посредники⁹, была власть, которая могла сколько-нибудь ограждать нарушенные права; с упразднением мировых посредников остались лишь непрременные члены уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, — власть, лишенная возможности действовать на местах, да мировые судьи, которые одни вопросы не имели права разрешать, а другие разбирали тогда, когда уже восстановление права оказывалось запоздалым.

Города, за исключением немногих более крупных и с более образованным населением, которые вообще повели свои дела успешно, мало выиграли вообще от преобразования городского управления, так как их хозяйство отдано было всецело в руки выборных, а за исполнением правил относительно составления бюджетов, отчетности правильного надзора не было. Поэтому жалобы на бездействие Правительства, на равнодушие его к разного рода неурядицам были часты, и, само собою разумеется, чем ниже был уровень интеллигенции, думы и управы — тем беднее были достигаемые самоуправлением результаты, тем сильнее было недовольство.

Земства, оказавшие также несомненные услуги России относительно устройства врачебной части, поднятия народного образования и разных отраслей местного хозяйства, равным образом не оправдали ожиданий: отчасти вследствие того, что в известных пределах они действовали бесконтрольно, — это вызывало жалобы на Правительство и на администрацию, ничего не предпринимающих для обуздания злоупотреблений; отчасти вследствие того, что бесконтрольность вызывала стремление переступить через границу, назначенную для деятельности земства. Эти обстоятельства вызывали раздражение в администрации, которая в иных случаях видела невозможность что-нибудь предпринять на основании закона для противодействия беспорядку, а в других — затруднялась провести границу между дозволенным и недозволенным. Действительно, некоторые земства были не прочь возбуждать общие государственные вопросы, вторгаться в область внутренней

политики (явления эти были, впрочем, очень редки), и само собою разумеется, что подобные увлечения не могли быть терпимы, но были другие случаи, когда земствам нескольких губерний необходимо было действовать по известному установленному плану, например, относительно прекращения эпидемий и эпизоотий, собирания статистических сведений и проч., и когда тем не менее стремление к объединению деятельности за пределами одной губернии рассматривалось как нечто незаконное, как относящееся к ведению Государства, а не местного самоуправления. С формальной точки зрения взгляд администрации был правилен, но по существу дело требовало решения, согласного с общественной пользой в смысле удовлетворения многих ходатайств.

К сожалению, спокойное, беспристрастное отношение администрации к самоуправлению составляло исключение. Сельское бесконтрольное самоуправление фактически, конечно, не было вне влияния административной власти, которая могла жаловаться скорее на недостаток органов для действия на местах, чем на недостаток власти, которая, однако, чувствовала себя стесненной судебной охраною дарованных населению прав. В городах администрации труднее было распоряжаться по произволу; но еще труднее было подчинить своему воздействию земства, в которых большинство деятелей и в собраниях, и в управах состояло из дворянства. Земства, как замечено было выше, под влиянием сознания своей бесконтрольности и настоятельности нарождающихся потребностей находились часто в разладе с администрацией. Этот разлад поддерживался тем, что бюрократия, проникнутая духом прошлого времени, не могла примириться с новым своим положением и старалась воспользоваться каждым случаем, когда представлялся малейший повод показать свою власть. Она была не прочь отказывать земствам в самых невинных заявлениях и желаниях, причем низшие инстанции находили поддержку в высших.

Таким образом, администрация, а в особенности губернаторы оказались поставленными относительно органов самоуправления в ненормальное положение.

Преобразования финансовые и судебные еще более умалили их власть.

Учреждение акцизного управления¹⁰ изъяло из ведения губернаторов доходные питейные сборы¹¹. Введение Судебных Уставов¹² дало следствию и суду независимость.

Наконец, общее стремление всех Министерств освободить свои учреждения на местах от влияния губернаторов, подчиненных Министру Внутренних Дел, привело к тому, что губернаторы увидели свою власть крайне умаленною, ограничивающеюся общей полицией, которая, в свою очередь, должна была исполнять требования двух других полиций — судебной и жандармской. Губернаторам нельзя было по-прежнему вмешиваться в производимые следствия по преступлениям, пересматривать судебные приговоры, принимать отеческие меры взыскания. Позднее, когда дальнейшие преобразования вызывали устройство особых губернских присутствий, преимущественно с коллегиальным характером, как-то: по крестьянским делам, по городским, по питейным и проч., тогда губернаторы оказались лишь председателями, хотя и облеченными некоторыми полномочиями, но не полноправными начальниками, распорядителями, как они того часто желали.

В этом новом строе общественной жизни «Начальники губерний» не всегда умели найтись; многие из них жаловались, что у них отнята власть, что им необходимо дать более широкие полномочия, не связывать их безусловно законом, а предоставить им право действовать во имя общего блага, по своему усмотрению; одним словом, многие полагали, что разрешение отступать от постановлений, утвержденных Верховной властью, требуется общественной пользой.

Конечно, такие права не были и не могли быть даны.

Но вместо установления контроля за местным самоуправлением, вместо возложения на губернскую власть некоторых обязанностей по надзору, вместо урегулирования внутреннего губернского управления предпочитали терпеть мотивированные обстоятельствами отступления от действующих постановлений, чем, конечно, подрывались и авторитет закона, и авторитет утверждающей его власти.

Таким образом, образовались как бы два течения: одно законное, так сказать принципиальное, — предоставление в известных границах бесконтрольных прав местному самоуправлению; другое — возникшее на деле — стремление местной административной власти к восстановлению своего обаяния, хотя бы ценою нарушения закона. Одним из наиболее выдающихся примеров такого разлада может служить торжественное провозглашение отмены телесных наказаний¹³, а затем продолжение сечения вопреки закону.

Вот причина возникновения толков, что Правительство одною рукою дает то, что другою отнимает; что оно неискренно, издавая законы, дарующие права, и дозволяя безнаказанное их нарушение! В умах, возбужденных и наэлектризованных духом совершенных преобразований, такие толки, порожденные очевидными недоразумениями и неверными суждениями, вызывали иногда только фрондерство, иногда же и враждебные

чувства.

Таким образом, многие преобразования, за первой вспышкой восторга, приносили с собою долю разочарования. Освобожденные крестьяне, ценя и понимая все благо дарованной им свободы, не находили в самоуправлении прочного земельного устройства, достаточного ограждения от неправды, произвола общины и господствующих в ней кулаков и мироедов, а в некоторых случаях, хотя и более редких, чем прежде, от самовластия местной администрации. Помещики, в свою очередь, хотя и были материально вознаграждены за отошедшую от них землю, но не находили вознаграждения за утраченную власть и чувствовали себя разьединенными с крестьянами, с которыми они имели столько общих интересов. Города и земства роптали, не видя в Правительстве ни защиты против злоупотреблений собственного самоуправления, ни содействия к разрешению вопросов, не предусмотренных Положениями городовым и земским¹⁴. Губернская власть чувствовала свою деятельность парализованною изъятием из ее ведения дел, возложенных на местное самоуправление, и предоставлением разным губернским ведомствам большей самостоятельности, вследствие непосредственного, прямого подчинения их центральной администрации. Свобода печати нарушалась запрещениями говорить о предметах, которые не имели никакого отношения ни к Верховной власти, ни к религии, ни к нравственности (одно время нельзя было свободно рассуждать о классическом и реальном образовании). Судебные Уставы действовали наравне с проявлениями административного произвола; учебная реформа водворила ультраклассицизм¹⁵, вопреки господствовавшему настроению общества, и поборники ее оскорбляли общественное мнение, утверждая, что лица, не получившие классического образования, не могут быть развитыми и способными к самостоятельной умственной работе.

Социализм и борьба с ним

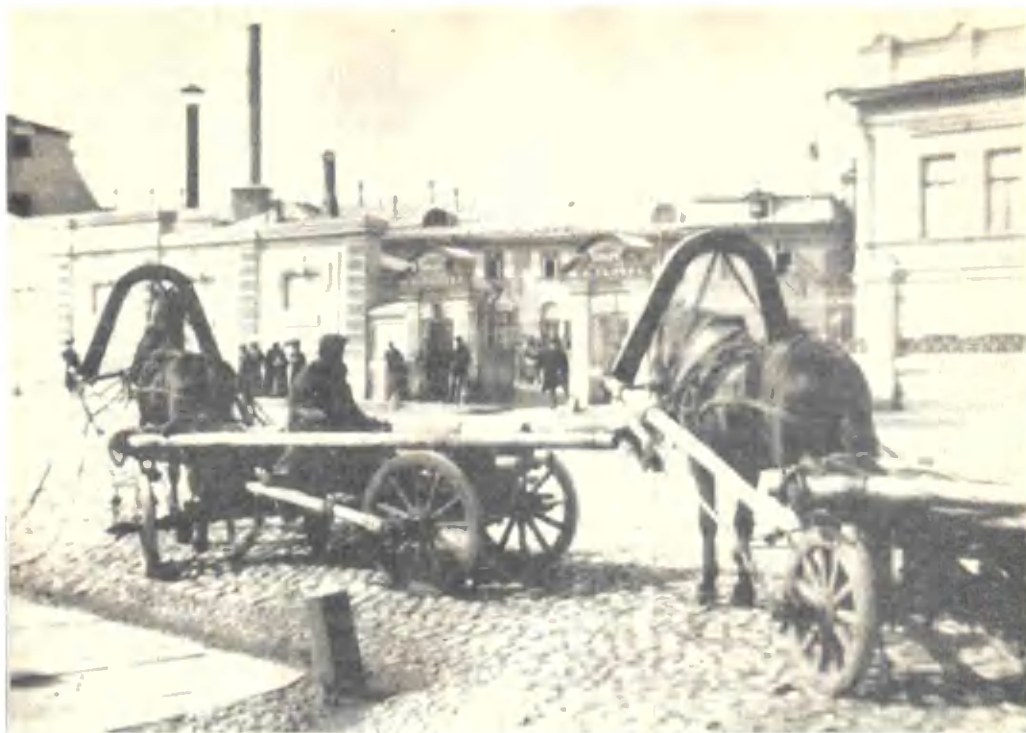
Что такое социализм и коммунизм и в чем заключается причина их зарождения и развития?

В настоящее время понятия о социализме и коммунизме часто смешивают, потому что первый переходит во второй. Под социализмом разумеется такое общественное устройство, в котором для человека становится возможным достижение счастья. Формы такого устройства могут быть очень разнообразны; но одна из них, именно та, в которой упраздняется частная личная собственность как условие производства, так и пользования предметами потребления, и есть коммунизм.

Отсюда ясно, что социализм не есть случайное явление и не есть одно из тех заблуждений, которые легко устраняются неопровержимыми доводами логики или истинами, полученными при наблюдении явлений. Социализм возникал всегда, когда ослабевала дисциплина общественная, когда человек переставал покорно нести бремя жизни, когда богатство других возбуждало ненасытные желания и когда общественное брожение вызывало в человеке возмнение в справедливости, закономерности или неизбежности религиозных или общественных отношений или порядков, когда человек переставал быть доволен тем, что есть, средою и отношениями, среди которых он живет, и начинал искать счастья и его условий. Понятие о счастье, конечно, очень растяжимо. Платон¹⁶ искал его для граждан, политически полноправных лиц, во всем строе государственных и имущественных учреждений; сектанты средних веков (Томас Мор¹⁷ и др.) — в обобщении имуществ.

В более законченной форме социализм начинает развиваться со времени С.-Симона¹⁸ и его учеников, которые мечтают о водворении царства промышленности, наук и искусства, об организации нового общества, и, выражая свое основное начало в форме: «а chacun selon sa caracite, а chaque caracite selon ses oeuvres»¹⁹, — согласно с этой формой требуют упразднения наследств и частной личной собственности. Государство, или, как полагали одни С.-Симонисты, «le pere supreme», лицо, облеченное высшею властью, которое само себя назначает, «qui se pose», или, как полагали другие (Bazard)²⁰, учреждение в роде банка, будет распределять собственность между всеми по их способностям и силам, и каждый будет получать вознаграждение по своим трудам. Таким образом, на Государство возлагалось гораздо более, чем средневековыми теориями.

Тогда частное лицо являлось часто бесправным, когда дело шло о благе Государства. Государство регламентировало частную деятельность, так как этого требовали интересы Государства как целого, и перед этими интересами частные интересы должны были умолкать, — так как они признавались легитимными тогда, когда они не находились в противоречии с интересами государственными. В социализме роль государства становится чисто служебной: оно должно служить осуществлению индивидуального личного счастья всех и каждого из своих граждан. Зато ему присваивается деспотическая власть, власть

распоряжаться не только в области закона и общих государственных делах, как прежде, но в делах распорядительных, частных, имущественных. Средневековое государство не отрицало частной собственности, но нередко ее отбирало и конфисковало; не отрицало и частных экономических сделок, но иногда назначало тарифы для товаров, работ и т. п. В социализме — *de chacun selon ses forces, а chacun selon ses besoins*²¹ — государство распределяет собственность и доходы между частными лицами, всякое проявление личности, всякая свобода уничтожаются, но зато Государство и его органы становятся ответственными во всем и перед всеми частными лицами. Понятно, что этот политический, или правильнее социалистический, строй нуждался в идее для своего оправдания, предполагал дальнейшее развитие своих начал и, наконец, не мог оставаться в формах отвлеченного требования.

Идеи социализма впервые были выражены в определенности у Фурье²², который признал, что цель человека — счастье и что счастье состоит в том, чтобы иметь много страстей и средств к их удовлетворению или, скорее, средств к стремлениям для их удовлетворения. Оставляя в стороне всю фантастичность в деятельности и сочетаниях страстей, придуманных Фурье, страстей чувств (*sens*), страстей привязанностей (*affections*) и страстей организации (*mecanisantes*), — нельзя, однако, не признать, что Фурье яснее и определеннее всех своих предшественников высказал идею социализма и придал ее осуществлению сенсуалистический²³, чисто французский оттенок. Доставить человеку возможность «наслаждаться жизнью» — вот единственное начало, законность которого признается Фурье и позднейшими социалистами, хотя понятия о том, в чем должны заключаться наслаждения, различны; Фурье полагал даже, что стремление к удовлетворению страстей доставляет более наслаждений, более «счастья», чем их удовлетворение (само собою разумеется, что такое стремление предполагает, что достижение цели не должно быть неосуществимым).

Затем социализм представляет также постепенное развитие своих начал. У С.-Симона и его учеников еще не совсем ясно, что делает Государство. Становясь общим наследником и распределяя это наследство, по отвлеченной формуле, оно не уничтожает частной промышленности. У Луи Блана²⁴ и Лассалья²⁵ является уже идея общественных мастерских, устроенных и ведомых Государством. У марксистов мы имеем дело с общиной, организующей промышленность, и далее с союзом общин — то, что Прудон²⁶ разумел в своем *Etat — Anarchie*²⁷, в котором упраздняется власть, а остается одна администрация.

Наконец, так как жизнь не представляла форм общественности, в которых осуществлялись бы требования социализма, его основная идея и начала самой организации общества по этим идеям, то понятно, что социалисты должны были искать этих форм в собственной фантазии, — в свою очередь, и такая фантазия очень часто была исходной точкой для развития начал общественной организации. Начиная с «республики» Платона²⁸ и оканчивая «XX столетием» (Беллами)²⁹ тянется ряд социалистических романов, представляющих смесь мечтаний о технических улучшениях, — применение коих связывают с осуществлением благоденствия человека, преимущественно материального, — под условием устройства общества, обеспечивающего всем и каждому все блага вещественные и все эстетические наслаждения.

Если новые анархисты, Бакунин³⁰ и его последователи, проповедуют и стремятся к уничтожению и к разрушению современного общественного строя, то, конечно, не из желания погрузить человеческий мир в ничто и в нем найти блаженство (нирвану), но под предлогом, что старое ни на что не годится и что новое лучшее должно возникнуть по разрушению старого.

Таким образом, ставится целью общественной жизни счастье человека или наслаждение; затем, излагаются начала общественного устройства для достижения этого счастья — устройства, из которого изгоняются все пороки, преступления и обиды, бедность, нищета и страдание; наконец, рисуются человеку картины общественной жизни, представляющие наглядное осуществление счастья на земле, и делаются ссылки на некоторые филантропические учреждения, в той или другой форме в данном месте осуществившие один из замыслов социалистического романа.

Спрашивается: можно ли требовать от всех людей, имеющих даже за собою сколько-нибудь жизненного опыта, чтобы они все отнеслись трезво и спокойно, без увлечений, к обещаниям, которые их, т. е. этих людей, по-видимому, ни к чему не обязывают, но за то сулят всем то, чего они лишены в данную минуту.

Спрашивается, кто из бедняков или пылких человеколюбцев станет рассуждать о том, что природа людей далеко не одинакова, что один находит «счастье» в грубых материальных наслаждениях, другой — в науке, искусстве и в удовлетворении духовных потребностей, третий, наконец, в своих лишениях, соединенных с исполнением чувства долга, в самопожертвовании; что люди, располагающие всем, что нужно для счастья, как бы широко его ни понимали, сами не умеют пользоваться им, и что, наконец, то, в чем один человек находит счастье, составляет страдание для другого. Все драмы, основанные на любви, которая не нашла ответа в другом сердце, на любви, отнимающей счастье у другого, третьего лица, разве они могут быть упразднены осуществлением социального строя? Фурье, который нарисовал сладострастные картины чувственных наслаждений, не предусмотрел, что самцы или самки могут подражаться между собой и что оргия не кончится идиллиями вроде Дафна и Хлои³¹, а потасовкой.

Спрашивается, многие ли из бедняков, придавленных нищетой, могут понять, что недвижимая собственность, наследство составляет условие для индивидуального развития человека и для упрочения семейного духа, что денежные капиталы вывели человека из состояния рабства и зависимости, что соперничество есть символ свободы личности, что социализм обращает человека если не в раба другого человека, то в раба общественного, обязанного за установленную работу получать содержание натурою и не иметь ничего своего и ничем не располагать; наконец, что с утратой свободы утрачивается также человеком личная ответственность, тот сильный нравственный двигатель, без которого правильная общественная жизнь невысказима. Как понять это человеку, у которого нет собственности, нет видов на наследство, нет денежных капиталов; когда его давит соперничество собственника, капиталиста, заставляющих его за дневное пропитание работать до истощения сил? О каком семейном духе, о каком развитии личности и свободы может помышлять человек, не имеющий ни упроченного настоящего, ни надежд на будущее?

Критика социализма

И однако, какие бы формы экономического быта ни были придуманы, но несомненно, что страна, в которой личная собственность не развита или где она составляет не право, данное всему народу, а немногим в нем избранным, там при необеспечении в известных границах собственности или пользования, при общем владении и пользовании землею, мы находим не благосостояние, а нищету или хроническую, или следующую за каждой невзгодой, постигшей население.

Несомненно, что без денежных капиталов человек никогда бы не вышел из первобытного состояния, и все то, чем гордится современная цивилизация: знание, наука, искусство, пользование силами природы — было бы для него недоступно. Прудон в таких обществен-

ных явлениях находил противоречия и, философствуя по образцу Гегеля³², искал примирения этих противоречий в высших формах общественности. В сущности же никаких противоречий нет. Там, где есть собственность, капитал и соперничество, возможно злоупотребление ими, злоупотребление свободой, угнетение слабого и упразднение ответственности тем, что сильный сам себя от нее до поры до времени освобождает.

Еще не придумана формула общественности, и, конечно, никогда не будет придумана, которая обеспечивала бы господство нравственности и добра без всякого личного участия в том человека, предполагающая отсутствие всякой заслуги человека, что ставило бы его ниже многих животных, которым доступны чувства благодарности, привязанности и долга.

Истинная внутренняя политика, относящаяся к устройству общественному, есть политика, основанная на христианском начале, что все люди равны перед Богом и в этом смысле братья (Христос не делал различия между евреем и не евреем). Это равенство перед Богом не исключает неравенства политического, различия сословий, точно так же как оно не исключает неравенства имущественного, умственного, физического. Если отступление от идей христианства влечет за собою много страданий и зол, то несомненно, что обращение в свою эгоистическую пользу равенства христианского теми или другими элементами общества требует отпора, точно так же как люди нуждаются в защите, когда неравенство имущественное, умственное и физическое становятся средством для угнетения.

Меры борьбы с социализмом

Но если социализм такое зло, от которого гибнут нравственность, долг, свобода, личность, то неужели же потеряна всякая надежда на успешную борьбу с социализмом, и общество должно погибнуть от тех зол, которые его порождают, или от зол, в нем заключающихся? Нет, жизнь есть борьба, и все, что возможно, — это обезвреживание социализма. Отсюда в человеческих обществах потребность в Верховной власти и в ее защите. Но Верховная власть не может действовать непосредственно, она нуждается в агентах, в содействии самого общества и, наконец, в законах и учреждениях, задача которых состоит в том, чтобы удовлетворить потребностям минуты, относительно водворения возможной справедливости на земле, справедливости равной для всех и каждого, теми средствами, которые в данное время представляются наиболее пригодными. Другими словами, задача Верховной власти и ее учреждений состоит в облегчении для каждого условий приобретения собственности и капитала, для сохранения свободы и в соперничестве, и в том, что сдерживает гнетущую силу соперничества — в ассоциациях.

Из предыдущего явствует, как трудна борьба с социализмом и как легко Правительству попасть на опасный путь.

Во-первых, при настоящих условиях религиозных, нравственных и хозяйственных нельзя деятельностью Государства или хозяйственно организованных общин с общим имуществом, общим производством и общим потреблением заменить личную собственность, личное хозяйство и потребление. Если область государственного и общественного хозяйства в течение последней половины настоящего столетия значительно расширилась (обращение железных дорог и телеграфов в государственные предприятия; устройство городами водопроводов, освещения; общественные предприятия паровозных, конно-железных дорог и т. д.) и еще большее расширение предвидится в более отдаленном будущем, то сделанные опыты замены свободного хозяйства частного принудительных хозяйством государственным или общественным не сказали еще своего последнего слова, и эти формы еще не упразднили частного хозяйства, а с тем вместе личности и свободы человека.

Правительство вступило бы на опасный путь, если бы оно предприняло занятие теми отраслями, которые с успехом велись частной промышленностью, если бы оно вздумало монополизировать горные промыслы, фабрики и заводы. Если уже при установлении железнодорожных тарифов Правительство становится в трудное положение предпринимателя, который должен заботиться не только о выгоде, но и об удовлетворении желаний своих клиентов, доставляя им известные преимущества или облегчения относительно привоза необходимых для них товаров или сбываемых ими произведений, то понятно, что назначение заработной платы в фабричных и заводских предприятиях, установление цен сырым материалам, приобретаемым казною, и произведениям, отдаваемым в продажу, — представит огромные трудности.

Вторжение Государства в фабричную и заводскую предприимчивость положило бы начало неограниченной власти администрации относительно назначения цен, власти, доселе неизвестной, и которая конечно будет могущественнее всех возможных коалиций капиталистов.

Но можно возразить, что эта власть не будет одностороннею, что она будет иметь в

виду справедливость и общее благо. Конечно, это необходимо для того, чтобы государственное хозяйство могло существовать, но всегда ли это будет? Можно ли требовать от казенного управления, которое, при дурном ведении хозяйства, не отвечает своим карманом в такой степени, как частное, чтобы оно было по природе своей и справедливо, и интеллигентно, и разумно? Не последует ли при нем то ослабление пружины человеческой деятельности, которое неизбежно при всяком коммунистическом хозяйстве? Не наступит ли упадок духа изобретательности и стремления к улучшениям и нововведениям? С какими бы ограничениями ни допускались эти пессимистические предположения, но весьма мало вероятно, что Государство могло во всем и везде успешно заменять частную предприимчивость.

Есть Государство, где казенное хозяйство может получить применение более обширное, но есть и такие, в которых необходимо остерегаться его введения. Главное условие успеха — хорошо дисциплинированная, честная администрация. Где, как, например, в Турции, такой администрации нет, там всякое казенное хозяйство было бы безумием.

Гораздо свободнее может действовать Государство в области законодательной, устранивая или способствуя устройству обществом всего, что прямо или косвенно способствует приобретению недвижимой собственности (дома для жилья и земля) и накоплению капитала, охранению рабочего труда детей, женщин и взрослых (закон о рабочих), распространению образования и т. п. Всего этого однако мало: нужны еще нравы, дух семейный для противодействия социализму в его грубейших формах, известная мера довольства настоящим.

Меры, принимаемые против социализма, возбуждают немало обманчивых надежд и именно потому, что они бывают рассчитаны на устранение некоторых обстоятельств, часто сопутствующих социализму, но сами по себе не устраняют коренной причины зла. Полагают, что свобода, самоуправление откроют глаза, что если образование будет более развито в массах, тогда они поймут, что уничтожение личной поземельной собственности, общественные мастерские, восьмичасовая работа, участие в прибылях, доставляемых капиталом и предприимчивостью, не обеспечат каждому, и трудящемуся, и ленивому, обилие всех благ земных и то «счастье», которое обещает социализм, досрочий до коммунистических представлений. Полагают, с другой стороны, что строгая дисциплина, поддерживаемая репрессией, узда, ограничение народного образования одним религиозным назиданием и началами грамотности или даже одним изучением молитв и начал веры путем словесной передачи, без грамотности, предохранили бы массы населения от заразы, которая разносится печатью, и удержали бы их в крепкой вере, в повиновении старшим и на нравственной высоте, недоступной для человека, вкусившего так называемых плодов просвещения. Ошибаются обе стороны, потому что искание счастья присуще человеку.

Нельзя сказать, чтобы образование народных масс не сделало крупных успехов на Западе в XIX веке. Нельзя сказать, что Лассаль, Маркс и их сподвижники ничему не учились. Нельзя сказать, чтобы и благосостояние рабочего класса было менее во второй половине XIX века, чем в первой, и чтобы не было в обществе ясно обозначившихся стремлений к справедливости (Staatssocialismus³³ в Германии), а между тем социализм не угас и принимает грозную форму международного союза. Равным образом нельзя не признать, что чем менее образован человек, чем грубее его инстинкты, чем теснее круг его понятий — тем порывы к счастью принимают более свирепые формы. Это показывает нам история крестьянских бунтов Разина, Пугачева, история французского террора 90-х годов³⁴, наши семинаристы³⁵. Таким образом, и невежество, составляющее смертный приговор для Государства, потому что делает для него невозможным борьбу с более развитыми странами, не ограждает от социализма, — напротив, увеличивает опасность, угрожает более грубыми его формами.

На социализм надо смотреть не как на нечто могущее быть искорененным, но как на нечто требующее введения в известные границы, причем общественная жизнь получает более правильное и нормальное течение. Нельзя искоренить социализм, как нельзя искоренить микробов. Без желанья счастья и стремления к нему застыла бы самая жизнь. Вопрос в том, в чем заключается счастье!

Для успешной борьбы с социализмом необходимы нравы, учреждения и законы, упрочивающие нравственное и материальное благосостояние всех и каждого, как классов, владеющих недвижимыми имуществами, так и рабочих. Необходимо возможное пробуждение и развитие семейного духа, необходимо возможное распространение частной собственности и учреждений, обеспечивающих союзность и соглашение интересов как в среде отдельных категорий населения, так и между этими категориями (учреждения земледельческих, промышленных и других обществ), для успешного ведения каждым своего дела и для достижения общих целей соединенными силами (пока осуществлено одно

страхование имущества и жизни).

Необходимы суды для разбора интересов, приходящих в столкновение, хотя бы ничье формальное право нарушено не было. Необходимо предупредить сосредоточение недвижимой собственности в немногих руках и облегчить для каждого накопление капиталов и пользование кредитом для целей производства, а не потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о террористической деятельности «Народной воли» и убийстве революционерами императора Александра II 1 марта 1881 года.

2. Крымская (Восточная) война (1853-1856) — война России с коалицией Англии, Франции, Сардинии и Турции за господство на Ближнем Востоке. Закончилась поражением России.

3. Откупщики — частные лица, которым государство за определенную плату предоставляло исключительное право на продажу вина. Система откупов существовала с XVI века до 1863 года. Заменена акцизом — косвенным налогом на потребление спиртных напитков.

4. Хомяков Алексей Степанович (1804-1860) — писатель, публицист, философ, общественный деятель, один из идеологов славянофильства. Цитируется его знаменитое стихотворение «Россия».

5. Имеется в виду денежная реформа министра финансов Е. Ф. Канкрин 1839-1843 гг., временно, до Крымской войны, восстановившая размен бумажных денег на золото и серебро.

6. Лаж (ажю) — превышение рыночной цены золота, курсов валют, векселей и других ценных бумаг установленного номинала.

7. «Свод законов» — собрание действующих законодательных актов Российской империи, расположенных в тематическом порядке. Издания 1832, 1842 и 1857 гг. состояли из 15 томов, в неполное издание 1892 г. был добавлен 16-й том. С конца XIX века появился ряд неофициальных изданий свода законов.

8. Приказы общественного призрения — губернские административные органы, созданные согласно закону о губернской реформе 1775 года. Ведали местными школами, госпитальными, больницами, богадельнями, сиротскими домами, некоторыми тюремными учреждениями — «рабочными» и «смирительными домами», выполняли благотворительные функции. Ликвидированы в ходе либеральных реформ

1860-1879-х годов.

9. Мировой посредник — должностное лицо, назначавшееся с 1861 года из числа местных дворян-землевладельцев для разбора споров и жалоб, возникавших между крестьянами и помещиками в период реализации крестьянской реформы 1861 года. Ведало органами крестьянского общественного самоуправления и обладало по отношению к крестьянам судебной-полицейской властью. Институт мировых посредников упразднен в 1874 году и заменен уездным по крестьянским делам присутствием.

10. Акцизное управление (1863-1917 гг.) — губернский орган Министерства финансов, ведавший поступлением косвенных (неокладных) налогов.

11. Питейные сборы — косвенный налог на потребление спиртных напитков, введенный вместо системы откупов с 1 января 1863 года.

12. Имеются в виду судебные уставы 20 ноября 1864 года, которые ликвидировали сословный суд и установили принципы отделения суда от администрации, несменяемость судей и судебных следователей, гласности и состязательности судебного процесса, учредили суд присяжных и институт присяжных поверенных.

13. Согласно закону 1863 года от телесных наказаний были освобождены женщины, служители церкви, крестьяне, занимавшие выборные должности, значительно сокращено их применение к военным служащим. Окончательно телесные наказания были отменены только в 1904 году.

14. Имеются в виду: 1) «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1 января 1864 года — закон о земской реформе, вводившей земские уездные и губернские выборные учреждения (земские собрания и земские управы); 2) «Городовое положение» 16 июня 1870 года — закон о городской реформе, заменившей сословные органы самоуправления всесословной городской думой и городской управой под общим председательством городского головы.

15. Имеется в виду реформа среднего образования, проведенная министром народного просвеще-

ния гр. Д. А. Толстым в 1871 году. Заключалась в усилении преподавания латинского и греческого языков в гимназиях, причем только выпускникам классических гимназий было предоставлено право поступления в университет.

16. Платон Афинский (427-347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник платонизма — одного из главных направлений в античной философии.

17. Мор Томас (1478-1535) — английский гуманист, писатель и государственный деятель, один из основоположников утопического социализма, автор книги «Утопия» (1516).

18. Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760-1825) — французский утопический социалист, социолог и мыслитель.

19. Каждому по способности, каждой способности по заслугам (франц.)

20. Базар Сент-Аман (1791-1832) — французский утопический социалист, автор труда «Изложение учения Сен-Симона» (Ч. I-II. 1829-1830).

21. От каждого по способностям, каждому по потребностям (франц.)

22. Фурье Франсуа Мари Шарль (1772-1837) — французский утопический социалист.

23. Сенсуалистический — чувственный, от слова «сенсуализм» — чувство, восприятие, ощущение.

24. Блан Луи (1811-1882) — французский утопический социалист, историк, журналист, деятель революции 1848 года.

25. Лассаль Фердинанд (1825-1864) — немецкий социалист, деятель рабочего движения в Герма-

нии.

26. Прудон Пьер Жозеф (1809-1865) — французский социалист, философ, социолог, экономист, теоретик анархизма.

27. Государство анархии (франц.)

28. Республика Платона — проект идеального государственного устройства, изложенный в сочинении «Государство» древнегреческого философа Платона, предусматривавший уничтожение частной собственности, общность жен и детей, государственное регулирование браков, общественное воспитание детей и др.

29. Беллами Эдуард (1850-1898) — американский писатель, автор социально-утопического романа «Взгляд в прошлое» (1888).

30. Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) — русский революционер, основатель одного из направлений анархизма, участник революции 1848 года в Чехии, Франции, Саксонии.

31. Дафнис и Хлоя — персонажи одноименного романа древнегреческого писателя Лонга (2-3 вв. н.э.)

32. Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики.

33. Государственный социализм (нем.)

34. Имеется в виду политика террора в период Великой французской революции, проводимая якобинской диктатурой (1793-1794).

35. Под «семинаристами» понимаются участники революционного движения разночинной интеллигенции 1860-1880-х годов.

Тайна переписки охраняется законом.
Конституция СССР, статья 128.

Леопольд АВЗЕГЕР

Не думаю, что сам факт существования цензуры является для кого-то секретом в Советском Союзе. Другое дело, что она собою представляет, что за люди в ней работают. Бытует мнение о некоем сидящем в цензуре круглом болване, который вымарывает все, что предлагает ему вымарать инструкция. Конечно, интеллектуалы не работают в цензуре. Но важно то, что в ней работают профессионалы, знающие свое дело.

Я ВСКРЫВАЛ ВАШИ ПИСЬМА...

Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ*

Нелегко было мне сесть за эти воспоминания. Возможно, оттого, что на Западе еще никто и никогда не касался вплотную той деятельности, с которой в силу ряда обстоятельств свела меня жизнь. Были у меня и иные, чисто личные причины, по которым я хранил молчание более двадцати семи лет. Теперь, однако, я решил рассказать обо всем, что знаю и что, как мне кажется, не имею морального права уносить с собой.

Я родился в Западной Украине, в Дрогобыче, который в 1939 году вместе со всей Западной Украиной был «освобожден» Красной Армией и стал обычным советским городом. Довольно рано я вступил в комсомол, а затем и в партию, и это во многом определило мою дальнейшую судьбу. Как только началась война, меня взяли в действующую армию и отправили в подмосковный город Муром, где формировалась наша будущая воинская часть. Позже я участвовал в боях за освобождение Украины, Румынии, Венгрии, Чехословакии и Австрии, был награжден несколькими орденами и медалями, а после победы над гитлеровской Германией нашу часть перебросили на Восток, в Маньчжурию, а затем в Забайкальский военный округ. Вот здесь-то, собственно, и произошел поворот в моей жизни.

В начале февраля 1946 года в наше подразделение из Читы прибыли два офицера, в распоряжение которых была сразу же предоставлена отдельная комната в штабе батальона. По их обмундированию трудно было определить, к какому роду войск они принадлежат. Однако, когда они в числе нескольких других пригласили меня на беседу, то по тому, как держались, и еще больше по вопросам, которые задавали, я понял, что офицеры эти принадлежат к советской разведке. Вели они себя совершенно непринужденно, по-дружески, непрестанно шутили, словно желали подчеркнуть, что к нашей беседе не имеют отношения никакие чины и звания. Но все это не помешало им словно бы между прочим

*Печатаются в сокращении.

здать множество вопросов: где я родился, кто я по происхождению, живы ли родители, чем занимаются, но особенно их интересовало мое образование и еще более — знание языков. В конце концов они спросили, согласен ли я переехать в Читу, где находится штаб Забайкальского военного округа, для продолжения своей воинской службы, но не упомянули, в каком именно подразделении мне предстоит служить. Мне были обещаны гораздо лучшие условия — а в части, где я служил, они были хуже некуда, — сказано, что вскоре после переезда в Читу я смогу получить отпуск и поехать на родину в Дрогобыч. Я подумал — что я теряю? — и принял их предложение, а они, попросив меня никому не рассказывать о нашей встрече, сообщили, что очень скоро на мое имя придет из Читы вызов.

Теперь несколько слов об этих двух офицерах, с которыми позже я довольно близко познакомился. Оба они были офицерами органов госбезопасности, один из них, Сергей Иванов, — сотрудник отдела кадров Читинского областного управления госбезопасности, другой, лейтенант Петр Черенко, — руководителем национальной группы отдела военной цензуры № 115. С Черенко у меня сложились особенно теплые, дружеские отношения, они продолжались несколько лет, пока мы работали в одном и том же отделе. По вечерам он, бывало, заходил ко мне, я бывал у него, выпивали, о многом говорили, но о работе никогда. О работе в среде, куда я попал, говорить не было принято.

После того, как я приехал в Читу, меня пригласили в отдел кадров областного управления МГБ, заказав предварительно пропуск, и — не преувеличивая — в течение почти двух дней я сидел и заполнял анкеты. Иные из вопросов буквально ставили в тупик. Среди прочего надо было, например, сообщить имя и отчество дедушек и бабушек, перечислить всех абсолютно близких родственников, с указанием точной степени родства и их места жительства, сообщить, кто из моих родственников был в оппозиции и в какой именно. Наконец, анкеты были заполнены, сданы и через несколько дней мне было объявлено, что я зачислен на работу в областное управление МГБ, в отдел военной цензуры № 115 (отдел «В»), с месячным испытательным сроком. И тут же было предложено подписать обязательство о том, что я такой-то и такой-то, обязуюсь никогда, нигде и никому, ни при каких условиях и обстоятельствах не разглашать то, что видел, слышал или узнал во время своей работы в органах. Я обязался также никогда не упоминать об этой работе в своих письмах, в дневниках, воспоминаниях и т. д.

Довольно скоро я понял, что все эти заполняемые мной анкеты и собеседования в отделе кадров были только началом, это был некий предварительный формальный прием. Главные проверки меня еще ждали. Вместе со мной в областное управление МГБ было принято еще десять человек, все они были члены партии и комсомольцы, но это не помешало половине из них уже через два-три месяца уволить. Ни одному из них так и не сказали, что истинной причиной его увольнения была не совсем «чистая» анкета. Называли какие угодно причины, но только не это.

Я часто задаю себе вопрос: «Ну, а почему, собственно, приняли меня, еврея, жителя западных областей?» Во-первых, по-видимому, потому, что у меня была идеально чистая биография — не считая «пятого пункта», — но тогда он еще не играл такой роли, как впоследствии. Был я вначале комсомольцем, а ко времени поступления в МГБ — и членом партии. Сыграло, по-видимому, свою роль и знание языков: кроме русского я знал украинский, польский, немецкий, идиш. Но главным, я думаю, было третье обстоятельство, которое, впрочем, сыграло свою роль впоследствии. В органах работали члены моей семьи — жена Лидия Шмакова — в отделе политического контроля (ПК), ее сестра Клава — в военной цензуре, а их дядя, Андрей Николаевич Сергеев, занимал пост начальника отделения в отделе военной цензуры № 115.

Вообще надо сказать, что многие сотрудники областного управления МГБ старались пристроить своих жен в цензуру. В управление МГБ работали по двенадцать часов в сутки, восемь — днем и четыре — вечером, тогда как у цензоров был восьмичасовой рабочий день. Естественно, сотрудники этого управления стремились, чтобы их жены по вечерам были дома, с детьми, занимались хозяйством, — работа в цензуре оставляла для этого время. Но была еще одна, куда более важная причина, почему в органы принимали людей, которые так или иначе были связаны родственными отношениями с теми, кто уже здесь работал. Выше я уже вскользь упомянул, что секретность была, да и по сей день остается, высшим принципом работы МГБ. Так вот, для того, чтобы не происходила «утечка» этой секретности, очень важна была эта родственная круговая порука. Простой пример: если муж работает в управлении МГБ, а жена, скажем, в военной цензуре или отделе политического контроля, то вряд ли он станет ее допытывать, чем она занимается на службе, во-первых, он и сам о многом знает, а во-вторых — я снова это повторяю — в течение всей

Сотрудники отделения политического контроля (ПК) А. Солодухин, Г. Сердюк и А. Авзегер в свободное от работы время

их жизни работникам органов внушается, что надо быть молчаливыми, замкнутыми, нелюбопытными. Молчание во всем том, что касалось работы, становилось их условным рефлексом. Иное дело, если один из супругов, скажем, муж, не имеет отношения к органам, это уже другой человек, которого просто не может не одолевать любопытство, чем занимается его половина.

Вот так и получилось, что в нашем Читинском управлении МГБ, куда ни кинь взгляд, всюду были родственники. Начальником отделения в отделе политического контроля, или ПК, был капитан Федор Игнатьевич Новицкий, с которым впоследствии меня столкнет судьба, а его жена Маруся работала в военной цензуре. Начальником международного отделения был лейтенант Пулипов, а его жена Лена — сотрудницей отдела политического контроля. Подполковник Бугай был начальником отдела кадров областного управления МГБ, его жена Вера Галицкая работала в ПК, сестра подполковника Бугая, Матрена Бугай, опять же была сотрудницей ПК, и т. д.

ВОЕННАЯ ЦЕНзуРА

Почти все, кого вместе со мной приняли, были направлены в отдел (отделение) военной цензуры № 115.

Что представлял собой этот отдел? Начну с того, что он был расположен в двух совершенно изолированных помещениях, поскольку в Забайкальском военном округе, по существу, были два отделения военной цензуры. Их территория была огорожена колючей проволокой. Здесь круглосуточно находился ответственный дежурный, без его разрешения на территорию отделения вход был воспрещен. Дежурного отделения вы всегда могли отличить по чекистской форме, обычно это был офицер, который на видном месте носил оружие. Даже своим внешним видом этот дежурный как бы символизировал, что военная цензура — это организация, на которую распространяются все нормы армейской жизни.

Дежурный обязан был тотчас же докладывать о каждом происшествии на территории отделения военной цензуры в областное управление МГБ, которому он непосредственно подчинялся.

Не представляет особого труда догадаться, чем занималась военная цензура — в основном проверкой писем военнослужащих. Но не только ими, а, может быть, еще в большей степени письмами, которые получали военнослужащие.

Будучи принятым в военную цензуру, я сразу же попал в так называемую национальную группу — в мои обязанности входила проверка писем на немецком, польском, украинском языках, а также писем на идише. Но разумеется, на идише и на немецком почти не писали. Мало было писем и на польском, зато на украинском писали очень много, и именно эти-то письма я и должен был проверять.

Ежедневно комендант военной цензуры принимал мешки писем, поступающих к нам, за колючую проволоку, из внешнего мира. От коменданта письма шли к оперуполномоченному, а тот уже распределял их между цензорами. Каждый цензор, приходя на работу, получал штамп «Проверено военной цензурой», а вместе с ним ножницы, клей и два отдельных конверта. На одном было написано: «Для изъятия текста», на другом — «Для оперативного использования». Обязанности цензора выглядели не слишком хитро. Приступая к работе, он ножницами отрезал борт конверта, стараясь это делать с максимальной осторожностью, чтобы не повредить письмо. Затем проверял написанное, если письмо было не по-русски, он направлял его в национальную группу.

Военная цензура была чрезвычайно жесткой. Военнослужащий даже намеком не мог сообщить, где он находится и где расположена его часть. Разумеется, отправители великолепно знали это правило и все-таки нет-нет, да и нарушали его. Дело в том, что моя служба в военной цензуре совпала с войной в Корее. В газетах, разумеется, не писали о том, что советские воинские подразделения находились в Корее, правда, не на передовой, служили главным образом в зенитной артиллерии, в авиации, и, естественно, этот факт держался в глубочайшей тайне. Газеты были полны обвинений, направленных против американского империализма, спровоцировавшего войну и помогавшего южнокорейским марионеткам. Советский же Союз выступал в роли этакого справедливого миротворца.

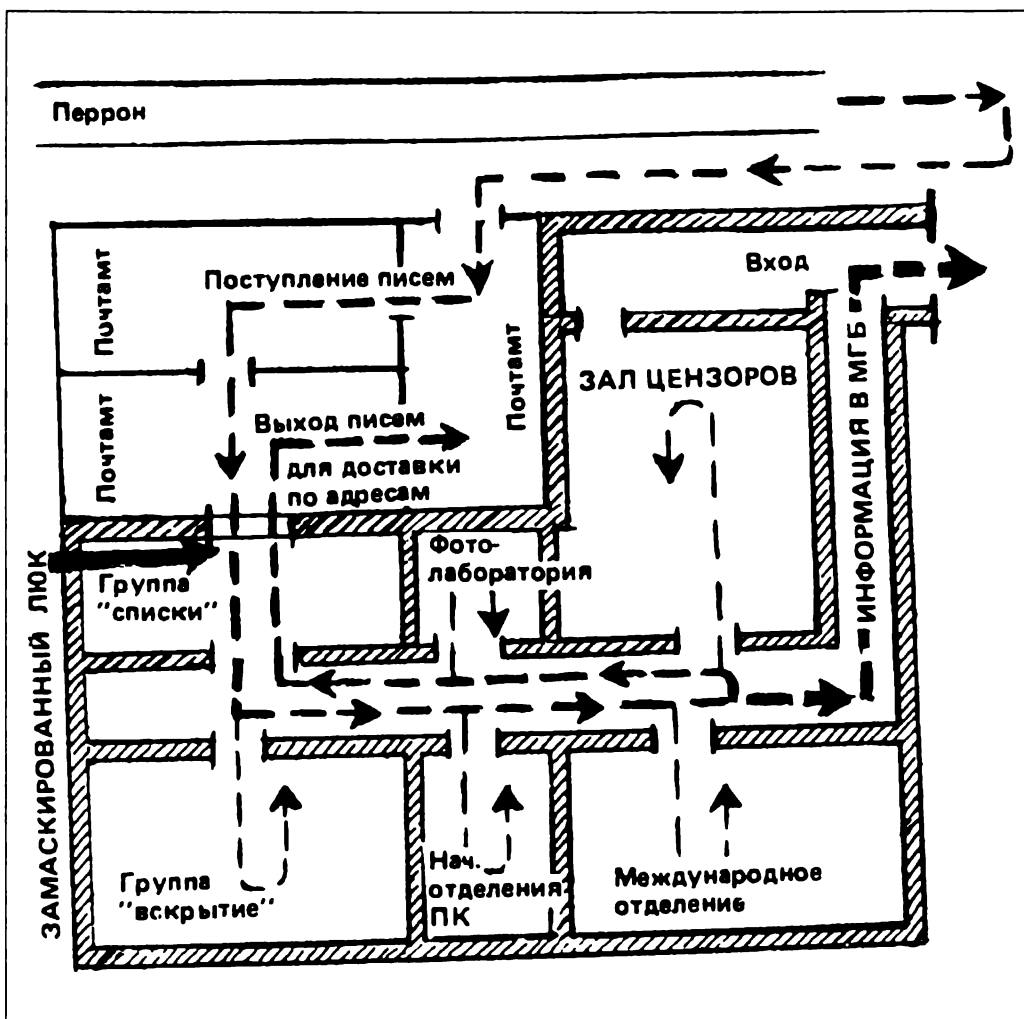
Можно себе представить, с каким тщанием мы, военные цензоры, должны были вылавливать письма, в которых можно было, например, прочитать: «Привет из Пхеньяна», или «Ich bin in Korea», или еще что-то подобное. Не то, чтобы хотели сообщить секретные данные, а просто, о чем было писать людям, неожиданно оказавшимся в Корее, и как удержаться от того, чтобы не сообщить это близким. Но цензоров мало волновали побудительные мотивы отправителей. Письма с упоминанием о Корее чаще всего шли в конверт «Для оперативного использования», или, как еще принято было называть в цензуре, — для «оперативной разработки». Думаю, что в Советском Союзе многие знают, чем обычно заканчиваются такие «оперативные разработки».

Не менее строго проверялись письма, идущие в адрес военнослужащих из различных концов страны. Запрещалось писать о продовольственных и других трудностях, о стихийных бедствиях, о неурядицах в колхозах, об очередах... Невинные, казалось бы, фразы «Дорогой Вася, у нас уже второй год неурожаем» или «У нас в колхозе был пожар» немедленно вымарывались. Убиралось все, что, как сказано было в инструкции, могло повлиять на душевно-психическое и моральное состояние военнослужащего. Чем меньше он знает об окружающей жизни, тем лучше — к этому сводился основной принцип военной цензуры.

По опыту своей работы в Чите я берусь утверждать, что нет такого языка и в Советском Союзе, и за его пределами, который мог бы стать барьером в работе цензуры. В нашей национальной группе, которой руководил мой «крестный отец» Петр Черенко, работали цензоры, владевшие почти всеми языками народов СССР: татарским, узбекским, казахским, киргизским, монгольским, якутским, чувашским, мордовским, грузинским, армянским, азербайджанским, идишем, польским. Мой сосед по столу лейтенант Бахтин один мог проверять письма на татарском, узбекском, киргизском и казахском языках. Но все-таки у нас, как и в других областях, не было людей, знающих все исключительно языки, поэтому была разработана весьма совершенная система, система, так сказать, «взаимопомощи». В каждом областном отделении существовал полный список цензоров с указанием языков, которыми они владели, и места их нахождения. Известно, например, было, что цензоры, владевшие татарским языком, находились в Москве, Казани, Хабаровске, Чите, грузинским языком — в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Чите и т. д. В Чите, например, не было цензора, знающего китайский, зато он был в Хабаровске, и если возникала необходимость в его содействии, письмо немедленно пересылалось в Хабаровск.

В СОВЕТСКОМ ПОДПОЛЬЕ

Итак, я подхожу к главной теме моих воспоминаний. Как я уже говорил, вначале негласная проверка писем была для меня нечто вроде работы по совместительству. Раз или два в неделю, сидя за своим рабочим столом в отделе «В», я получал письма для их тайной

План размещения почтамта и отделения ПК в г. Чита

проверки. Что представляла собой эта проверка, я скажу ниже, а пока лишь замечу, что такая постановка дела, по-видимому, не очень устраивала начальство. Нарушался один из важнейших принципов тайной цензуры — конспирация. Вскрытые письма приносили мне в отдел «В» на виду у его сотрудников, никаких условий для тайной проверки корреспонденции не было. К тому же это приводило к задержкам писем, которые вовремя не отправлялись дальше, и это также не входило в планы начальства. С другой стороны, мое старательное отношение к делу постепенно исключало всякие подозрения, возникала уверенность, что я человек абсолютно надежный и мне можно доверить самую сложную и секретную работу.

Так или иначе, в один прекрасный день меня снова вызывает мой непосредственный начальник и старый приятель Петя Черенко и сообщает, что со мной хочет говорить начальник отделения ПК (то есть отдела политического контроля) Федор Игнатьевич Новицкий. Черенко сказал, что с Новицким мы должны будем встретиться в установленном месте, в центре Читы. А что делать дальше, Новицкий объяснит мне на месте. Нетрудно было предвидеть, сколь секретны будут моя новая работа и мое новое учреждение, если даже мой будущий начальник не мог решиться меня туда пригласить, а встречался со мной в городе. Мы встретились с Ф. И. Новицким, которого, впрочем, я знал и до этого, и вместе отправились по направлению к станции Чита-II. Затем вошли в специальное помещение, расположенное в здании вокзального почтамта и имеющее с ним даже общую стену. Таким образом я оказался в здании ПК, куда начиная с этого дня буду приходить уже каждое утро

в строго предписанное время, соблюдая при входе в него строжайшие правила конспирации. Впрочем, дело сводилось не только к конспирации. Довольно скоро я понял, что у меня начинается совершенно иная жизнь, во многом отличающаяся от жизни моих знакомых и вообще от жизни обычных окружающих меня людей. Я не просто обязан был выполнять определенные служебные функции, я еще должен был оставаться невидимым для окружающих. Это были альфа и омега моей новой работы. Отныне к этому, в сущности, сводилась вся моя жизнь. Иногда мне казалось, что, если бы я мог физически сделаться человеком-невидимкой, меня бы превратили в него. Во всяком случае, те, кто поставил меня на новую работу, сделали для этого все.

Началось, как это бывало и в прошлом, с инструктажа. На этот раз проводил его мой новый начальник Федор Игнатьевич Новицкий, и был он гораздо более долгим и обстоятельным, чем в прошлом. Начал Новицкий издали — с конституции, которая, как известно, гарантирует гражданам тайну переписки. «И вы, наверное, знаете, Леопольд Йонасович (он сразу взял интимный задушевный тон), что никому не дано права нарушать тайну переписки. Однако вопрос в том, как гарантировать это и другие права советских граждан от посягательства врагов народа. Задача эта не простая, и партия решила возложить ее на наши органы, на нас с вами, Леопольд Йонасович. Для этого и создан политический контроль. Называть его нарушением конституции было бы неправильным и вредным. Скорее, напротив: политический контроль служит ее наиболее последовательному выполнению...» Так или примерно так мой будущий начальник Федор Игнатьевич Новицкий начал вводить меня в курс дела.

Как и подобает сотруднику органов, я не анализировал, насколько логично и тем более морально все то, что говорил Новицкий. К этому времени я уже успел свыкнуться с принципом: «Морально все то, что обязывают делать партия и органы». Вообще-то я даже не думаю, что утруждал себя подобного рода анализом. Формула жизни была проста и прозрачна: «Раз партия требует, значит, так надо». И я обязан как можно добросовестнее выполнить то, что требует от меня партия.

Между тем Новицкий не спеша, слово за слово, знакомил меня с новыми требованиями. Как я уже говорил, главным принципом, которому я обязан был теперь следовать, был принцип абсолютной, полнейшей секретности всей моей жизни. «Начнем с конспирации в быту, — сказал Новицкий. — Запомните, вы должны стать как можно более незаметным человеком. Никаких скандалов в квартире или в очередях. Никаких судов или ссор с соседями. Вы есть и в то же время вас как бы и не должно быть».

Фактически все мы являлись сотрудниками областного управления МГБ, но в его здание у большинства цензоров не было права входить. Никто не должен был даже догадываться, что между нами и органами может существовать хоть какая-то связь. Особенно строго следовало соблюдать конспирацию, связанную с местом нашей работы. «Запомните, товарищ Авзегер, — перешел на официальный тон Новицкий, — что никто на свете — ни ваши родственники, ни даже самые близкие друзья — не должны знать, что мы находимся там, где находимся».

Далее выяснилось, что все сотрудники ПК приходят на работу по отдельности и в строго определенное время, причем у каждого есть свое назначенное время прихода и ухода. Нарушение этого графика равно нарушению трудовой дисциплины. «Ни один человек, — продолжал Новицкий, — не должен видеть, что вы заходите в это помещение. Ни один! И если кто-то из знакомых вас окликнет возле входа, вы ни в коем случае не должны отзываться, а должны сделать вид, будто просто не заметили его. В случае, если в этот момент кто-то из знакомых проходит мимо вас, вам следует любым способом задержаться и подождать, пока он скроется. У вас ведь развязываются иногда ботинки, — улыбнулся Новицкий, — так вот лучше всего, чтобы в этот момент у вас развязался ботинок, и вы будете его зашнуровывать до тех пор, пока ваш знакомый не скроется...»

Вот так я вступал в совершенно иную для меня жизнь — жизнь тайного цензора. Я читал много книг о жизни подпольщиков до революции, о наших разведчиках, действовавших в глубоком тылу у врага. Я тоже ушел в подполье, но не во вражеском тылу, а в своей собственной стране, в городе, где я жил.

«Да, кстати, у вас должно быть официальное место работы, — продолжал мой новый шеф. — Какое именно, не имеет значения, но оно должно быть постоянным. И если кто-нибудь из ваших знакомых поинтересуется, где вы работаете, вы не мешкая должны ответить. Вы должны знать фамилию начальника, его зама, сотрудников, чтобы не путаться, если вас начнут о вашей работе расспрашивать. Лучше всего «устроиться» в горком партии или комсомола. В этих организациях нам легче будет обеспечить вам конспирацию».

Но, пожалуй, больше всего меня удивило то, что Новицкий сказал в заключение. Он

сказал, что в нашем служебном лексиконе не должно существовать слова «письмо» или «письма». «Забудьте это слово. Мы работаем не с письмами, а с документами. Все, что мы читаем, просматриваем, посылаем на оперативную проверку, — все это документы, с которыми работает наша организация». Кстати, никогда позже я не слышал из уст сотрудников ПК слово «письмо», они просто не употребляли его, словно боялись, что само слово может бросить тень на их особого рода тайную деятельность, а потому всегда говорили «документы», и это правило здесь соблюдалось довольно строго.

Итак, я должен был фактически иметь два лица — одно для знакомых, родственников, для моего окружения, другое — мое истинное лицо — тайного цензора, которому поручено чрезвычайно важное для страны задание. Отныне я уже не мог свободно пойти с товарищами в ресторан — прямого запрета, правда, тут не существовало, но это не рекомендовалось. Я не мог поссориться с соседом или, не дай бог, одернуть зарвавшегося хулигана в очереди. Стоило где-то вспыхнуть скандалу, как я обязан был тотчас же ретироваться. Я должен был с оглядкой ходить на работу, чтобы, не дай бог, не увидел меня кто-нибудь из знакомых. У меня была выдуманная должность в горкоме партии, выдуманный начальник, выдуманные сотрудники, и я никогда не должен был забывать об этой второй, выдуманной жизни.

ТАЙНЫЙ СОТРУДНИК ПК

Выше я уже, кажется, писал, что помещение ПК находилось в здании почтамта на станции Чита-II. Как узнал я позже, тайная проверка писем почти всегда осуществлялась либо в помещениях почтамтов, либо рядом с ними, при этом чаще всего возле вокзалов. Это создавало неоспоримые удобства. Вся корреспонденция, прибывавшая в опломбированных вагонах на вокзалы и станции, поступает обычно на привокзальную почту. Здесь на конвертах и открытках гасятся марки, и именно отсюда письма идут на тайную проверку.

С другой стороны, через вокзальный почтамт проходит вся корреспонденция, направляемая в другие места. Опять же перед отправкой ее без труда можно подвергнуть перлюстрации.

Но вот что примечательно — работники почтамтов, кроме территориального соседства, никакого отношения к тайной цензуре не имеют. Более того, они часто вообще не знают, что делается у них за спиной.

В Чите, например, почтовые работники имели свой главный вход со стороны привокзального перрона. Сюда каждое утро группами и в одиночку совершенно открыто шли люди на свою работу. Вход в ПК был совершенно с другой стороны, и на перрон мы вообще не попадали. Это создавало впечатление, что люди, входящие в здание почтамта со стороны, никакого отношения к нему не имеют. А чтобы создать иллюзию, что они входят вообще не в служебное помещение, а в жилой дом, у входа в ПК была пристройка, площадью 2 x 2 м. Пристройка имела дверь, которая никогда не запиралась на замок. Внутри было темно, что создавало впечатление заброшенности помещения. Но каждый из нас, сотрудников ПК, знал, что на одной из внутренних стен пристройки оборудован сигнальный звонок. Был тут и свой код — необходимо было дать два очень коротких звонка, и лишь после этого вахтер открывал вам дверь, ведущую в помещение ПК.

Вход в наш отдел был расположен в непроезжей части улицы. Здесь никогда не было машин, а входить на перрон с нашей стороны строго воспрещалось. В общем, это был маленький заброшенный закуток, и, судя по его внешнему виду, тут вряд ли могло происходить что-то серьезное.

Как же передавались письма с почтамта в наш отдел? А делалось это вот как: из почтовых вагонов корреспонденция в специальных мешках доставлялась в главное помещение почтамта, где перед сортировкой почты гасились марки. У входа в это помещение висело объявление: «Посторонним вход строго воспрещен». Неповышенные обычно не понимали, чем был вызван этот строгий запрет, ведь здесь всего-навсего гасили марки и сортировали письма. Между тем, оно было отделено от остальной части почтамта дверью с железной решеткой. Дверь была постоянно закрыта наглухо. Но в том-то и дело, что именно отсюда, где осуществлялись самые невинные почтовые операции, и поступали письма в ПК для их тайной проверки. Все они обычно высыпались в специальные деревянные ящики размером 80 x 40 см. На столах, прикрепленных к стенам, гасились марки. Так вот, под одним из этих столов была прорублена стена и оборудован люк размером 90 x 90 см. Люк был сделан с таким расчетом, что можно было поставить в высоту один на другой два ящика. Обычно он был закрыт двумя раздвижными фанерными дверями. В определенное время двери люка раздвигались, и очередные два ящика с письмами

направлялись в помещение, которое не имело никакого отношения ни к почте, ни к почтовым работникам.

Этот процесс передачи почты на перлюстрацию происходил совершенно секретно, я уже говорил, что большинство работников читинского привокзального почтамта вообще не знало о нашем существовании. Стена, в который был оборудован люк, обычно была заставлена пустыми ящиками, так что никаких подозрений не возникало. Правда, несколько сотрудников почты знало о существовании цензорского люка, но надо отдать им должное, они никогда не проявляли любопытства. Они вели себя так, словно его и не существовало, молча заполняли ящики и так же молча передавали их в соседнее помещение.

Обычно у этих работников органы брали подписку о неразглашении, и к тому же время от времени они получали специальные премии, которые были своего рода платой за молчание.

Я уже сказал, что люк был оборудован в одной из стен. Эта была единственная стена, отделяющая почтамт от ПК. Насколько мне известно, ее строили специально выделенные органами рабочие, причем она состояла из двух стен, пустое пространство между ними было заполнено древесными опилками, благодаря чему стена была фактически звуконепроницаема, и сотрудники почты при всем желании никогда не могли услышать то, о чем говорилось в нашем отделе.

Существовало еще одно негласное правило — почтовым работникам, независимо от того, знали они о нас или нет, запрещено было поддерживать с нами знакомство и вообще иметь с нами какие-либо отношения.

Всего в нашем отделении было около семидесяти человек, может быть, даже немного больше. Между сотрудниками существовало строгое разделение труда. Оперативный состав насчитывал шесть человек. Так называемая группа «списки» — десять человек. В группу «вскрытие» входило четыре человека, они занимались вскрытием и заклеивкой писем. Специальная группа из трех человек выполняла работу по фото- и химической «обработке документов». Остальные пятьдесят — пятьдесят пять человек, в том числе и моя украинская группа, были заняты исключительно проверкой писем, политическим контролем. Это был, так сказать, основной костяк ПК, и, как мы увидим ниже, от них часто зависела не только судьба писем, но и судьба живых людей.

Расскажу по порядку, как строилась работа нашего отдела. Я уже упоминал так называемую группу «списки». Это сотрудники, принимавшие из секретного люка ящики с письмами. В комнате, где они работали, хранились совершенно секретные списки людей, находившихся под наблюдением органов. Все без исключения письма, посланные в их адрес и исходящие от них, следовало немедленно задерживать и передавать старшему оперуполномоченному. Вход в эту комнату был строго воспрещен всем, кроме начальника отделения и тех, кто здесь работал. Главной задачей этой группы был отбор для проверки писем, а так как письма на почтамт доставлялись круглосуточно, то группа эта вынуждена была работать в три смены.

Списки людей, находившихся под наблюдением, утверждались начальником областного управления МГБ. Каждые три месяца фамилии обновлялись, но были, разумеется, и такие, которые по истечении трех месяцев оставались в тех же списках. Сюда же были включены имена людей, которых разыскивали органы МГБ, и, разумеется, ценность представляли любые появившиеся о них сведения.

В группе «списки» работали, как правило, молодые люди. Может быть, в политическом отношении они не были особенно подкованы, но должны были иметь феноменальную память. Для того, чтобы справляться со своей задачей, каждый из них должен был знать имена, фамилии, адреса людей, находившихся в списках. Они должны были запомнить все данные, которые имелись относительно лиц, разыскиваемых органами, должны были запоминать характеры почерков и написание отдельных букв в анонимных письмах.

В дни, когда из областного управления МГБ поступали новые списки, сотрудники этой группы приходили на работу на несколько часов раньше, чтобы начать эти списки учить. Иногда им приходилось заучивать наизусть до шестисот — восьмисот фамилий. В их обязанности, однако, входил не только отбор писем для органов, но и отбор для перлюстрации. Принцип состоял в следующем: из общего потока писем примерно восемьдесят процентов отбиралось для проверки. Отбирать надо было не вслепую, а в первую очередь письма, представлявшие, как у нас говорили, «оперативный интерес». Это были прежде всего письма без адресов или напечатанные на машинке (предполагалось, что таким образом человек намеревался скрыть свой почерк), письма, посланные до востребования (считалось, что с целью не раскрывать адрес), отбирались заказные письма с искаженным почерком и, наоборот, написанные чересчур четко или печатным почерком.

После отбора письма передавались старшему оперуполномоченному группы. Те из них, что имели отношение к присланным из МГБ спискам, переправлялись в областное управление для принятия оперативного решения. Некоторые из них вскоре возвращались к нам в отдел, их передавали на почтамт и отправляли по соответствующему адресу. Некоторые не возвращались никогда, и нам оставалось только догадываться об участии, постигшей их авторов или тех, кому они были адресованы. Письма, представляющие «оперативный интерес», с подделанными, неясными и прочими почерками, после просмотра их оперуполномоченным направлялись на вскрытие. Особенное значение придавалось так называемым «анонимкам» — главное в работе с ними было запомнить характер почерка, по которому следовало искать автора.

Думаю, что цензура — это, может быть, единственная в мире организация, где вскрытие и читка чужих писем доведены до уровня подлинного искусства. (Я не говорю о нравственной стороне дела — у КГБ и цензуры, естественно, свои представления о нравственности.) Что же касается упомянутого мной «искусства», то в ПК должны были не просто вскрыть письмо, но сделать это так, чтобы никто и никогда не узнал об этой операции. Я беру на себя смелость утверждать, что в советской цензуре вскрытие писем находилось на высоком техническом уровне, это в полном смысле слова ювелирная работа.

Начнем с того, что работой этой в течение ряда лет занимались одни и те же люди, ставшие, без преувеличения, специалистами своего дела. Я не стану вдаваться в детали этой технологии (хотя и они, быть может, небезынтесны). Замечу лишь, что для вскрытия писем в нашем отделе применялась специальная посуда, отлитая из нержавеющей стали. Эту посуду сделали, опять же, не на обычном предприятии (кому же можно было доверить такое дело!), а в специальных мастерских МГБ. Так вот, в наше распоряжение предоставлялись стальные герметически закрытые чаны, имеющие сверху отверстия для наполнения водой. Кроме того, в них были и специальные отверстия, через которые проходил пар. Письма клались не на металл, а на специальную марлеву подкладку. Когда вода нагревалась и пар через отверстия поднимался вверх, конверты, предназначенные для вскрытия, оказывались на этом пару. Вскрытие производилось специально предназначенной для этого костяной палочкой, с ее помощью не составляло никакого труда раскрыть клапан такого разогретого на пару конверта. Обычно слой почтового клея был очень тонок, и работа с конвертами, купленными в магазинах и книжных киосках, не представляла трудностей. Но иногда наши сотрудники сталкивались с самодельными конвертами, заклеенными «домашним» клеем. Этот клей не поддавался воздействию пара, и потому их было чрезвычайно трудно вскрыть, не повредив при этом. Однако в ПК были заранее предусмотрены и эти ситуации. Подобного рода конверты передавались оперуполномоченной Третьяковой, у которой была не одна, а целый набор таких «костяных отмычек». А если не помогали и они и после вскрытия оставались следы, то такие письма просто конфисковывались. Действовал молчаливый принцип: пусть лучше письмо пропадет, чем минует контроля МГБ или, того хуже, на письме останутся следы вмешательства цензуры.

Я отдаю себе отчет в том, что все эти чаны, костяные палочки, разогрев на пару — довольно скучная материя. Но я не мог обойти эту «прозу жизни», поскольку без этого от читателя ускользнет то очень важное обстоятельство, о котором я говорил выше: МГБ относится к цензуре и ко всему, что с ней связано, с большим профессионализмом. Я бы сказал даже больше: без этой тонкой, филигранной и совершенно секретной работы с письмами советская тайная полиция не мыслит своего существования...

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Итак, всю деятельность цензуры возглавлял отдел «В» управления МГБ, имеющий в своем подчинении три отдела (отделения) — военной цензуры № 115, отделение ПК (политический контроль), о котором я уже писал, и, наконец, международное отделение, занимающееся исключительно международной корреспонденцией.

В Чите международное отделение находилось в одном помещении с ПК, но занимало две совершенно изолированные комнаты, где работало восемь сотрудников. Считалось, что их работа наиболее секретная и ответственная в отделе «В». Все сотрудники международного отделения имели звание оперуполномоченных, офицерский чин и гораздо более высокую зарплату, чем, скажем, сотрудники военной цензуры или ПК.

Существовало непреложное правило, что вся без исключения международная корреспонденция должна пройти через отдел «В», точнее, через оперуполномоченных его международного отделения. Письма для сотрудников этого отделения отбирались уже упомя-

нудой мной группой «списки», которая отправляла эти «документы» на вскрытие и затем они шли в международное отделение.

Разумеется, из всех отделений оно было наиболее секретным. Возглавлявший его работу старший лейтенант Александр Матвеевич Пуликов подчинялся исключительно начальнику отдела «В». Причем было признано целесообразным в международном отделении даже не ставить телефон. Вся связь его с внешним миром осуществлялась через отделение ПК, где телефон был, но его номера, за исключением начальника этого отделения Федора Игнатьевича Новицкого, старшего оперуполномоченного отделения ПК, а также Пуликова, никто не знал.

Все международные письма не просто вскрывались группой «вскрытие», в своем большинстве они подвергались химической обработке — считалось, что здесь наиболее вероятно прохождение всякого рода тайнописи и зашифрованных писем. Их химическую обработку проводили два наших сотрудника — инженер-химик Валентина Николаевна Гладких и фотограф Лев Солодухин.

Для международных писем не существовало принципа выборочности — вскрывалось и проверялось все, что шло за границу, а также из-за границы в Читу. Мне, назначенному впоследствии старшим украинской группы, обычно передавалась корреспонденция на немецком языке, польском и идише. Как я уже писал выше, язык никогда не был преградой для цензоров: в отделе «В», повторяю, существовал полный список цензоров, владеющих иностранными языками, с указанием их места расположения.

Вообще, ничто не должно было помешать вскрыть и проверить письмо. Даже сургучные печати. Однажды я увидел такое письмо в руках у Пуликова. Судя по всему, с сургучными печатями ему еще не приходилось иметь дело. Он сказал, что срочно едет в областное управление МГБ, чтобы заказать в мастерских этого управления такую печать. Надо сказать, что в мастерских МГБ работали опытные мастера — про них говорили, что они, если надо МГБ, смогут и блоху подковать. Так что сделать сургучную печать для них не представляло никаких трудностей.

Все без исключения лица, ведущие переписку с заграницей, с помощью цензуры были взяты на учет. На каждого было заведено специальное наблюдательное дело. Отдельно велись наблюдательные дела в отношении тех, кто вел переписку с так называемыми странами народной демократии, отдельно — в отношении лиц, поддерживающих переписку с капстранами. Конечно, не все письма конфисковывались, но на учет брались все.

Существовал обширный перечень требований к корреспонденции, исходящей от граждан Советского Союза. В одной из секретных инструкций было прямо сказано, что письма, идущие за рубеж, не должны содержать сведений, прямо или косвенно подрывающих авторитет СССР в глазах граждан иностранных государств.

Несмотря на то, что инструкции жесточайшим образом регламентировали международную переписку, в них не могли быть предусмотрены все случаи жизни. Поэтому перед цензором, который неизменно руководствовался принципом «лучше перебдеть, чем недобдеть», открывалось широчайшее поле деятельности, и при всяком сомнении он решал дело в пользу конфискации письма. Вот почему изымались не только письма так называемого антисоветского содержания, не только письма, где авторы, пусть осторожно, но все-таки пытались высказать правду о своей жизни, — как действовать в таких случаях, не вызывало сомнения. Но конфисковывались письма, на первый взгляд совершенно невинные — человек, например, просил выслать ему икону или помочь материально. Изымались письма, содержащие самые обычные фото. В задачу цензора входило тщательное изучение всех почтовых «вложений», а фотографий, разумеется, в первую очередь. Почему? По фото, по одежде людей, по их облику и даже по выражению лиц часто нетрудно было представить себе, как они жили. Насколько я помню, любые фото, на которых были запечатлены люди с понурыми лицами или рабочие в старой спецодежде, подлежали немедленной конфискации.

Надо сказать, что многие из тех, кто вел переписку с заграницей, догадывались, что письма подвергаются цензуре. Поэтому в такой переписке часто появлялись посредники, третьи лица, большей частью это были пенсионеры, которым уже нечего было терять. Например, в те годы переписка с Израилем была попросту невозможна. Письма нещадно изымались, а сведения о их авторах отправлялись в МГБ. Так вот, чтобы обходить цензуру, использовались, например, посредники, живущие в Польше. Один такой случай я знал лично. Мой знакомый, Иосиф Розбергер, уехал через Польшу в Израиль, но во что бы то ни стало хотел продолжить переписку со своим соседом и другом детства, а он к тому времени стал членом партии и делал карьеру. Тогда Розбергер решил оставить у своего брата в Польше несколько конвертов с польским адресом друга в Дрогобыче. Таким образом брат Розбергера стал своего рода посредническим почтовым агентством. И таких случаев было

сколько угодно: люди пускались во все тяжкие, чтобы любым способом обойти цензуру.

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Иные из советских граждан были настолько запуганы МГБ, что каждое из своих писем буквально сопровождали панегириками партии и советской власти. Например: «Наше государство очень хорошо заботится о пенсионерах, нам с женой всего хватает, мы получаем пенсию... 160 рублей». Или: «У нас ирекрасная комната, 14 квадратных метров, с соседями живем очень хорошо. Все шесть семей, которые проживают с нами в одной квартире на улице Ленина, — очень симпатичные люди».

Некоторые из авторов этих писем, напуганные МГБ, самым добросовестным образом хотели написать о своей жизни только хорошее. Но как они ни старались, ослиные уши советской действительности вылезали из их писем. И бдительный цензор не мог этого не заметить. Он-то знал, что сколько бы человек ни расхваливал свою замечательную жизнь, но один тот факт, что у него шесть соседей, ни при каких условиях не мог стать достоянием заграницы. И такие письма также беспощадно конфисковывались.

То, что я буду писать теперь, уже относится к моему личному опыту, точнее, к опыту моей работы старшим цензором украинской группы. Эта группа была создана в рамках отделения ПК в 1948 году. Дело было так. Осенью 48-го года — кажется, это происходило в сентябре — меня пригласил к себе тогдашний начальник отдела «В» подполковник Макаров. Одновременно он вызвал и Федора Игнатьевича Новицкого, в присутствии которого сообщил мне о моем новом назначении. Он сказал, что в связи с прибытием в Читинскую область большого количества спецпереселенцев с Западной Украины возникла необходимость создать специальную украинскую группу, на которую возложить политическую проверку всех писем спецпереселенцев. Учитывая мой опыт работы и, как он выразился, «мою политическую зрелость», а также тот факт, что я знаю не только украинский язык, но и его западный диалект, — так вот, учитывая все это, руководство областного управления МГБ решило выдвинуть меня на ответственную оперативную работу и возложить на меня обязанности руководителя украинской группы. Не забыв упомянуть о том, что за достигнутые результаты в работе мне уже присвоено офицерское звание, Макаров сказал, что он надеется, что я справлюсь с возложенными на меня обязанностями.

Вскоре я узнал, что в Читинскую область без всякого суда и следствия были переселены десятки тысяч жителей западных областей Украины. Это была административная высылка — люди подвергались репрессиям, поскольку были лишены доверия властей. Еще при моем назначении Макаров заявил, что политической проверке должны быть подвергнуты все сто процентов писем, отправляемых переселенцами из западных областей Украины.

Всего в состав украинской группы вошло двенадцать цензоров. Ежедневно они должны были проверять две с половиной тысячи писем. Мне была выдана именная печать, которую я каждый день после окончания работы должен был запирать в стол, а стол — опечатывать. Кроме того, у меня хранился ряд совершенно секретных документов, среди которых были наблюдательные дела, заведенные на спецпереселенцев, а также чистые бланки специальных меморандумов, которые я направлял в управление МГБ.

ТЕХНОЛОГИЯ ДОНОСА

Как осуществлялась проверка писем? Как выглядела сама технология этой проверки? Все письма на стол к цензору поступали уже вскрытыми (из группы «вскрытие»). Согласно правилам служебного распорядка, цензор на свой стол, кроме писем («документов»), никаких иных предметов класть не имел права. По тем же правилам важное значение придавалось чистоте рабочего места цензора. Приступая к работе, он обязан был чисто вымыть руки — это делалось для того, чтобы на вскрытых письмах ни в коем случае не оставалось следов, в том числе и отпечатков пальцев цензоров.

Вынимая письмо («документ») из конверта, цензор обязан был обратить внимание на то, чтобы после проверки этой же стороной вложить письмо обратно. Цензору было вменено в обязанность обращать внимание даже на оттиск штампа погашения марок, на следы клея на клапане и т. д. — все это были ориентиры, которыми он руководствовался, вкладывая письмо назад.

Письма, содержание которых из-за незнания языков цензор не понял, он обязан был

тут же направить на перевод. В частности, те из них, которые содержали антисоветские высказывания, шли к моему заму, Филиппу Чалому. Его задача состояла в том, чтобы текстуально перевести антисоветское высказывание — причем текст его излагался на специальном бланке — меморандуме. Фактически этот меморандум представлял собой донес тайной цензуры на людей, чьи письма она вскрывала. Мне, по-видимому, не надо говорить, сколько таких меморандумов фактически решило судьбу людей, отправленных на Архипелаг ГУЛаг.

Что же представлял собой этот меморандум? Во-первых, в нем, конечно, требовалось указать фамилию и адрес отправителя. Затем все данные о получателе письма. После изложения так называемого антисоветского высказывания указывался номер цензора, задержавшего письмо, и номер переводчика, который перевел его на русский язык. Фамилии и того и другого сохранялись в тайне.

Если письмо, например, задерживалось одним из цензоров моей украинской группы, то я обязан был доложить об этом письме начальнику отделения ПК Новицкому — вместе с ним мы и принимали решение. Предстояло прежде всего решить, какой ход дать этому «документу». Существовало два закодированных варианта: вариант А, то есть письмо возвращалось обратно на почтамт и шло по своему адресу, и вариант К — письмо конфисковывалось. Относительно задержанного письма следовало принять уже более конкретное решение — например, завести на получателя и отправителя наблюдательное дело (наиболее невинный вариант), сообщить для сведения в 5-й отдел управления МГБ, занимающийся внутренними делами, или во 2-й, международный, отдел. Наконец, в особо важных случаях направлялось спецсообщение в Министерство государственной безопасности. Однако решение приводилось в действие после того, как его утверждал начальник отдела «В».

МАШИНА УНИЧТОЖЕНИЯ

Если на человека заводилось наблюдательное дело, то ни одно его письмо без проверки не могло пройти по каналам почты. Практически наблюдательные дела заводились на всех спецпереселенцев из Западной Украины. Что представляли эти люди, с письмами которых мне чаще всего приходилось иметь дело? Как я уже говорил, все они были высланы без суда и следствия и, как социально опасный элемент, были лишены политических и гражданских прав. Обычно их выселяли целыми семьями, иногда — целыми деревнями, сажали в теплушки и везли в Забайкалье. Сюда они отправлялись на вечное поселение, работали чаще всего в рудниках и шахтах Читинской области (особенно тяжелые условия были на шахтах «Кадала» и «Черновские копи»).

Жизнь их была невыносимо тяжела — по моим примерным подсчетам в те годы в Забайкалье погибло около тридцати тысяч спецпереселенцев из Западной Украины.

В общем-то, в своем большинстве это были простые люди, которые в своих письмах не скрывали охватившей их ненависти к советской власти. Сегодня я, разумеется, уже не могу восстановить содержание многих писем. Даже в те годы по ним не было возможности полностью проследить судьбу человека. Но все-таки некоторые из этих судеб сохранились в памяти.

Мне, например, запомнились письма выселенного в Забайкалье бывшего жителя Тернопольской области Дмитро Черного. В Чите он работал на шахте «Кадала». Работал очень тяжело. Судя по его письмам, он был человеком довольно грамотным и развитым. Живо интересовался международной политикой и особенно внимательно следил за войной в Корее, возлагая на эту войну большие надежды. Он полагал, что именно с нее начнется третья мировая война, которая принесет свободу украинскому народу. В своих письмах Дмитро Черный почти не пользовался иносказаниями и ненависть к советской власти и коммунизму выражал совершенно открыто. По крайней мере, мысли его были столь прозрачны, что не стоило никакого труда их понять. Отдельные его высказывания до сих пор сохранились в памяти: «...В скором времени у нас ожидается большая свадьба, и сейчас идет подготовка к ней. Мы с нетерпением ждем приезда на эту свадьбу нашего дорогого дяди. Он живет далеко от нас, но все мы возлагаем большие надежды на его приезд. Тогда мы зарежем красного бугая и будем все вместе гулять!»

Я хорошо помню, как после первого же его письма был составлен меморандум, и сам Дмитро Черный взят под особое наблюдение. Затем по его письмам составлялись один меморандум за другим, из отделения ПК пошло спецсообщение в МГБ — ну, и вполне естественный конец: письма от него перестали поступать совсем, а куда он сам исчез, не составляло труда догадаться.

САМОЕДЫ

По учебникам уголовного права и уголовного процесса, которые изучались и изучаются в советских юридических вузах, для того, чтобы осудить человека, требуются состав преступления, доказательства, показания свидетелей и т. д. МГБ руководствовалось совершенно другими принципами — крамолу искали не в действиях, а в умонастроениях людей. Преступной была сама мысль, не совпадающая с линией партии. Но поскольку по советским законам за мысли судить было нельзя, изымаемая нами переписка, меморандумы и спецсообщения никогда не фигурировали ни на предварительном следствии, ни в судах. На них нельзя было опираться как на доказательства, но, основываясь на них, можно было в любой день бросить человека за решетку — просто как подозреваемого, социально опасного, «не нашего», а найти формальные доказательства для того, чтобы осудить его, никогда не представляло трудности для сотрудников МГБ.

Нас не интересовала судьба людей, брошенных в тюрьму по нашим доносам, — машина молча перемалывала им кости, а мы, цензоры, главные доносчики и сексоты, спокойно приходили себе на работу, чисто вымывали руки, чтобы на вскрываемых письмах не оставалось следов, примерно по 200—250 писем клали по левую сторону от себя и приступали к своей внешне совершенно невинной канцелярской работе.

Мы ездили в отпуска, собирались на вечеринки, танцевали в клубе, ходили в кино, влюблялись, женились — словом, вели вроде бы вполне нормальную жизнь советских людей, но чем больше я думаю о тех днях, чем больше деталей всплывает в моей памяти, тем решительнее я прихожу к выводу, что мы не жили нормальной жизнью. Дух вечной взаимной подозрительности и страха не покидал нашу среду, никто не имел гарантии на неприкосновенность, все находилось на подозрении, любого из нас мог настичь меч, который нами был занесен над головами других.

Как это происходило? Как против нас же самих действовал этот карающий меч? Об этом, вероятно, можно было бы очень много писать и рассказывать. Вот только несколько примеров, сохранившихся в моей памяти. Помнится, вместе со мной в отделении ПК работали комсомолки Нина и Тамара Даниловы. Обе были активистками, принимавшими деятельное участие в общественной жизни коллектива. У обеих были идеальные чистые анкеты. Мать была рядом с ними, отец, как следовало из документов, погиб в годы Отечественной войны — мало ли было таких судеб. Но вот в 1950 году совершенно неожиданно на их имя приходит из Западной Германии письмо — оказывается, отец остался жив, попал в плен и в конце концов оказался в ФРГ. Он спрашивал у дочерей совета, как ему быстрее вернуться к ним, в семью, домой. Письмо прошло через международное отделение, то есть попало в руки товарищам по работе сестер Даниловых, которые, так же как они, вскрывали письма в двух соседних комнатах. И что же? Сразу же после получения письма обе сестры написали заявление о том, что они отказываются от отца — предателя родины. Мать немедленно попросила развод. Ничего, однако, не помогло. Относительно сестер Даниловых тут же было составлено спецсообщение в МГБ, и в один день их обеих уволили из органов. Но это еще не все: уже после увольнения их заставили написать ответ отцу о том, что они живут очень хорошо, ни в чем не нуждаются и вообще жизнь в Советском Союзе прекрасна. Вот только после того, как такое письмо ушло в Германию, сотрудники Читинского управления МГБ сочли вопрос исчерпанным, а свою функцию выполненной.

А вот еще одна, не менее характерная история, происшедшая опять же на моих глазах в областном управлении МГБ. В отделе «А» — архиве — много лет работала Мария Николаевна Сергеева, в глазах начальства у нее была совершенно безупречная репутация, и ей оставалось совсем немного, кажется, год или два, до пенсии. К этому времени у нее подрос сын, получил аттестат зрелости и по окончании школы был принят в органы. Словом, все развивалось как будто бы по накатанной колее. Трагедия разразилась совершенно неожиданно. Выяснилось, что сын Сергеевой уже долгое время встречается с девушкой, живет с ней и та ждет от него ребенка. Сергеева решила как можно быстрее устроить свадьбу, но поскольку сын к тому времени уже работал в органах, данные его будущей жены должны были быть проверены. И вот в ходе проверки выясняется, что невеста происходит из семьи репрессированных. Причем репрессированы были не ее родители, а дед, которого сразу же после революции выслали в Читинскую область. Мать и сын были приглашены на беседу к секретарю партийной организации и в отдел кадров, где им недвусмысленно было сказано: если сын женится, то и он и мать будут уволены из органов. Насколько я помню, параной этот был очень привязан к невесте и, во всяком случае, ни за что не хотел ее бросить беременную. Он готов был даже уйти из органов. Но как быть с матерью, для которой увольнение было сопряжено с потерей пенсии? Вот перед такой дикой, бесчеловечной альтернативой оказались эти люди. И что же? Мать и сын остались служить в органах, а невеста не без помощи МГБ превратилась в мать-одиночку, судьба

которой вследствие ее «подмоченного прошлого» уже мало кого волновала. Это только один из множественных примеров того, как органы МГБ беспардонно вмешивались в личную жизнь своих сотрудников, не считаясь ни с привязанностью, ни с любовью, ни с семейным долгом.

ЧИСТАЯ СОВЕСТЬ ЧЕКИСТОВ

Считалось, что политическая цензура облечена очень высоким доверием — ни одна партийная или советская организация не имела права вмешиваться в ее работу. В России обычно говорят: «Все мы ходим под горкомом или райкомом». Но вот сотрудники ПК не ходили ни под горкомом, ни под райкомом. Наша парторганизация стояла на учете у первого секретаря Читинского горкома партии Пахомова. Лишь он и его заместитель знали вообще о ее существовании.

Однажды Пахомов был приглашен на партсобрание в отделение ПК. Характерно, что привезли его вечером, так что он даже не мог как следует рассмотреть закуток, в который вошел. Запрещено было пользоваться замаскированным кодовым звонком. Столы были опечатаны, а отделение «списки» вообще было заперто изнутри.

Помнится, как, войдя в помещение ПК, секретарь горкома утратил свой хозяйский начальственный облик. И выступал он тоже не очень уверенно, тщательно подбирая каждое слово и поминутно оговариваясь, что он считает себя не вправе вмешиваться в нашу работу, а лишь хотел бы коснуться работы сети партийного просвещения. Это, может быть, был единственный раз за всю историю существования отделения ПК, когда его порог переступил «посторонний» человек, да и тот был первым секретарем Читинского горкома партии.

Впрочем, высокое доверие, которым были облечены органы МГБ, ничуть не мешало тому, что здесь процветали интриги, взаимное подсиживание, казнокрадство. И все это существовало с красивыми словами о легендарных советских чекистах и их неувядаемых подвигах. Весьма показательной в этом смысле была история полковника Протасенко, начальника 2-го отдела управления МГБ. Он чаще, чем другие, выступал на партийных собраниях и говорил о высоких требованиях, которые партия предъявляет к советским чекистам. «Чекист, — любил говорить он, — должен иметь горячее сердце, чистые руки и чистую совесть». Если бы он постоянно не выступал на партсобраниях, я бы, может быть, и не запомнил того, как кончилась его карьера. Полковник Протасенко был обвинен не более не менее, как в присвоении государственных средств. На партийном собрании, где обсуждалось его персональное дело, выявились небезытересные детали. Сотрудники органов знают, что в практике ГБ существуют так называемые «неподотчетные средства». Эти деньги, как правило, без последующего отчета за них, получают тайные осведомители КГБ на всякого рода непредвиденные расходы — на рестораны, поездки на такси, домашние попойки. Вот эти неподотчетные деньги как раз и присваивал верный чекист, рыцарь без страха и упрека полковник Протасенко. Впрочем, его махинации никогда бы не были раскрыты, если бы той же не начал подкапываться начальник областного управления МГБ. Была проведена тайная ревизия неподотчетных средств, которая и вскрыла махинации Протасенко. Он был исключен из партии, уволен из органов. Но, несмотря на присвоение огромных сумм, под суд его так и не отдали, поскольку в этом случае зашла бы уже речь о чести мундира сотрудника органов. Судьба Протасенко мало кого волновала, но честь мундира была превыше всего.

Будучи принятым в 1946 году в военную цензуру, я довольно быстро продвигался по служебной лестнице, особенно после того, как в 1948 году окончил университет марксизма и был назначен руководителем украинской группы отделения ПК. Мне присвоили офицерское звание, меня неизменно награждали денежными премиями и бесплатными путевками в санатории МГБ. Я был активным коммунистом, со мной советовались, многим из молодых я давал рекомендации в партию. Как я уже писал, я не затруднял себя мыслями относительно характера своей службы. Я гордился этой службой, считая себя чрезвычайно ценным и нужным работником.

Как известно, лето 1952 года уже было временем разгула антисемитизма. Но лично я настолько твердо чувствовал себя на ногах, что решил обратиться к новому начальнику отдела «В» Ивану Ивановичу Семакову с просьбой перевести меня поближе к родным местам, в один из районов Западной Украины. Я думал, что семь лет работы в органах дают мне право на товарищеский разговор со своим начальником. Я говорил о своих родных местах, о том, что хотел бы жить и работать рядом со своими друзьями. Что же ответил Семаков? «Вы прежде всего коммунист, товарищ Авзегер, и не имеете права ставить личные интересы выше государственных. Мало ли где я хотел бы работать? Возможно, я

хотел бы работать где-нибудь в Москве. Но интересы государства и партии требуют, чтобы я находился здесь, и я нахожусь здесь. Конечно, незаменимых людей у нас нет. Но как начальник отдела, я должен сказать прямо, что в настоящее время не вижу человека, которому можно было бы доверить пост руководителя украинской группы. Кроме того, вы переводчик международного отделения. Ваша помощь бывает необходима областному управлению. Скажите, где я еще в Чите найду такого работника?»

Выйдя из кабинета Семакова, я испытывал двойственное ощущение. С одной стороны, было обидно, что после семи лет работы в органах моя просьба так и не была удовлетворена. С другой стороны — я еще раз почувствовал свою незаменимость. Мог ли я предположить, что произойдет со мной и такими, как я, полгода спустя, когда буквально в один день я был выброшен на улицу без всяких мотивировок и объяснений. А произошло это вот как.

Утром 22 февраля 1953 года мне позвонили и предложили в семь часов вечера явиться в отдел кадров областного управления. Разговор в отделе кадров длился, наверное, не более минуты. Инспектор отдела сообщил мне, что с 23 февраля меня увольняют из органов по сокращению штатов. Мне предложили в один день сдать все дела и явиться за расчетом.

Наутро я узнал, что одновременно со мной были уволены все сотрудники-евреи, в том числе и старший оперуполномоченный отдела «В» капитан Рива Львовна Гольденберг, которая бессменно проработала в органах 22 года — до пенсии ей оставалось всего лишь три года.

Спустя несколько дней выяснилось, что я был уволен не по сокращению штатов, а на основании совершенно секретного приказа — СС № 17. Нетрудно было догадаться, что этот совершенно секретный приказ предписывал уволить из МГБ всех сотрудников еврейской национальности, вне зависимости от их чина, возраста и заслуг. Их русских жен, в соответствии с буквой приказа СС № 17, не тронули.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Я предвижу, что многие, прочитав эти строки, про себя подумают: «Вот ведь, служил в МГБ, в тайной советской полиции, вскрывал письма и всем был доволен, пока не ударило самого, а как ударило, так сразу прозрел!» Что можно на это ответить? Что без всякого толчка во мне пробудилось гражданское самосознание? По прошествии времени можно переиначивать события, как угодно. Но я не хочу этого делать. Я решил рассказать все, как было на самом деле, даже если мой рассказ и не украшает мою жизнь и мой облик. А было так, что только удар судьбы заставил меня призадуматься над тем, что творилось в стране, и над тем, что я делаю сам. Я думаю, что по-человечески это должно быть понятно.

Именно тогда я твердо про себя решил, что больше никогда не вернусь в органы. Я начал испытывать жгучую ненависть к политической машине, которая вначале меня вознесла, а затем растоптала и превратила в ничто только за то, что я еврей. Именно тогда впервые появилась у меня мысль об отъезде.

Правда, прошло еще несколько лет, прежде чем мне удалось осуществить свой план. После увольнения из органов я вернулся в Дрогобыч, здесь горком партии назначил меня заместителем председателя правления артели «Шкиряник». Но теперь я уже был другим человеком, к работе относился без малейшего интереса, я знал, чего стоит партия со всеми ее лозунгами.

В 1956 году между Хрущевым и Гомулкой было подписано соглашение, по которому все граждане польской и еврейской национальности, проживавшие до 39-го года на территории Польши, получили право туда вернуться.

В Дрогобыче я был одним из первых, кто решил воспользоваться этим правом. Я обратился за разрешением на выезд и довольно быстро его получил, а затем, в соответствии с установленным порядком, явился в горком партии и сдал партбилет. Теперь мой отъезд ни для кого не представлял секрета, как ни для кого не было секретом то, что евреи уезжают в Польшу, чтобы оттуда переехать в Израиль. Вот тогда-то и начались события, которые я, возможно, должен был предвидеть: в мое дело вмешались органы КГБ. Они решили воздействовать не на меня, по-видимому догадываясь о моих настроениях и махнув на меня рукой, а на мою жену.

В мое отсутствие люди в штатском почти открыто приходили в мой дом, чтобы говорить с моей женой. Она рассказывала мне об этих посещениях, и я все явственнее ощущал, как надо мной, а точнее, над моей семьей и моей личной жизнью, нависает опасность. По рассказу жены, один из ее вечерних «гостей» говорил ей примерно следующее: «Конечно, у вас есть право уехать, но подумали ли вы, что станет с вашими

родственниками? Ведь мы не сможем им больше оказывать доверие. К тому же вы — русская, член партии, бывший сотрудник органов, что может вас связывать с Израилем?» То, что я уеду из Польши в Израиль, ни у кого не вызывало сомнений.

Мы прожили с женой многие годы, жили всегда хорошо, и, разумеется, все эти пропагандные беседы не могли оказать на нее влияние. Но в России у нее оставались родственники, а она слишком хорошо знала нравы МГБ, чтобы не понять, что, как только она уедет, на них не может не обрушиться возмездие. И тем не менее она колебалась, она не хотела расставаться со мной. Все решил неожиданный приезд в Дрогобыч ее сестры, уже упомянутой мной Клавды Петрушенко, работавшей вместе с нами в читинской цензуре. Я знал, что они вместе с мужем, так же как и мы с женой, уехали из Читы. Муж ее служил в Мелитополе. О моем предполагаемом отъезде в Польшу ни жена, ни я им не писали. Поэтому я был немало удивлен ее неожиданному приезду к нам — без мужа, с ребенком. Еще более был удивлен тому, что она уже все знала о моих намерениях. Правда, всем своим видом она хотела подчеркнуть, что не знает ничего, но это только вначале. Она нервничала, не знала, с чего начать, но однажды все-таки не выдержала и заговорила, обращаясь сразу и ко мне, и к жене: «Скажите, что вам не хватает в Советском Союзе? Что? У вас хорошая зарплата, хорошая квартира, вы всем обеспечены... А тебя, Леня, я просто не узнаю, что с тобой приключилось? Что ты задумал?» Она умоляла меня опомниться и никуда не уезжать. Я ничего не ответил ей — где-то в душе я уже понимал, что каждое лишнее слово может обернуться против меня. Глядя на жену, я видел, как она переживает, особенно, когда Клава говорила, что мой отъезд погубит всю их семью. Мне кажется, что за те несколько дней я постарел на много лет. Обратного пути для меня не было. Это понимала и моя жена. Но, с другой стороны, я чувствовал, что она не может покинуть Россию, и у меня нет права заставить ее пойти на это. Вот так мы оба пришли к решению, которое, может быть, стало самым тяжелым решением в моей жизни, — у нас не оставалось другого выхода, как расстаться.

Понимая, что органы могут пойти на все, я решил уехать тайно. После полуночи, когда город уже давно был погружен в сон, с небольшим чемоданом в руках я вышел из дому. Возле дома меня ждала машина. Жена сопровождала меня до самой границы. Почти всю дорогу она плакала, а я ехал молча, да и о чем было говорить в эту ночь. Разумеется, больше я никогда не видел своей жены. В ту ночь, когда мы ехали на машине к границе, каждый из нас умер друг для друга.

Оказавшись в Польше, я рассчитывал тотчас же оформить документы на выезд в Израиль. К моему удивлению, в выезде мне было отказано. Тогда я решился поступить на завод — простым рабочим, токарем, чтобы не привлекать к себе никакого внимания и как бы на время уйти из поля зрения. Но и это не помогло. Разрешения на выезд в Израиль я по-прежнему не мог получить. На моих глазах уезжали крупные ученые, писатели, общественные деятели, а мне, рядовому токаря, неизменно отказывали.

Никто из окружающих не мог понять, в чем тут дело. Но я-то знал, кто и по каким причинам препятствует моему отъезду. Часто в ресторане, за одним столом со мной, появлялись люди, которые расспрашивали о моей жизни, о моих планах, стремились сойтись со мной, но я к тому времени был уже стреляный воробей и, сколько бы ни выпил, ни в какие откровенные беседы не вступал.

Я не знал, как мне вырваться, и однажды решил бежать, купив туристскую путевку в Венецию. План побега был разработан мной до мельчайших деталей. Но в последнюю минуту позвонили из туристического бюро и сказали, что мне в выезде отказано, а деньги я могу получить назад.

Итак, еще восемь лет, уже за пределами СССР, органы КГБ цепко держали меня в своих руках. Лишь после того, как кончилось правление Гомулки, я совершенно неожиданно получил разрешение на выезд.

На этом я заканчиваю свой рассказ. После солженицынского «Архипелага», после «КГБ» Джона Барона, возможно, он некоторым и не покажется ни особенно интересным, ни особенно сенсационным. Еще одна исповедь, еще один, так сказать, «живой винтик» советской политической машины.

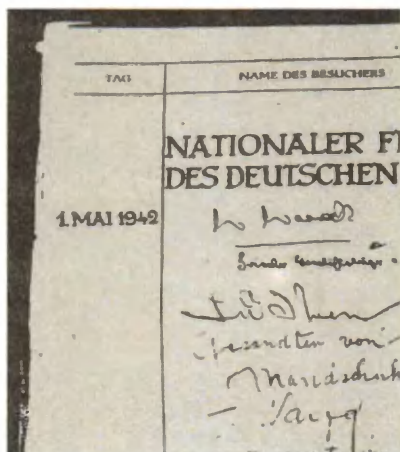
Все верно: я никогда не был большим человеком, не был причастен к большой политике. Но я действительно был из тех — пусть маленьких — «винтиков», на которых держалась и держится советская политическая машина. Я находился внутри нее и лучше, чем кто-либо другой, знаю ее истинную цену.

В наш бурный век по-разному складывается жизнь людей. Мое прошлое сложилось так, что мне не приходится им гордиться. И все же, пусть поздно, но, как уже сказано было

выше, я решил дать прямые и честные показания. И если советский тоталитаризм когда-нибудь предстанет перед судом общественного мнения, то я бы хотел, чтобы к делу были приобщены и мои показания бывшего тайного советского цензора.

Публикация из журнала «Время и мы», 1980, № 55-56.

ФОТОАРХИВ РАРИТЕТЫ

В бывшем «особом» архиве
хранится
книга записей приема посетителей А. Гитлера.

Космонавт *А. Волков*
работает в открытом космосе.
1988 год.

Кого принимал ГИТЛЕР

В бывшем «особом» архиве (ныне: Центр хранения историко-документальных коллекций) хранится книга записей приема посетителей А. Гитлера. Вместе с другими трофейными документами она была захвачена солдатами Красной Армии и все последующие годы пролежала в закрытом хранилище. В книге расписывались те, кто по различным причинам приходил на встречу к фюреру. Судя по многочисленным записям, Гитлер работал напряженно. Так, 1 января 1939 года его посетили Вальтер Блём, тайный советник Герман Шмитц, др. Макс Илгнер, главнокомандующий румынского королевского флота вице-адмирал Барбунеану и другие официальные лица. А 1 мая 1942 года, в день «Национального праздника германского народа», со своими поздравлениями пришли посол Маньчжурии, полномочный представитель Ирландии, посол и высокие гости из Италии...

Листая пожелтевшие страницы с фа-

TAG	NAMÉ DES BESUCHERS	WOHNUNG	TAG	NAMÉ DES BESUCHERS	WOHNUNG
1. MAI 1942	NATIONALER FEIERTAG DES DEUTSCHEN VOLKES				
	In Haus?			Leber:	
	Landes Versammlung ...			M. H. H. H.	
	Edelmann			M. H. H. H.	
	Gesellschaft von			M. H. H. H.	
	Ministerien			M. H. H. H.	
	T. Wagner			M. H. H. H.	
	Lehrbeauftragter von ...			M. H. H. H.	
	Rückfragen			M. H. H. H.	
	Ueb: ...			M. H. H. H.	
	...			M. H. H. H.	
	P. Tenner			M. H. H. H.	

TAG	NAMÉ DES BESUCHERS	WOHNUNG
1. JAN.	1939	
	Walter Blum	...
	Herrn
	H. von
	Vox

миллиами подчас малоизвестных или совсем неизвестных людей, трудно понять, почему все это считалось абсолютно секретным даже для ученых, изучающих историю третьего рейха. И невольно задаешься вопросом: сколько же еще раритетов хранят отечественные спецхраны?

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ Космос

Фотографии предоставлены
Российским
научно-исследовательским центром
космической документации.

Космонавт А. Волков
работает в открытом космосе.
1988 год

С. П. Королев на космодроме Байконур. 1961 год.

Ю. Гагарин в гостях у сестры матери на Клязьме. 1960 год.

Выступление С. П. Королева на встрече с членами первого отряда космонавтов. Байконур, апрель 1961 года.

Хелен Шараман, английская космонавтка после окончания тренировки. 1990 год.

Т. Акияма, Р. Кикүти, В. Афанасьев. Японские журналисты и советский космонавт готовятся к полету. 1990 год.

Члены первого женского отряда космонавтов. В. Терешкова, Т. Пицхалаури, И. Соловьева. Звездный городок. 1963 год.

Космонавт А. Арцебарский во время тренировки на выживаемость в аварийных условиях. 1990 год.

ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ ВЕРСИИ

Совершенно секретная стенограмма Политбюро рассказывает о том, *как же в действительности происходили выборы Генсека.*

Две версии гибели крупнейшего самолета в мире.
*Политический акт
или трагическая случайность?*

Повседневный ЦК. *Документы из партийных архивов.*

«Союз немецких офицеров».
*Впервые есть возможность
приоткрыть завесу тайны над деятельностью
этой малоизвестной организации
на основе документов «Смерша» и НКВД.
Немцы, вставшие на сторону Сталина: кто они?*

Александр Довженко:
«Я противен вам и чем-то опасен».
Подоплека политической травли художника.

«НАМ НЕ НУЖНО МЕНЯТЬ ПОЛИТИКУ», — заявил М. С. Горбачев при выдвижении его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС

Генеральные секретари в КПСС избирались, как известно, на партийных пленумах. Так было до XXVIII съезда партии, на котором было решено генсека и его заместителя избирать непосредственно на съезде. Однако избрание лидера пленумом или съездом — лишь формальность. Вопрос о генсеке решался заранее партийным ареопагом — Политбюро ЦК КПСС.

Этот орган всегда был своеобразным «черным ящиком» кремлевской политической кухни. Как проходили его заседания, какие обсуждались вопросы и принима-

лись решения, было ли единодушие или шла борьба мнений, кто какую точку зрения отстаивал, велись ли стенограммы заседаний — на эти и многие другие вопросы даже сегодня однозначно ответить невозможно. Информация о работе Политбюро остается «terra incognita». Единственное, что об этом органе можно сказать определенно, так это о его составе: избранные в Политбюро становились известны в стране, их фотографии печатали в газетах, а портреты носили на демонстрациях. Но их политическое лицо оставалось в тени. Кто какими вопросами

ведал, кто что «курировал» — для непосвященных оставалось тайной. Правда, это можно было «вычислить» по публичным выступлениям, однако истинная роль членов Политбюро в выработке и осуществлении политики партии тонула в формуле коллективного руководства.

Работа Политбюро скупо и лаконично освещалась в печати. Даже на съездах партии об этом говорилось глухо, формально. Лишь с декабря 1982 года, при генсеке Ю. В. Андропове, по решению ЦК партии в средствах массовой информации стали публиковаться сообщения о заседаниях Политбюро ЦК с изложением основного содержания рассмотренных на них вопросов.

Однако это мало меняло положение, так как доступ даже к протоколам полувековой давности имел весьма ограниченный круг партийных историков и архивистов. Сложно получить эти протоколы и сегодня: материалы Политбюро последних десятилетий хранятся в архиве Президента Российской Федерации и исследователям недоступны.

Но правил нет без исключений, и в круговорте сегодняшней политической борьбы часть этих строго секретных материалов рассекречена правительственной комиссией и копии их переданы в Центр хранения современной документации для широкого использования. В их числе и так называемая «рабочая запись» заседания Политбюро ЦК КПСС от 11 марта 1985 года, на котором происходило выдвижение М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК партии.

Много легенд ходит вокруг этого события. В числе претендентов на высший пост в партии называют В. В. Гришина, Г. В. Романова. Комментируемый документ не подтверждает, как, впрочем, и не опровергает эти слухи. Он свидетельствует лишь, что, по мнению Гришина, Горбачев «в наибольшей степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются Генеральному секретарю ЦК». Во взвешенном выступлении Романова нет чрезмерно хвалебных эпитетов, подобоострастия, но и он считает, что претендент на пост генсека обладает качествами «организатора и руководителя масс» и «он будет полностью обеспечивать преемственность руководства в нашей партии и вполне справится с обязанностями генсека. При самом внимательном изучении документа невозможно обнаружить следов борьбы за власть на этом заседании Политбюро; она здесь просто не велась, так как все решилось раньше, а здесь выстроившиеся по политическому ранжиру

члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК, отлично понимая, что вопрос уже предрешен, по существу, клялись в верности новому генсеку, избрание которого на предстоящем пленуме ЦК заранее predetermined. Громыко и Соломенцев поспешили засвидетельствовать свою причастность к переводу М. С. Горбачева из Ставрополя в Москву, Тихонов и Шеварднадзе сделали акцент на опыте совместной деятельности, Кунаев и Чебриков подчеркнули, что говорят не только от себя, но и от имени стоящих за ними организаций. Одни упирали на скромность и простоту будущего генсека, другие — на его образованность и эрудицию, третьи — на «огромный и разносторонний опыт», четвертые — на «острый аналитический ум», «большую партийность и принципиальность»... Словом, у каждого нашлась черточка, которую он считал долгом присовокупить к коллективному мнению Политбюро, выведившему идеальный портрет нового Генерального секретаря ЦК партии. А что же сам претендент? С чувством «огромного волнения и переживания» слушал он своих «дорогих друзей» и был удовлетворен «духом единства» членов Политбюро. Сделав особое ударение на своей приверженности «идее коллективной работы», нарождающийся генсек успокоил присутствующих намерением проводить ту же линию, что и его предшественники. «Нам не нужно менять политику, — заявил он соратникам. — Она верная, правильная, подлинно ленинская политика». В документе есть некоторая несурзанность, не позволяющая точно определить время заседания Политбюро. При обсуждении первого пункта М. С. Горбачев сказал, что пленум ЦК откроется через 30 минут; в выступлении по второму пункту он назвал время открытия пленума — 17 часов; третий же пункт рассматривался, как видно из контекста документа, до 14 часов 11 марта. Эта несообразность дает основание предположить, что вопросы обсуждались не в том порядке, в каком они представлены в рабочей записи. Вопрос о генсеке, видимо, рассматривался дважды: 10 марта вечером и непосредственно перед открытием пленума 11 марта.

Об этом можно судить по воспоминаниям участников заседания Политбюро. Н. И. Рыжков в книге «Перестройка: история предательств» (М., 1992) пишет, что в день смерти К. У. Черненко Политбюро собралось вечером. «На часах значилось, если это небезразлично историкам, 22.00». После решения вопросов по

организации похорон Черненко «встал Громыко и предложил кандидатуру на пост Генерального секретаря» (с. 78-79). По свидетельству Рыжкова, на заседании не было Кунаева и Щербицкого. По другим сведениям, отсутствовал также Романов («Правда», 1992 г., 5 ноября). Но в рабочей записи есть выступления и Кунаева, и Романова. Значит, в ней речь идет о заседании Политбюро, проходившем непосредственно перед пленумом, назначенным на 17 часов 11 марта.

Однако в этом случае документ вступает в противоречие с другим свидетелем — Е. И. Чазовым. «Кремлевский врач» в книге «Здоровье и власть» (М., 1992) рассказывает, как он докладывал о болезни и смерти Черненко на заседании Политбюро. Оно проходило «поздно вечером» 10 марта (с. 211-212). Вряд ли Чазов докладывал на Политбюро дважды — 10 и 11 марта. Расхождение в дате — не единственное различие в воспоминаниях врача и в

публикуемом документе. Чазов пишет, что ему кто-то из присутствующих, «кажется Пономарев, задал какой-то пустяковый вопрос». Эта деталь в рабочей записи отражения не нашла, хотя другие реплики (Тихонова, Громыко) в ней зафиксированы. Резонно предположить, что по итогам двух заседаний Политбюро оформлена одна рабочая запись, фрагмент которой предлагается читателям.

Прогностическая несостоятельность выступлений партийных олигархов на Политбюро обусловлена их политической близорукостью, беспечностью и самоуспокоенностью. Настоящей обеспокоенности за судьбы партии и страны в них не сыскать, зато личные моменты и желание оставить все по-прежнему сквозит явственно и определенно. Этого же они ждали и от лидера: «Оставайтесь, дорогой Михаил Сергеевич, таким, какой Вы есть, и все пойдет хорошо». Не пошло...

Сов. секретно
Экз. единственный
(Рабочая запись)

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС¹ 11 марта 1985 года

Председательствовал тов. ГОРБАЧЕВ М. С.

Присутствовали т.т. Алиев Г. А., Воротников В. И., Гришин В. В., Громыко А. А., Кунаев Д. А., Романов Г. В., Соломенцев М. С., Тихонов Н. А., Демичев П. Н., Долгих В. И., Кузнецов В. В., Пономарев Б. Н., Чебриков В. М., Шеварднадзе Э. А., Зимянин М. В., Капитонов И. В., Лигачев Е. К., Русаков К. В., Рыжков Н. И.

ГОРБАЧЕВ. Товарищи, вчера в 19 часов 20 минут скончался Константин Устинович Черненко. Смерть последовала после длительной и тяжелой болезни. Мы потеряли нашего дорогого и уважаемого друга, руководителя, Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Прошу почтить светлую память о Константине Устиновиче Черненко минутой молчания.

(Все встают).

ГОРБАЧЕВ. Здесь присутствует т. Чазов². Предоставим ему слово.

ЧАЗОВ. Вы, товарищи, знаете, что Константин Устинович длительное время тяжело болел и последние месяцы находился на больничном режиме. Со стороны Четвертого Главного Управления были приняты все необходимые меры для лечения Константина Устиновича. Но болезнь не поддавалась вылечиванию, она сначала постепенно, а затем быстрее стала подтачивать его силы. Особенно это осложнилось в связи с двусторонней пневмонией, которой заболел Константин Устинович во время пребывания на отдыхе в Кисловодске. Были периоды, когда удалось несколько приглушить легочную и сердечную недостаточность и в этом промежутке времени Константин Устинович находил в себе силы для того, чтобы приехать на работу. Он проводил несколько раз Политбюро и проводил, правда укороченный, рабочий день. Эмфизема легких и осложнившаяся легочно-сердечная недостаточность значительно усугубились за последние две-три недели. Появилась сопутствующая болезнь — хронический гепатит, т. е. заболевание печени с переходом этой болезни в цирроз. Цирроз печени и усиливающиеся дистрофические изменения в органах

и тканях привели к тому, что, несмотря на активную терапию, которая проводилась усиленно ежедневно, положение с состоянием здоровья все время осложнялось. В 3 часа дня 10 марта Константин Устинович потерял сознание, а в 19 часов 20 минут наступила смерть в результате остановки сердца.

ГОРБАЧЕВ. Болезнь у него действительно была тяжелая. Мы сами это видели. Врачи, конечно, старались помочь больному, но болезнь была настолько тяжелой, что терапевтические меры, предпринимавшиеся врачами, не привели к положительному результату. Очень тяжело сознавать, что среди нас нет Константина Устиновича.

Но жизнь идет, ничего не поделаешь. Мы собрались сегодня для того, чтобы решить вопросы, связанные с похоронами Константина Устиновича, с кадровыми делами и созывом внеочередного Пленума ЦК КПСС.

ТИХОНОВ. Да, все эти вопросы нам предстоит решить незамедлительно.

1. О ГЕНЕРАЛЬНОМ СЕКРЕТАРЕ ЦК КПСС

ГОРБАЧЕВ. С учетом того, что на заседании присутствуют все члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, все секретари ЦК КПСС, за исключением т. Щербицкого, который сейчас находится в пути, нам необходимо прежде всего решить вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Прошу товарищей высказаться по этому вопросу.

ГРОМЫКО. Конечно, все мы очень удручены уходом из жизни Константина Устиновича Черненко. Но какие бы чувства нас ни охватывали, мы должны смотреть в будущее и ни на йоту нас не должен покидать исторический оптимизм, вера в правоту нашей теории и практики.

Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор. Все мы Михаила Сергеевича хорошо знаем. Семь лет мы работаем с ним вместе³. Я помню, как Л. И. Брежнев интересовался моим мнением и мнением других товарищей, когда речь шла о переводе М. С. Горбачева на работу в Москву. Я не сомневаюсь, что все мы тогда правильно поддержали это предложение.

Какие черты прежде всего бросаются в глаза, когда оцениваешь кандидатуру Михаила Сергеевича?

Первое — это его неукротимая творческая энергия, стремление сделать больше и сделать лучше.

Второе. Это отношение к людям. Ведь чем выше стоит человек, тем большую роль играет его умение налаживать отношения с людьми, отношения принципиальные и требовательные. Я никогда не слышал о том, что у Михаила Сергеевича превалируют взгляды личного свойства. Нет, у него всегда на первом плане интересы партии, интересы общества, интересы народа.

Третье. М. С. Горбачев обладает большим опытом партийной работы. Это опыт работы в крае⁴, а также в центре. Он работал секретарем ЦК, был кандидатом в члены Политбюро и наконец членом Политбюро. Он вел заседания Секретариата, а затем Политбюро в отсутствие Константина Устиновича. Для такой работы надо иметь не только знания, но и выдержку, партийность. Это очень ценное качество. Еще одно соображение. Когда заглядываем в будущее, а я не скрою, что многим из нас уже трудно туда заглядывать, мы должны ясно ощущать перспективу. А она состоит в том, что мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-либо щель в наших отношениях. А всякого рода спекуляций по этому вопросу за рубежом предостаточно. А это значит, что все мы должны действовать сплоченно, едино, со знанием полной ответственности за наше великое дело.

Я не претендую на то, что я упомянул о всех качествах Михаила Сергеевича. Но думаю, что мы, не колеблясь, можем сказать, что не ошибемся, если изберем его Генеральным секретарем ЦК КПСС. Хочу еще раз подчеркнуть, что он обладает большими знаниями, значительным опытом, но этот опыт должен быть помножен на наш опыт. И мы обещаем оказывать новому Генеральному секретарю ЦК КПСС всевозможное содействие и помощь. На это содействие и помощь Вы, Михаил Сергеевич, можете полностью рассчитывать.

ТИХОНОВ. Мы последнее время много работали вместе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Особенно тесно мы узнали друг друга в период работы Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма.

Что я могу сказать о Михаиле Сергеевиче? Это контактный человек, с ним можно обсуждать вопросы, обсуждать на самом высоком уровне. Это - первый из секретарей ЦК, который хорошо разбирается в экономике. Вы представляете, насколько это важно. Завтра мы похороним Константина Устиновича Черненко, но вопросы развития хозяйства мы

откладывать не можем, они не ждут. Нам их надо будет решать и решать вместе, так как мы решали до сих пор, в тесном контакте между Центральным Комитетом партии и Правительством.

Поэтому мнение мое безоговорочное: человеком, который годится быть Генеральным секретарем ЦК КПСС, является Михаил Сергеевич Горбачев. Здесь нужен деятель, который обладает и знаниями, и опытом, и умением работать с людьми. Поэтому я считаю, что мы с полным основанием можем выдвинуть кандидатуру Михаила Сергеевича Горбачева на Пленуме ЦК КПСС.

ГРИШИН. Мы сегодня решаем исключительно важный вопрос. Речь идет о продолжении дела партии, о преемственности руководства. Генеральный секретарь ЦК — это человек, который организует работу Центрального Комитета. Поэтому на таком посту должно стоять лицо, которое отвечает самым высоким требованиям. Оно должно обладать и знаниями, и принципиальностью, и опытом, и, кроме того, очень большой терпимостью. Мы вчера вечером, когда узнали о смерти Константина Устиновича, в какой-то мере предрешили этот вопрос, договорившись утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам. На мой взгляд, он в наибольшей степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются Генеральному секретарю ЦК. Это широко эрудированный человек. Он окончил юридический факультет Московского университета и экономический факультет сельскохозяйственного института⁵. У него большой опыт партийной работы. Поэтому, я думаю, что у нас нет и не может быть другого предложения, кроме предложения о выдвижении М. С. Горбачева для избрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Что касается нас, то мы каждый на своем посту будем активно его поддерживать.

Поэтому я полностью присоединяюсь к предложению, которое было сейчас внесено на заседании Политбюро.

СОЛОМЕНЦЕВ. Мы действительно, товарищи, решаем очень важный вопрос. Ведь от Генерального секретаря очень многое зависит в повседневном проведении в жизнь политики нашей партии. Я знаю Михаила Сергеевича Горбачева еще по работе в Ставрополье. Он и там оставил о себе хороший, долгий след. Поэтому мы поддержали предложение Л. И. Брежнева о переводе т. Горбачева на работу в Москву. Теперь мы уже семь лет работаем вместе. Михаила Сергеевича отличают неукротимая энергия, стремление активно вмешиваться в события. Когда он занимался сельским хозяйством, то не проходил мимо других дел, он смотрел на вопросы развития сельскохозяйственного производства широко, комплексно и внес очень большой вклад, чтобы продвинуть вперед и растениеводство, и животноводство, и машиностроение для сельского хозяйства. Ведь как бы над нами ни глумилась природа, мы все же идем вперед в сельскохозяйственном производстве. И немалая заслуга в этом именно Михаила Сергеевича Горбачева.

Что мне в нем особенно нравится?

Это дух новаторства. Он хорошо готовится к заседаниям Секретариата ЦК и Политбюро, вносит при рассмотрении вопросов новые предложения, высказывает интересные мысли. Этот дух новаторства очень ценен. Здесь товарищи уже говорили о его принципиальности и требовательности. Хочу отметить, что эти качества проявляются Михаилом Сергеевичем с большим тактом. В то же время он неуклонно следует в своей работе курсу нашей партии, ее ленинским принципам.

Вот почему я думаю, что другой кандидатуры у нас просто нет, и поддерживаю предложение об избрании Михаила Сергеевича Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС. Нас ждут впереди не легкие проблемы и во внутренней, и внешней политике. Эта большая работа ложится на плечи Михаила Сергеевича, на всех нас. Уверен, что Пленум ЦК, который соберется сегодня, поддержит предложение об избрании Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева. Он может объединить наш коллектив, а мы будем ему всемерно помогать.

КУНАЕВ. По вызову из Казахстана на Пленум ЦК приехали 25 человек. Мы представляем двадцать областей, в которых работает 800 тысяч коммунистов. Сегодня в нашем постпредстве в Москве мы встретились, чтобы обсудить вопросы, связанные с Пленумом. И я хочу доложить вам, что мне поручено сказать на заседании Политбюро о том, что как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

Откуда родилось это наше решение? Оно родилось из практики работы казахстанцев вместе с Михаилом Сергеевичем. У него отличная связь с обкомами партии, с партийными организациями, с коммунистами. А это, товарищи, самое важное. М. С. Горбачев располагает богатым опытом работы. Он работал вместе с Леонидом Ильичом Брежневым, Юрием Владимировичем Андроповым и последний год вместе с Константином Устиновичем Черненко. Мы желаем Вам, Михаил Сергеевич, крепкого здоровья и хотим заверить Вас, что мы все, все коммунисты Казахстана, будем Вашими верными помощниками.

АЛИЕВ. Избрание Генерального секретаря ЦК КПСС — дело серьезное, историческое. На мой взгляд, кандидатура Михаила Сергеевича Горбачева является вполне достойной. Он работал и на Ставрополье, и в Москве, накопил огромный опыт и в партийном, и в хозяйственном строительстве, вырос в большого политического деятеля, деятеля крупного масштаба. Он хорошо знает экономику и внутреннюю политику, проявляет осведомленность во многих областях хозяйственной и социальной жизни.

М. С. Горбачев завоевал большой авторитет у трудящихся нашей страны и в странах социалистического содружества. Что касается контактов с нами, то мы всегда чувствовали его поддержку, его умение сплотить Политбюро ЦК КПСС и Секретариат ЦК.

Михаил Сергеевич — прост, скромен, доступен. Это дает нам возможность с уверенностью сказать, что он вполне справится с обязанностями Генерального секретаря. Поэтому я в полной мере поддерживаю внесенные предложения и хочу пожелать Михаилу Сергеевичу Горбачеву здоровья и больших успехов в работе.

РОМАНОВ. Михаил Сергеевич Горбачев прошел богатую школу жизни. Он начал с низовой работы в комсомольской, потом партийной организации. И здесь проявилось его качество организатора и руководителя масс. Я по своей прежней работе могу сказать, что партийный актив высоко оценивает деятельность М. С. Горбачева. Он эрудированный человек. Например, он очень быстро разобрался во многих сложнейших вопросах научно-технического прогресса. Причем не только разобрался, но и начал нащупывать пути решения многих проблем, связанных с внедрением научно-технических достижений в производство. Николай Александрович Тихонов говорил здесь о работе Михаила Сергеевича Горбачева в Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма. Тон в этой комиссии задает т. Тихонов, а Михаил Сергеевич, опираясь на отделы ЦК, тактично вносит свои предложения, которые в большинстве своем поддерживаются Комиссией.

В своей работе Михаил Сергеевич очень требователен. Но эта его требовательность сочетается с активной помощью людям, с доверием к ним. Поэтому я считаю, что он будет полностью обеспечивать преемственность руководства в нашей партии и вполне справится с теми обязанностями, которые будут на него возложены.

ВОРОТНИКОВ. Это очень большая и ответственная задача — выработать предложение о кандидатуре на пост Генерального секретаря. Ведь должна быть подобрана и оценена со всех сторон кандидатура человека, который отвечал бы этим очень сложным функциям. И здесь невольно приходишь к выводу, что сама логика жизни подвела нас к этому решению. Михаил Сергеевич Горбачев явно выделялся среди секретарей обкомов и крайкомов партии. Его важнейшие качества — ответственность, умение прислушиваться к мнению других, знание дела. Вот почему он завоевал большой авторитет среди партийного актива. И все товарищи (а мне пришлось встретиться сегодня с большим числом представителей областных партийных организаций России) высказываются за то, чтобы избрать т. Горбачева М. С. Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Почему в приемной М. С. Горбачева всегда полно людей? Да потому, что он умеет их выслушать и хочет им помочь. В то же время это не добренький руководитель. Он умеет и спросить с человека, умеет потребовать. А это, как вы сами понимаете, для нашей огромной страны весьма важное качество.

В целом, товарищи, я, как и большинство представителей партийных областей России, глубоко убежден, что кандидатура М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС подходит во всех отношениях.

ПОНОМАРЕВ. Пост Генерального секретаря ЦК КПСС исключительно ответственный пост. Ведь на нашу партию смотрит не только вся страна, но и весь мир. Для такого поста исключительно важна теоретическая подготовка человека, его идейная выдержанность, его умение поддерживать связи с массами. Всеми этими качествами в полной мере владеет Михаил Сергеевич Горбачев.

В последнее время мы много занимались новой редакцией Программы партии. И я лично убедился, что он глубоко владеет марксистско-ленинской теорией, умеет разбираться в самых сложных программных вопросах. Активную позицию М. С. Горбачев занимает в беседах с деятелями коммунистических и рабочих партий зарубежных стран. Такое умение работать с иностранными представителями исключительно важно для Генерального секретаря ЦК. Поэтому мы все искренне желаем успехов Михаилу Сергеевичу Горбачеву на новом важном и ответственном посту, а каждый из нас будет активно ему помогать.

За последние три года мы потеряли трех генеральных секретарей: Леонида Ильича Брежнева, Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко. Но сила нашей партии в том, что мы идем вперед, что мы сплочены, что никакие потери не могут поколебать единства коммунистов нашей страны. Желаем Вам, Михаил Сергеевич, больших успехов в Вашей будущей работе.

ЧЕБРИКОВ. Тон сегодняшнему нашему разговору задал Андрей Андреевич Громыко. Он очень правильно сказал, что мы должны смотреть в будущее. Это умение смотреть в будущее, может быть, сейчас важнее всего. Мне также исключительно импонировали слова А. А. Громыко о необходимости сохранения и укрепления единства Политбюро, Центрального Комитета, всей нашей партии в целом. И сегодня, когда мы говорим о Генеральном секретаре ЦК КПСС, мы должны четко оценить, кто тот человек, который сможет выполнить эту сложнейшую задачу. И я уверен, что Михаил Сергеевич Горбачев с этой задачей с честью справится. За эти качества т. Горбачева очень ценили Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов и К. У. Черненко.

Лидер нашей партии должен обладать хорошей теоретической и практической базой. Можно было бы сослаться на ряд статей и выступлений Михаила Сергеевича. Но я назову лишь его выступление на состоявшейся недавно Всесоюзной теоретической конференции⁶. Я думаю, что все заметили, насколько это было смелое и сильное выступление.

Михаил Сергеевич Горбачев — контактный человек. Он умеет прислушиваться к другим, с пониманием относится к затрагиваемым проблемам. А проблем у нас в стране много. И для решения их требуется человек, обладающий большой работоспособностью и эрудицией. Такая эрудиция и работоспособность у М. С. Горбачева есть в полной мере.

Идя сегодня на Пленум, я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот с учетом всех этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру т. Горбачева М. С. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа. Что касается нас, то мы со своей стороны постараемся работать на высоте задач, которые стоят перед Комитетом государственной безопасности. Сплоченный чекистский коллектив сделает все, чтобы еще лучше работать во главе с Политбюро ЦК КПСС, которое будет возглавлять новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

ДОЛГИХ. Сейчас нам даже трудно оценить исторически значимость момента, который мы переживаем. Я целиком и полностью согласен с товарищами, внесшими предложение о выдвижении кандидатуры М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Все мы едины в том мнении, что у него за плечами не только большой опыт, но и будущее. Сейчас стране, как никогда, нужен энергичный руководитель, умеющий проникать в существо проблем, руководитель искренний, смелый и требовательный. Поэтому я желаю Вам, дорогой Михаил Сергеевич, здоровья, успехов и всего самого наилучшего. А наша поддержка Вам будет обеспечена.

КУЗНЕЦОВ. Я хотел бы прежде всего подчеркнуть, что полностью поддерживаю предложение, которое внесено сегодня на заседании Политбюро. Разделяю также те характеристики, которые здесь давались Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Он очень доступен, умеет быстро вникать в существо вопросов. Это, в частности, относится к деятельности Советов народных депутатов, работу которых М. С. Горбачев отлично знает.

Очень хорошо, что у нас в стране, в нашей партии сложился коллектив, проникнутый единством. Это залог успешного решения стоящих перед нами проблем, залог нашего движения вперед, в будущее. Наши недруги за рубежом надеются на разброд внутри руководства партии, на развал советской системы. В некоторых зарубежных журналах, особенно американских, делались самые невероятные прогнозы, высказывались самые различные домыслы по поводу противоречий внутри Политбюро. Но наше единство ничем не поколебать.

Мы желаем Михаилу Сергеевичу Горбачеву больших успехов. Не сомневаюсь, что советские органы, советские работники, у которых он очень популярен, полностью поддержат эту точку зрения.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Очень хорошо, что каждый из нас имеет возможность выступить на этом историческом заседании. Это еще раз характеризует подлинно ленинский коллективный стиль работы Центрального Комитета партии, его Политбюро. Я знал Михаила Сергеевича Горбачева еще до его работы секретарем ЦК КПСС. Скажу прямо, что и после его избрания в Политбюро ЦК, он остается таким же простым, скромным и ответственным человеком. У нас огромная многонациональная страна. И я знаю, как тонко и внимательно относится Михаил Сергеевич Горбачев к национальному вопросу. Это великое, важнейшее качество для Генерального секретаря ЦК КПСС. Что касается выдвижения кандидатуры М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, то я скажу прямо — такого решения ждет сегодня вся наша страна и вся наша партия. У меня в этом нет никаких сомнений.

ДЕМИЧЕВ. Я скажу очень кратко. Уверен, что мы делаем сегодня совершенно

правильный выбор. Михаила Сергеевича Горбачева хорошо знают в нашей стране. Его неплохо знают и за границей. О том, что он умеет работать за рубежом, убедительно показали его поездки в Англию, Канаду, в Народную Республику Болгарию.

ГРОМЫКО. И в Италию также.

ДЕМИЧЕВ. У Михаила Сергеевича Горбачева есть чувство нового, есть широкая эрудиция и организаторский талант. Это обаятельный человек. Ведь не секрет, что после смерти Ю. В. Андропова он занимался всеми вопросами Центрального Комитета, но особенно много сделал в области развития нашего агропромышленного комплекса. Без преувеличения можно сказать, что к нему потянулись наши ученые, творческая интеллигенция, писатели. Вообще это вполне достойный человек для такого высокого поста.

ЗИМЯНИН. Прежде всего я хочу выразить полную поддержку тому предложению, которое высказано сегодня на заседании Политбюро, и добавить всего две позиции.

Работая вместе в Секретариате ЦК КПСС, мы убедились, насколько активен, глубок и эрудирован Михаил Сергеевич Горбачев. Он умеет выделить главное, а это очень важно, поскольку в Генеральном секретаре ЦК КПСС должны аккумулироваться мнение масс, предвидение будущего. И во-вторых, я всегда находил и нахожу, когда обращаюсь к М. С. Горбачеву, быстрое решение при самом точном знании предмета. Он отличается тем, что постоянно пополняет свои знания. А это самое ценное качество для роста человека. Думаю, что выражу чувство каждого из нас, если скажу, что Вы, Михаил Сергеевич, можете на нас полностью положиться.

КАПИТОНОВ. Товарищи очень хорошо сказали здесь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Я полностью присоединяюсь к этим замечательным словам. Он во всех отношениях достойный человек. У него есть опыт, есть разносторонние знания, острый аналитический ум. Он проявляет большую партийность и принципиальность, ему присуща требовательность к себе и к людям. Поэтому я горячо поддерживаю внесенное предложение и полностью уверен в том, что это предложение будет одобрено нашей партией и нашим народом.

ЛИГАЧЕВ. Прежде всего я хочу отметить очень важный зачин, который сделал здесь А. А. Громыко. Михаил Сергеевич Горбачев, несомненно, обладает всеми чертами крупного политического деятеля. Причем у него в запасе еще очень много интеллектуальных и физических сил. Важно отметить, что для М. С. Горбачева характерен большой азарт в работе, стремление к поиску в малых и больших делах, умение организовать дело. А это, как вы понимаете, имеет огромное значение для всей партийно-организационной работы, для улучшения ее стиля, методов. Эта работа охватывает кадровую политику, деятельность Советов, профсоюзов, комсомола, и с ней хорошо знаком Михаил Сергеевич Горбачев, который пользуется большим уважением в партийных, профсоюзных, комсомольских организациях, в активе нашей партии, в народе в целом. Мне об этом сегодня говорили многие секретари обкомов и крайкомов партии. Выдвижение М. С. Горбачева вызовет чувство гордости в нашем народе, поднимет авторитет Политбюро ЦК КПСС.

РЫЖКОВ. Я считаю, что мы сегодня принимаем совершенно правильное решение. При этом мы понимаем, какая огромная, тяжелая ноша ложится на плечи Михаила Сергеевича Горбачева. Мы видим, как на наших глазах он растет как политический деятель, всегда стремится идти вперед, не останавливаясь на достигнутом. Для нас, секретарей ЦК, работа Секретариата — это огромная школа. Она дает большое удовлетворение не только нам, но и всем участникам заседаний Секретариата. М. С. Горбачев хорошо знает вопросы общей экономики. Это исключительно важно для Генерального секретаря ЦК КПСС. Да, мы понимаем, ему будет трудно, очень трудно. Но у него есть все данные для выполнения важнейших партийных и государственных функций. Мы, Михаил Сергеевич, будем всегда Вашими верными помощниками.

РУСАКОВ. Полностью присоединяюсь к тому, что говорилось здесь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это человек с большой буквы. Сегодняшний разговор, связанный с постигнутой нас большой бедой, имеет цементирующее значение для всей нашей партии, для Политбюро, для народа. И я уверен, что под руководством М. С. Горбачева нас ждет эффективная работа. Михаила Сергеевича хорошо знают в социалистических странах, а это значит, что нас ждет напряженная, слаженная работа всего социалистического содружества. Оставайтесь, дорогой Михаил Сергеевич, таким, какой Вы есть, и все пойдет хорошо.

ГОРБАЧЕВ. Прежде всего я хочу сказать, что самое главное и самое важное состоит в том, что наше сегодняшнее заседание Политбюро проходит в духе единства. Мы переживаем очень сложное переломное время. Нашей экономике нужен больший динамизм. Этот динамизм нужен нашей демократии, развитию нашей внешней политики.

Очень хорошо понимаю, что в конце концов Политбюро ЦК КПСС всегда нашло бы

нужное решение, всегда подобрало бы необходимую кандидатуру. Но поскольку сегодня речь идет обо мне, то я воспринимаю все ваши слова с чувством огромного волнения и переживания. С этим чувством слушаю я вас, дорогие друзья.

Предельно ясно понимаю я и то, что речь идет о чрезвычайно тяжелой работе. Вести ее без поддержки, без атмосферы взаимопонимания в Политбюро практически невозможно. Вот почему я еще и еще раз делаю для себя вывод о том, что коллективность и единство — это бесценное качество нашей партии, нашего Центрального Комитета, его Политбюро.

Девять лет моей работы в Ставропольском крае и семь лет работы здесь со всей очевидностью показали мне, что в нашей партии заключен огромный творческий потенциал. Она имеет этот потенциал прежде всего потому, что коммунистов активно поддерживает народ. Об этом убедительно говорят последние выборы в Верховные и местные Советы. Эти выборы олицетворяют великое доверие народа к нашей партии и в то же время показывают, сколь велика ответственность, которая ложится на наши плечи.

Вижу свою задачу прежде всего в том, чтобы вместе с вами искать новые решения, пути дальнейшего движения нашей страны вперед, пути повышения экономического и оборонного могущества Родины, улучшения жизни нашего народа.

Я глубоко привержен идее коллективной работы и думаю, что в ней заключен потенциал, который нами еще далеко не полностью используется. Наш коллективистский потенциал должен работать еще активнее, давать еще большую отдачу.

Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее.

Заверяю вас, что я сделаю все, чтобы оправдать великое доверие партии, ваше доверие, товарищи, сделаю все, чтобы наладить нашу дружную работу. И очень надеюсь на нашу взаимную поддержку, на наше единство.

Здесь высказались все присутствующие члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК. Поэтому, насколько я понимаю, мнение ваше единодушное, и мы можем выйти на Пленум ЦК КПСС, который откроется через 30 минут с единой рекомендацией.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно.

ГОРБАЧЕВ. Видимо, будет целесообразно, учитывая, что А. А. Громыко выступил сегодня первым, поручить ему внести одобренное Политбюро предложение на рассмотрение Пленума ЦК КПСС.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно, можно это поручить А. А. Громыко.

Постановление принимается.

2. О ВНЕОЧЕРЕДНОМ ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС.

ГОРБАЧЕВ. Есть предложение созвать внеочередной Пленум ЦК КПСС 11 марта 1985 года. На рассмотрение Пленума внести один вопрос — об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Я думаю, мы сделаем таким образом: рассмотрим все подготовленные организационные вопросы до начала Пленума, а в 17 часов начнем Пленум в зале заседаний Пленумов ЦК. К этому времени, я думаю, что все участники Пленума смогут прибыть в Москву.

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Правильно.

Постановление принимается.

3. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР К. У. ЧЕРНЕНКО.

ГОРБАЧЕВ. У нас имеются на руках подготовленные товарищами предложения. Будут ли какие-либо замечания по тексту извещения о кончине К. У. Черненко?

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Нет замечаний.

ГОРБАЧЕВ. Вносится предложение передать по телевидению и радио 11 марта в 14 часов и опубликовать в печати 12 марта. Возражений нет?

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Согласны...

ЦХСД. Ф. 89. Коллекция рассекреченных документов. Ксерокопия.

1. В состав Политбюро ЦК КПСС на 11 марта 1985 года входило 10 членов и 6 кандидатов. Кроме М. С. Горбачева членами Политбюро были: Г. А. Алиев — первый заместитель Председателя Совмина СССР; В. И. Воронников — Председатель Совмина РСФСР; В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома КПСС; А. А. Громько — первый заместитель Председателя Совмина СССР, министр иностранных дел СССР; Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана; Г. В. Романов — секретарь ЦК КПСС; М. С. Соломенцев — председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС; Н. А. Тихонов — Председатель Совмина СССР; В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины (на заседании Политбюро не присутствовал, находясь в дороге из США на родину).

Кандидаты в члены Политбюро: П. Н. Демичев — министр культуры СССР; В. И. Долгих — секретарь ЦК КПСС; В. В. Кузнецов — первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР; Б. Н. Пономарев — секретарь ЦК КПСС; В. М. Чебриков — председатель КГБ СССР; Э. А. Шеварднадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии. Принимавшие участие в работе Политбюро М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, Е. К. Лыгачев, К. В. Русаков и Н. И. Рыжков были секретарями ЦК КПСС.

К. У. Черненко — единственный из генсе-

ков, при котором состав Политбюро и Секретариата ЦК не менялся, если не считать умершего в декабре 1984 года министра обороны СССР Д. Ф. Устинова.

2. Е. И. Чазов — начальник Четвертого Главного управления при Министерстве здравоохранения СССР, занимавшийся лечением высшей партийно-государственной номенклатуры; лечащий врач Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, академик АН СССР; член ЦК КПСС.

3. М. С. Горбачев был переведен на работу в Москву и избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК 27 ноября 1978 года, с октября 1980 года он — член Политбюро ЦК КПСС.

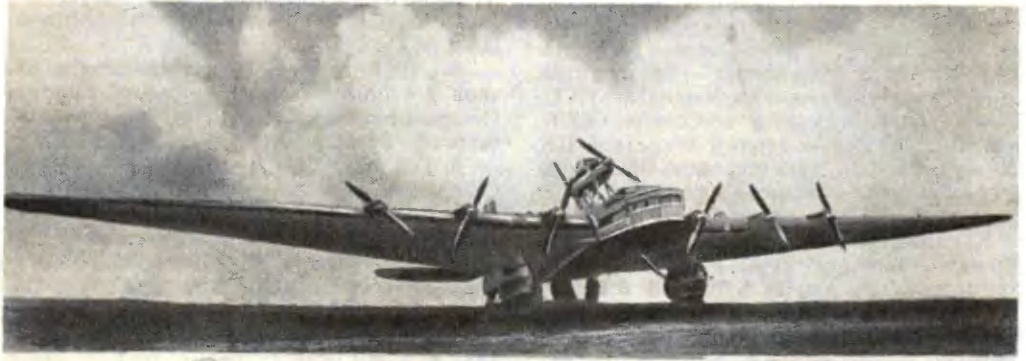
4. С 1955 года М. С. Горбачев на комсомольской, а с 1962 года — на партийной работе в Ставропольском крае; с 1970 года — первый секретарь крайкома КПСС.

5. Год окончания юрфака МГУ — 1955-й. Ставропольского сельхозинститута — 1967-й.

6. Имеется в виду доклад М. С. Горбачева на Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС», с которым он выступил 10 декабря 1984 года. Среди тех, кто помогал готовить доклад, были В. А. Медведев (заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС), А. Н. Яковлев (директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР) и другие будущие соратники генсека по «перестройке».

Публикацию подготовил А. ЧЕРНЕВ.

ЗАВТРА Я ПРОТАРАНЮ САМОЛЕТ

18 мая 1935 года в небе над Москвой произошла грандиозная катастрофа: самый большой в мире самолет «Максим Горький» столкнулся с другим самолетом, ведомым летчиком Благиным, и обе машины рухнули на землю

Это была трагическая случайность, стоившая жизни десяткам людей, — утверждали официальные версии.

«Завтра я поведу свою крылатую машину и протараню самолет, который носит имя негодяя Максима Горького! Таким способом я убью десяток коммунистов»
(Из предсмертного завещания летчика Благина)

Завещание Николая Благина

Один из читателей «Сервис-Мондьяль», русский эмигрант в Париже, написал нам 25 сентября: «Как сообщает «Возрождение» (хорошо известная газета русских эмигрантов, выходящая в Париже) в своем номере за 12 сентября, варшавская газета «Меч» опубликовала обращение русского летчика Николая Благина, которое тот написал накануне своей смерти. 18 мая Благин, пилотирующий легкий самолет, добровольно таранил «Максима Горького», советский самолет-гигант, вызвав тем самым катастрофу, в которой погибли он сам и все летевшие на «Максиме Горьком».

За несколько дней до происшествия по всей Москве упорно распространялись слухи, что Сталин намеревается занять место в «Максиме Горьком» в компании Молотова, Кагановича, Орджоникидзе и других высокопоставленных лиц Советов.

Редактор варшавской газеты «Меч» гарантирует подлинность этого обращения, которое было широко распространено в красной столице Москве.

Николай Благин написал: «Братья и сестры, вы живете в стране, зараженной коммунистической чумой, где господствует красный кровавый империализм. Именем ВКП (всероссийская коммунистическая партия) прикрываются бандиты, убийцы, бродяги, идиоты, сумасшедшие, кретины и дегенераты. И вы должны нести этот тяжелый крест. Никто из вас не должен забывать, что эта ВКП означает второе рабство.

Хорошо запомните имена этих узурпаторов, этих людей, которые взяли на себя труд восхвалять сами себя и которые называют себя мудрыми и любимыми народом. Никто из вас не должен забывать голод, который свирепствовал с 1921 по 1933 годы, во время которого ели не только собак и кошек, но даже человеческое мясо.

А в это время коммунисты организовали торгсины (благотворительная торговля) для иностранцев, чтобы пустить им пыль в глаза, говоря: «Смотрите, как мы хорошо живем!»

В этих торгсинах можно было купить золото и импортные товары, но все это было не для вас, братья и сестры. В то время, как вы умирали от голода, бандиты-коммунисты экспортировали за границу нашу лучшую продукцию по самым низким ценам для того, чтобы показать, что в стране Советов все идет хорошо.

Братья и сестры! Не забывайте, что означает «все идет хорошо» в действительности. В то время, как у нас отбирали последние средства в виде принудительных займов и т. д., бандиты-коммунисты организовывали крупные попойки, танцевальные вечера и дикие оргии с проститутками и разбазаривали народные миллионы.

Никогда не забывайте этого, братья и сестры! Не забывайте также и то, почему был убит бандит Киров! Вам прекрасно знакомы гримасы грабителей-узурпаторов Сталина, Кагановича, Дмитрова и других коммунистов. Не забывайте о том, кто в случае войны должен быть убит в первую очередь!

Надо будет воевать, чтобы освободиться от цепей рабства, от тяжелой кабалы, от кровавого большевизма и сумасшедших коммунистов.

Никогда и нигде в мире не будет покоя до тех пор, пока коммунизм, эта бацилла в теле человечества, не будет уничтожена до последнего большевистского убийцы.

И когда эти бандиты уверяют мир в том, что не хотят войны, это наглая ложь. Коммунисты используют каждую предоставленную им возможность, чтобы посеять повсюду волнения, разруху, голод и нищету! И если они не хотят войны, то только потому, что очень хорошо знают, что это будет их последняя битва и что коммунизм исчезнет с лица земли, как заразная бацилла.

Братья и сестры! Помните это и мстите за себя до последней капли крови тем, кто выступает за Советский Союз, управляемый бандитами — коммунистами!

Власть находится в руках коммунистов-евреев, которые распространили свое господство также и на музыку, литературу, искусство и т. д.

Необходимо бороться с коммунистической заразой, используя ее собственные методы, т. е. прокламации!

Братья и сестры, завтра я поведу свою крылатую машину и протараню самолет, который носит имя негодяя Максима Горького!

Таким способом я убью десятков коммунистов-бездельников, «ударников» (коммунистические гвардейцы), как они любят себя называть, и которые на самом деле являются паразитами на теле народа.

Этот аэроплан, построенный на деньги, которые вас вынудили отдать, упадет на вас! Но поймите, братья и сестры, всякому терпению приходит конец!

Перед лицом смерти я заявляю, что все коммунисты и их прихвостни — вне закона! Я скоро умру, но вы вечно помните о мстителе Николае Благине, погибшем за русский народ!

Москва, 17 мая 1935 г.

Николай Благин, летчик».

Публикация Л. КУДРЯВЦЕВОЙ
ЦХИДК. Ф.7. Оп. 1. Д. 906. Л. 596-597.

КОММЕНТАРИЙ

Прокомментировать новую версию редакция попросила специалиста по истории авиации, много занимавшегося изучением обстоятельств гибели «Максима Горького», директора научно-мемориального музея Н. Е. Жуковского Владимира Бычкова.

17 мая 1935 года на флагмане агитэскадрильи им. М. Горького, новом самолете А. Н. Туполева АНТ-20 «Максим Горький» летал (пассажиром) французский летчик, будущий писатель Антуан де Сент-Экзюпери. Он был в восторге от гиганта. Еще бы: размах крыльев — 63 метра, вес — 42 тонны. В то время это был самый большой самолет в мире. На другой день, в воскресенье, планировались «прогулочные полеты» с работ-

никами ЦАГИ, участвовавшими в создании самолета, и членами их семей. Однако первый же прогулочный полет закончился катастрофой.

Существовали две версии, объясняющие причины трагедии. Первая: Благин — летчик-хулиган, завидовавший славе В. П. Чкалова, хотел мол, показать, что и он «не лыком шит», и якобы нарушил прямой приказ одного из руководителей полетов (знавшего эту его «слабость») не выкидывать никаких «фокусов». Вторая: наоборот, Благин как раз получил накануне полета указание для большего эффекта «крутануть» «мертвую петлю» вокруг крыла гиганта, чем был весьма удручен, ибо понимал опасность такого трюка.

И вот теперь появляется новая версия — по-

Руководители Москвы
во главе с Н. Хрущевым
несут урны с прахом погибших.

литическая. Во вступлении к публикуемому «Завещанию» говорится, что оно было «широко распространено в красной столице Москве». Ни от одного из ветеранов авиации я этой версии не слышал. Да что я! Вдова и дочь Николая Павловича, ознакомившись с текстом «Завещания», в один голос заявили: «Невозможно!»

Хотя предпосылки для такого поступка у Николая Павловича, казалось бы, были: из дворянской семьи, отец — полковник царской армии, кто-то из родственников был репрессирован.

Сам Николай Павлович начал учебу в кадетском корпусе, но после революции должен был перейти в реальное училище. В октябре 1918 года добровольцем вступает в Красную Армию, так как страстно хотел летать. А где же в то время еще можно было летать? Правда, в том же 1918-м вступает в ряды РКП(б), но партстаж его оказался невелик: в 1922 году не проходит чистку. Видимо, дворянское происхождение все же дало себя знать.

Летом 1920 года Николай Благин оканчивает теоретические курсы авиации при Дивизионе воздушных кораблей «Илья Муромец», затем последовательно Московскую школу авиации и Высшую школу военлетов по классу истребителей, став, таким образом, специалистом широкого профиля: мог летать и на бомбовозах, и на легких самолетах.

Дальше — обычная служба военного: переводы, назначения. Правда, личные пристрастия

все же приводят в желанную «гавань»: сначала (в 1930 г.) он становится инструктором I разряда в Научно-испытательном институте ВВС РККА, а в январе 1932 г., перейдя в ЦАГИ, — одним из ведущих летчиков-испытателей новых туполевских самолетов. (В то время ОКБ А. Н. Туполева структурно входило в состав нашего центра авиационной науки.)

Приход Н. П. Благина в ЦАГИ нельзя считать случайным. С детских лет он был склонен к изобретательству. В архиве хранится «Описание аппарата для записывания речи, на который реалист 7-го класса реального уч. Шеповальникова Николай Павлович Благин, проживающий в Петрограде, испрашивает привилегию». В ЦАГИ Благин проводит ряд испытаний авиационной техники и вооружения, в том числе тяжелого бомбардировщика ТБ-1 со стартовыми порохowymi ускорителями. Не оставляет он и творчества: из 9 поданных им заявок на изобретение 5 получили авторские свидетельства.

И вот наступил роковой день, когда на своем И-15 Благин врезался в крыло «Максима Горького».

Конечно, Николай Павлович не обманывался насчет политической обстановки в стране. И в то время осторожно вел «не те» разговоры в семье и с друзьями. Родственники рассказывают, что он даже знал, кто среди знакомых приставлен к нему в качестве соглядата от ведомства на Лубянке: хороший, компанейский мужик. Потом генералом стал.

И все же не мог Николай Павлович сознательно пойти на такое деяние: ни по характеру, ни по убеждениям.

В «Завещании» он пишет: «Таким способом я убью десяток коммунистов-бездельников, «ударников» (коммунистические гвардейцы), как они любят себя называть, и которые на самом деле являются паразитами на теле страны!»

Во-первых, не десяток, а 47 человек погибли в той катастрофе. И Благин накануне, конечно же, знал, кто полетит на «Максиме Горьком»: его коллеги — летчики и члены экипажа (11 человек), сотрудники ЦАГИ, вместе с которыми он создавал туполевские машины, жены и дети (из них шестеро от 8 до 15 лет). Неужели именно их он выбрал в качестве жертвы для своей политической акции?

Уж если фантазировать, то можно было бы придумать и такой вариант: летчику, очевидно, не составило бы труда добиться включения его в состав участников воздушного парада над Красной площадью, которые в те годы регулярно проводились. Вот там бы и...

Официальная версия, опубликованная в то время в газетах, возлагала всю вину на Благина. Но вот что странно: урна с прахом Николая Павловича сначала была выставлена вместе с другими в Колонном зале, и сам И. Сталин стоял у этих урн в почетном карауле, а потом они были замурованы в стену Новодевичьего кладбища. Урна Благина была помещена в одном ряду с другими. Как же так — убица рядом со своими жертвами?

И, наконец, главное. Если бы это «Завещание» было на самом деле, то уж чекисты разоблачили бы «врага народа» по всем правилам. Как поступали с семьями «врагов народа» —

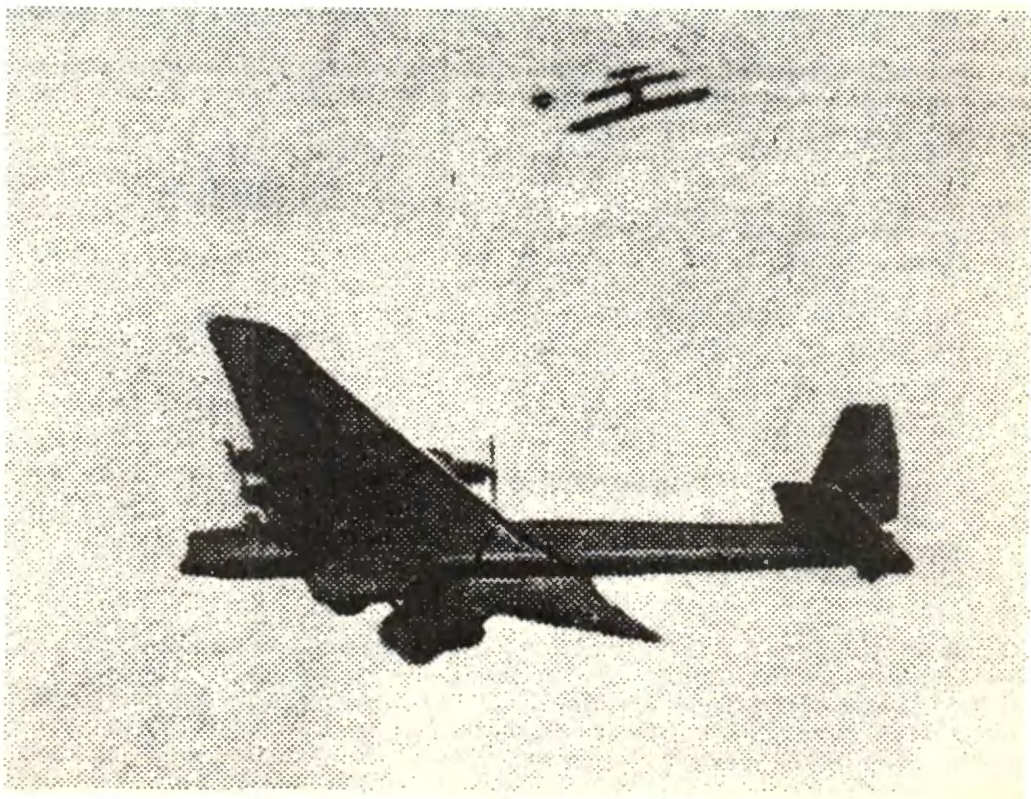
известно. А тут вдове и дочери были назначены персональные пенсии, дочери дали учиться в вузе...

Так что, очевидно, «Завещание» — это идеологическая фальсификация, сочиненная за границей. И смотрите, как все сложно: русский эмигрант в Париже написал в газету «Сервис-Мондьяль», что в русской эмигрантской газете «Возрождение», выходящей тоже в Париже, помещено сообщение, что в варшавской газете «Меч» опубликовано обращение... Редактор варшавской газеты гарантирует подлинность этого обращения... Ну разве можно всему этому верить? Тут и концов не найдешь!

Тем не менее неразрешенные вопросы обстоятельства этой трагедии остаются. (Возможно, ответы на них еще найдутся в рассекречиваемых архивах КГБ и КПСС.) Пока же косвенные данные склоняют к версии, что Благин получил-таки задание на «мертвую петлю». Ничего

невероятного в таком, по сути, преступном приказе нет. Один из старейших наших летчиков М. А. Нюхтиков, например, рассказывал, что в начале 50-х годов ему было дано задание: на реактивном ТУ-16 пролететь над Красной площадью, снизившись после Исторического музея до уровня трибун на Мавзолее, а перед Василием Блаженным — резко уйти вверх. Михаил Александрович понимал, что это невозможно, но и отказаться было нельзя. Он пролетел над Красной площадью, лишь немного снизившись над ней. Но и этого хватило, чтобы ревом двигателей произвести необходимый эффект. И уж никто потом не потребовал от него ответа за невыполненное задание.

Так что вполне допустимо, что летчик Благин, исполняя чиновничью прихоть, стал невольной причиной катастрофы.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ЦК

Подайте на билетки !

Секретно

Руководство Ливанской компартии обратилось в ЦК КПСС с просьбой оплатить проезд ее представителей в Дели для участия в работе X съезда Компартии Индии, открывающегося 27 января с. г. (выезд намечен на 24 января), а также одного представителя в Марокко для участия в работе съезда Партии прогресса и социализма Марокко, открывающегося 7 февраля с. г. (ш/т-ма КГБ из Бейрута, спец. № 171 от 21 января 1975 года).

Считали бы возможным удовлетворить просьбу ливанских друзей и оплатить проезд их представителей туристским классом по маршруту Бейрут — Дели — Бейрут и Бейрут — Рабат — Бейрут, отнеся расходы за счет сметы по приему зарубежных партийных работников.

Просим согласия.

Зам. зав. Международным отделом
ЦК КПСС

(Р. Ульяновский)

«23» января 1975 года
№ 25-С-187

Секретно

Руководство компартий Уругвая, Аргентины, Греции и Африканской партии независимости Сенегала обратилось с просьбой оплатить проезд их представителей (всего 4 чел.), направляемых на X съезд Компартии Индии.

Съезд Компартии Индии начинает свою работу 27 января 1975 г.

Считали бы возможным удовлетворить просьбу руководства указанных выше партий. Расходы по оплате проезда представителей этих партий можно было бы отнести за счет сметы по приему зарубежных партработников.

Просим согласия.

Зам. зав. Международным отделом
ЦК КПСС

(Р. Ульяновский)

«20» января 1975 года
№ 25-С-152

Перестройка и анонимки

Особая папка

Комитет государственной безопасности
21.03.88 №458-4

В 1987 году проводимые в стране мероприятия по перестройке экономики, расширению демократизации и гласности привели к снижению по сравнению с предыдущим годом на 29,5% количества распространенных анонимных материалов антисоветского, националистического и политически вредного содержания. Однако число лиц, участвовавших в их изготовлении и распространении (1663), увеличилось на 9,4%, что вызвано некоторым ростом

групповых негативных проявлений среди молодежи в Казахской и Латвийской ССР.

Уменьшилось на 77% количество проявлений и распространенных материалов, содержащих негативную оценку интернациональной помощи СССР Афганистану и на 24% — профашистские лозунги и символику.

В течение года фиксировались факты распространения анонимных материалов, содержащих террористические высказывания в отношении руководителей КПСС и Советского государства (44 проявления), угрозы физической расправы над представителями местного партийного, советского актива, должностными лицами (108), националистические, в основном антирусские, измышления (309), несогласие с проводимыми в стране мероприятиями по перестройке в советском обществе (46).

Значительное количество анонимных проявлений имело место на Украине, в Казахстане, Латвии, Литве, в Москве и Ленинграде.

В 1987 году установлено 1312 авторов листовок, писем и надписей, в том числе 33 человека, допустивших высказывания террористического характера в отношении руководителей партии и государства, и 67 — угрозы физической расправы над представителями местного партийного и советского актива, должностными лицами.

Из общего числа разысканных авторов 37,2% составляют студенты и учащиеся школ и профтехучилищ, 18,6% — рабочие, 16,8% — служащие, 9,5% — пенсионеры, 17,9% — прочие категории граждан, в том числе отбывающие наказание в исправительно-трудовых учреждениях.

Среди установленных авторов 59 членов и кандидатов в члены КПСС и 361 член ВЛКСМ.

Причинами изготовления и распространения анонимных материалов являются: националистические настроения (248 человек); недовольство мерами, направленными на укрепление дисциплины и борьбу с пьянством и алкоголизмом (187); недостатки в снабжении населения продуктами питания, а также высокие цены на отдельные виды промышленных товаров (43); жилищные и материально-бытовые затруднения (41); хулиганские побуждения (238); корыстные цели (86); психические заболевания (170); неправомерные действия некоторых местных руководителей, выразившиеся в грубом обращении с подчиненными, формальном отношении к заявлениям граждан, в нарушении моральных норм поведения и т. п. (23).

Причины изготовления анонимных материалов остальными 276 авторами в настоящее время выясняются.

После соответствующей проверки к большей части разысканных авторов (55,6%) приняты меры профилактического характера, 66 человек привлечено к уголовной ответственности по общеуголовным статьям УК РСФСР и других союзных республик.

Комитетом госбезопасности проводятся мероприятия, направленные на предупреждение и своевременное пресечение негативных проявлений, связанных с распространением анонимных материалов враждебного содержания, а также на повышение эффективности работы по розыску их авторов и распространителей.

Сообщается в порядке информации.

Председатель Комитета

(В. Чебриков)

Спецмероприятия резидента

Особая папка

«28» августа 1969 г.
№ 2169-А

ЦК КПСС

Поджог израильянами мусульманской мечети Аль-Акса в Иерусалиме вызвал острую реакцию индийской общественности. 26 августа с. г. этот вопрос обсуждался в парламенте Индии и министр иностранных дел ДИНЕШ СИНГХ выступил с заявлением, в котором отметил, что «правительство и народ Индии глубоко потрясены этим событием».

Резидентура КГБ в Индии располагает возможностями организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии, в которой примет участие до 20 тысяч мусульман. Расходы на проведение демонстрации составят 5 тысяч индийских рупий и будут покрыты за счет средств, выделенных ЦК КПСС на проведение спецмероприятий в Индии в 1969-1971 годах.

Просим рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
АНДРОПОВ

Сохраните квартиру в Москве

ЦК КПСС

19 июня 1991 года после четырехлетнего пребывания в Советском Союзе из Москвы в Афганистан для постоянного проживания в качестве частного лица выехал Бабрак Кармаль с супругой. Он находился в СССР в качестве нашего гостя. Возвращение Б. Кармалья на родину стало возможным после того, как Наджибулла дал на это свое согласие.

Б. Кармаль просил передать глубокую благодарность руководству ЦК КПСС за оказанную помощь и внимание к нему лично и членам его семьи. Он заверил также, что был и остается искренним другом Советского Союза.

Б. Кармаль обратился с просьбой до обустройства в г. Кабуле сохранить за ним и членами его семьи (семья сына, семьи дочерей и холостой сын), остающимися пока в г. Москве, квартиры, медицинское обслуживание и выплату пособия, предусмотренные ранее принятыми постановлениями ЦК КПСС.

Сообщается в порядке информации.

Зам. зав. Международным отделом
ЦК КПСС

(Ю. Зуев)

«21» июня 1991 года
№ 06-С-597

На мундире или на пиджаке?

Особая папка

ЦК КПСС

О награждении тов. Брежнева Л. И. орденом «Победа»

Министерство обороны СССР вносит предложение, принятое на заседании Коллегии единогласно, о награждении Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Оборона СССР, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР Маршала Советского Союза товарища Леонида Ильича БРЕЖНЕВА орденом «Победа» за большой вклад в победу советского народа и его вооруженных сил в Великой Отечественной войне, успешное руководство войсками в ряде важнейших операций по разгрому немецко-фашистских захватчиков, выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, за разработку и последовательное осуществление принятой XXIV съездом КПСС Программы Мира, надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Д. УСТИНОВ
Н. ОГАРКОВ
В. КУЛИКОВ
А. ЕПИШЕВ
С. СОКОЛОВ
В. ТОЛУБКО
И. ПАВЛОВСКИЙ
П. БАТИЦКИЙ

П. КУТАХОВ
С. ГОРШКОВ
К. МОСКАЛЕНКО
С. КУРКОТКИН
Н. АЛЕКСЕЕВ
А. ГЕЛОВАНИ
А. АЛТУНИН
И. ШКАДОВ

«20» января 1978 г.
Исх. 201/8

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС*

О награждении тов. БРЕЖНЕВА Л. И. орденом «Победа»

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Оборона СССР Маршала Советского Союза БРЕЖНЕВА Л. И. орденом «Победа»

За большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне*, выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, за разработку и последовательное осуществление внешней политики мира Советского государства**, надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях, наградить Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Оборона СССР Маршала Советского Союза БРЕЖНЕВА Леонида Ильича орденом «Победа».

Первый заместитель Председателя
Президиума Верховного Совета СССР В. Кузнецов

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР М. Георгадзе

Москва, Кремль

* На проекте постановления имеется голосование: за — М. Суслов, за — Кулаков, за — А. Кириленко, за — А. Косыгин, за — Гришин, за — А. Пельше, за — К. Мазуров, за — Андропов 26/1-78, за — А. Громыко. Оформить. К. Черненко. 17. II. 76 г. (так в тексте).

** Зачеркнуты слова «успешное руководство войсками в ряде важнейших операций по разгрому немецко-фашистских захватчиков».

*** Зачеркнуты слова «принятой 24 съездом КПСС Программы мира».

ВЫПИСКА ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
16 февраля 1978 года

Сов. секретно
Экз. единственный

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.

Присутствовали т. т. Андропов Ю. В., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Кулаков Ф. Д., Мазуров К. Т., Пельше А. Я., Суслов М. А., Устинов Д. Ф., Демичев П. Н., Кузнецов В. В., Пonomарев Б. Н., Черненко К. У., Долгих В. И., Зимянин М. В., Рябов Я. П., Русаков К. В.

БРЕЖНЕВ. Я хотел бы посоветоваться по некоторым вопросам: о вручении ордена «Победа». Все вы проголосовали решение о награждении меня орденом «Победа». Я благодарю товарищей за эту высокую награду. Поскольку решение такое есть, и товарищи предлагают вручить его мне 22 февраля.

ВСЕ. Правильно. 22 февраля будет заседание.

БРЕЖНЕВ. Видимо, для вручения ордена «Победа», может быть, целесообразно было бы одеть военную форму.

ВСЕ. Правильно, это было бы целесообразно.

БРЕЖНЕВ. Но вместе с тем, насколько мне известно, по статуту орден «Победа» носят также и на гражданской одежде.

СУСЛОВ. В статуте нигде не сказано, что он носится на военной форме.

ЧЕРНЕНКО. Этот орден можно также носить и в гражданской одежде.

Москва, Кремль
Л. И. БРЕЖНЕВУ

Дорогой Леонид Ильич!

Примите от рядового труженика идущие от всей души поздравления с награждением Вас орденом «Победа» — высокой и заслуженной наградой.

В связи с этим свои чувства хочу выразить в стихах.

ВЫ ВСЕГДА С НАМИ

Мы все коммунисты. Брежнев — наш герой! Партия! Все до единого Мы идем за тобой.	Ему помогает Везде и всегда Партия наша Героев труда.
Мы горы ломаем, Строим мосты. Лучших плацдармов, Чем БАМ, не найти.	Наши друзья Помнят о том, Чем крепче Союз, Тем богаче живем.
Дороги мы ложим Отчизне своей, Чтоб мир уберечь От недобрых людей.	Спасибо, Леонид Ильич, За счастье и труд. Вы прокладываете К коммунизму путь.
Чтоб не было в мире Больше войны, А домны горели На благо страны!	Поднимется ввысь Знамя Октября, И Брежнев Леонид Ильич Надежно стоит у руля.
Идем мы как прежде По зову вождя. Уверенно Л. И. Брежнев Стоит у руля.	<i>ТРУХАН Виталий Андреевич, ст. диспетчер г. Ростов-на-Дону з-д «Электроаппарат» 17 марта 1978 г.</i>

Бюджетные сухари

Секретно

ЦК КПСС

По сложившейся многолетней практике для Секретарей ЦК КПСС через первое отделение шестого отдела 9 Управления КГБ производился отпуск продуктов питания. Кроме того, сектором общественного питания хозяйственного отдела Управления делами производится отпуск буфетной продукции (чай, кофе, сушки и т. п.) для заведующих отделами и их заместителей, а секретариатам Секретарей ЦК КПСС отпускаются также некоторые продукты и бутерброды.

Расходы на эти цели возмещаются Управлением делами ЦК КПСС за счет средств партийного бюджета.

С учетом требования о сокращении затрат из бюджета КПСС считали бы целесообразным отпуск продуктов питания для Секретарей ЦК КПСС и работников секретариатов Секретарей ЦК КПСС производить за наличный расчет.

Расходы за счет средств партийного бюджета можно было бы сохранить на отпуск буфетной продукции (чай, кофе, молоко, печенье, сушки и сухари) в приемные и кабинеты Секретарей ЦК КПСС, их помощников и референтов, заведующим отделами ЦК КПСС, их заместителям, а также при приемах отделами ЦК КПСС зарубежных делегаций и гостей.

Обслуживание президиумов собраний и совещаний, проводимых по решениям Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, производить в каждом случае по отдельному меню с отнесением расходов за счет средств партийного бюджета.

Просим согласия.
Управляющий делами
ЦК КПСС

(Н. Кручина)

«13» августа 1990 г.
09-396

Предвзятое отношение к нашим

Секретно
Экз. № 1

ЦК КПСС

На чемпионате Европы по фигурному катанию на коньках 1972 года в Гетеборге (Швеция) судья из Польской Народной Республики М. Зухович предложила Н. Нестегиной (СССР) вывести польскую пару Г. Османска — А. Бродецкий на 6-е место, а польский

судья, в свою очередь, даст 4-е место советской паре И. Черняевой — В. Благову. Следует заметить, что, в принципе, такого рода договоренности широко практикуются между судьями. Однако после исполнения произвольной программы Зухович (ПНР) поставила нашу пару, которая выступала раньше польской, на 7 место. Это самая низкая оценка, которая была дана советской паре. Естественно, в этом случае советский судья Н. Нестегина не могла менее техничную польскую пару поставить на 6 место.

За выступление польской пары советский судья поставила 5,3 за техничность и 5,3 за артистизм, что подтверждено официальными протоколами соревнований, а не 5,0 как ошибочно было указано на световом табло. Такие же оценки им поставили судьи из Англии и Франции, а трое судей из Австрии, Чехословакии и ФРГ оценили их выступление более низкими оценками.

К сожалению следует заметить, что на прошедшем чемпионате имелись и другие случаи, когда судьи из ПНР и ГДР выносили явно заниженные оценки советским фигуристам по сравнению даже с оценками, даваемыми судьями из капиталистических стран.

Это в основном определило совершенно незаслуженное и необъективное выведение танцевальной пары из ФРГ (Буки) на первое место, в то время как двукратные чемпионы мира и более сильные по общему признанию советские спортсмены Л. Пахомова и А. Горшков оказались на втором месте.

Судьи С. Листинг и Х. фон Вики (ГДР), Э. Георги и П. Вашерхел (ВНР), М. Зухович (ПНР) демонстрировали необъективное судейство, предвзятое отношение к нашим фигуристам, что не позволило занять 4 место Ковалеву (одиночное катание), а Войтюк и Жигалину 4 место в спортивных танцах.

Направляем в порядке информации.

Председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР

(С.Павлов)

«21» января 1972 г.

№ 145 с

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 64. Д. 90. Л. 17-18.

Справка на № 01922

В Отделе пропаганды ЦК КПСС с материалом Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР ознакомились.

Зам. зав. Отделом пропаганды

ЦК КПСС

(Г. Смирнов)

«31» января 1972 года.

№ 300-А/7

Питание — лечебное

ЦК КПСС

*от директора Института США и Канады АН СССР,
члена ЦК КПСС Г. А. Арбатова*

Прошу рассмотреть следующую мою личную просьбу. До перехода в АН СССР я работал заведующим группы консультантов Отдела ЦК КПСС и пользовался столовой лечебного питания. Когда меня назначили директором Института, я не поставил вопрос о сохранении за мной права пользования этой столовой и в соответствующем решении ЦК КПСС этого предусмотрено не было.

Я бы просил рассмотреть возможность прикрепления меня к столовой лечебного питания с учетом также и того, что сейчас есть уже прецеденты, когда за товарищами, назначаемыми на должность директоров Институты АН СССР, если они раньше такое прикрепление имели, оно сохраняется.

14.02.1985

Г. А. Арбатов

КОМИССИЯ

по установлению

ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПЕНСИЙ

при Совете Министров СССР

«28» февраля 1985 г.

№ 83 к-1

ЦК КПСС

На Ваш № 05412 сообщаем, что решением Комиссии от 25 февраля 1985 г. т. Арбатову

Г. А. предоставлено право пользования столовой лечебного питания.

Ответственный секретарь и член Комиссии

(Т. Николаева)

«СОЮЗ НЕМЕЦКИХ ОФИЦЕРОВ»

Немецкие военнопленные на советско-германском фронте 1943-1945

Война в нашем представлении обычно связывается с боевыми операциями. Но испокон веку в арсенале противоборствующих сторон существовало и такое мощное оружие, как разложение армии и тыла противника. Особенно активно применялось оно в годы второй мировой войны, когда в наличии были мощный пропагандистский аппарат и квалифицированные спецслужбы.

В первые дни войны успех сопутствовал вермахту: к 1 октября 1941 года в немецком плену находились 1800 тысяч советских бойцов и командиров. В лагерях для военнопленных стали появляться агентурно-политические организации — «Политический центр борьбы с большевизмом», «Боевой союз русских националистов» и др. Они поставляли людей в разведывательно-диверсионные школы, школы пропагандистов, в «казачьи», «русские», «украинские», «кавказские», «туркестанские» карательные и охранные батальоны. Потом из этих батальонов сформировали 162-ю «туркестанскую», 29-ю и 30-ю «русские» дивизии СС (из двух последних в феврале 1945 года возникли 600-я и 650-я «русские» пехотные дивизии, больше известные у нас как 1-я и 2-я дивизии РОА).

Соответствующая работа проводилась и с военнопленными гитлеровской коалиции. Их число постоянно росло — только под Сталинградом в плен взяли более 900 тысяч солдат и офицеров.

В составе Исполкома Коминтерна, а после его роспуска — в Управлении делами ЦК ВКП(б) функционировал «Научно-исследовательский институт № 99» (так зашифровали Комиссию по работе с военнопленными). В нем действовали антифашистские школы для военнопленных, редакции газет, выпускаемых на немецком, итальянском, венгерском, румынском и финском языках. В штате института числились немецкие политэмигранты Эрих Вайнерт, Вальтер Ульбрихт, другие зарубежные коммунисты. К «Институту № 99» были прикомандированы представители ГлавПУРа, НКВД, иных заинтересованных организаций.

12-13 июля 1943 года в Красногорском лагере № 27 состоялась конференция пленных солдат и офицеров германской армии. 208 человек — политэмигранты, слушатели антифашистской школы, антифашистский актив лагеря № 27 — объявили о создании движения «Свободная Германия». В состав Национального Комитета «Свободная Германия» (НКСГ) — так назвали руководящий орган движения — вошло 38 человек: тринадцать политэмигрантов, тринадцать солдат и двенадцать офицеров чином не выше майора. Теперь в штатном расписании института Э. Вайнерт стал именоваться президентом НКСГ, начальник института М. В. Козлов — управделами Комитета. Такой состав НКСГ (отсутствие в нем влиятельных генералов и старших офицеров) у большинства военнопленных и у мировой прессы вызвал сомнение в авторитетности и значимости организации.

Видимо, такие же соображения двигали и германским руководством, решившим заменить все ранее созданные агентурно-политические организации «Русским комитетом», во главе которого был поставлен бывший командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов. Правда, это произошло чуть раньше — в начале 1943 года.

...С НИМИ НУЖНО БУДЕТ ПОРАБОТАТЬ, НО ОСНОВНОЕ УЖЕ СДЕЛАНО

К августу 1943 года среди пленных немецких офицеров все чаще и чаще стали упоминаться фамилии трех генералов — фон-Зайдлица, Латтманна и Корфеса.

*Народному комиссару внутренних дел союза ССР
Генеральному комиссару государственной безопасности
товарищу Л. П. Берия*

Рапорт

Докладываю о том, что сегодня три немецких военнопленных генерала — фон-ЗАЙДЛИЦ ВАЛЬТЕР (генерал артиллерии, командир 51 армейского корпуса 6 армии), ЛАТТМАНН МАРТИН (генерал-майор, командир 389 пехотной дивизии) и КОРФЕС ОТТО (генерал-майор, командир 295 пехотной дивизии) — дали принципиальное согласие вступить в организацию «Офицерского союза».

Заявляя о своем желании подписать документ, излагающий политическую платформу «Офицерского союза», генерал фон-Зайдлиц сказал следующее:

«От имени трех военнопленных немецких генералов, находящихся здесь (в Луново под Москвой), а также от большинства генералов, находящихся в генеральском лагере, я заявляю о своем принципиальном согласии вступить в «Офицерский Союз» — возглавить его и думаю, что большинство немецких военнопленных генералов также вступят в этот союз».

В предварительных беседах, а также и при официальном заявлении о своем присоединении к союзу, все трое ставили условия — не распространять листовок от их имени на фронте среди немецких войск.

Предполагаю, что при подписании документа они еще будут выставлять те или иные возражения по существу обращения «Офицерского Союза» и пытаться изменить те или иные формулировки. С ними еще нужно будет поработать, но основное уже сделано.

Пр о ш у В а ш и х у к а з а н и й.

*Зам. нач. управления по делам военнопленных
Комиссар госуд. безопасности*

(Н.Мельников)

23 августа 1943

После тщательного отбора на роль президента «Союза немецких офицеров» был

Генерал-майор О. Корфес

Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс

намечен генерал артиллерии Вальтер фон-Зайдлиц, бывший командир 51-го армейского корпуса, известный и уважаемый в немецкой военной среде человек.

Фон-Зайдлиц, который еще до плена негативно высказывался о полководческих талантах Гитлера, полагал, что его примеру последует большинство пленных генералов. Действительно, 1 сентября 1943 года о своем вступлении в «Союз» заявил генерал-лейтенант Александр фон-Даниэльс, командир 376-й пехотной дивизии. Но семнадцать генералов и полковник Адам — адъютант Паулюса — сочли действия фон-Зайдлица и других генералов государственной изменой и обратились к Советскому правительству с заявлением, осуждающим основателей «Союза»:

«Военнопленные германские офицеры, среди них генерал артиллерии фон-Зайдлиц, генерал-майор Латтманн и генерал-майор Корфес, выразили свою готовность создать «Союз германских офицеров», чтобы действовать для заключения мира между Германией и Россией — мира, приемлемого для обеих сторон. Для достижения этой цели они хотят выступить с воззванием к германскому народу и к германской армии, требуя смещения немецкого руководства и гитлеровского правительства, так как только отстранение руководства делает возможным заключение такого мира.

Каждый немец, каждый русский, а главным образом — каждый солдат желает мира. Мы все надеемся, что в будущем Германия и Россия будут жить в мире и содружестве, и мы уверены, что большинство военнопленных, возвратившихся после войны домой, будет действовать в пользу этого содружества.

Но мы резко осуждаем путь борьбы, который избрал «Союз немецких офицеров». Военнопленный не может знать действительного положения в своей стране, даже если ему представляется вся имеющаяся информация, он не может определить, что в пользу, что в ущерб его стране. Военнопленный, призывающий народ и армию против их вождя, вносит разложение в их ряды и ослабляет свой народ в самое тяжелое для него время.

То, что делают офицеры и генералы, принадлежащие к «Союзу», является государственной изменой. Мы глубоко сожалеем, что они пошли по этому пути. Мы их больше не считаем своими товарищами, и мы решительно отказываемся от них.

Паулюс, генерал-фельдмаршал; Хейц, генерал-полковник; Штреккер, генерал пехоты; Сикст фон-Армин, генерал-лейтенант; Шлеммер, генерал-лейтенант; Фассоль, генерал-майор; Дебуа, генерал-лейтенант; Вульц, генерал-майор; Лейзер, генерал-май-

Генерал-майор М. Латман

Президент «Союза немецких офицеров»
генерал артиллерии
Вальтер фон-Зайдлиц

*ор; Роске, генерал-майор; Пфедфер, генерал артиллерии; Занне, генерал-лейтенант; Роденбург, генерал-лейтенант; Магнус, генерал-майор; Ренольди, генерал-штабс-врач; фон-Ленски, генерал-майор; фон-Дреббер, генерал-майор; Адам, полковник.
Лагерь для военнопленных № 48*

1 сентября 1943 года»

Паулос, как зачинщик «Заявления», был удален из лагеря.
Учредительное собрание «Союза немецких офицеров» провели 11 и 12 сентября под Москвой.

*Народному комиссару внутренних дел Союза ССР
Генеральному комиссару государственной безопасности
товарищу Берия*

Рапорт

Сегодня в Луново проведена программа первого дня учредительного собрания «Союза немецких офицеров».

Все предусмотренное программой проведено полностью и в соответствии с мероприятиями, разработанными нами ранее.

В состав президиума избраны:

Президентом генерал артиллерии фон-Зайдлиц.

Вице-президентами: генерал-лейтенант фон-Данцльс и полковник Ван-Гоовен и Штайдле.

В состав комитета избрано 19 человек, заранее подобранных нами...

Все делегаты подписали документы: «Союз немецких офицеров», «Задачи и цели» и «Обращение к немецким генералам и офицерам, к народу и армии».

Доклады и речи всех выступавших записаны аппаратом звукозаписи на пластинки.

Ход работы собрания заснят кинооператором «Союзкинохроники» тов. Макосеевым.

Завтра второй и последний день учредительного собрания. После собрания делегации в течение двух дней получат инструктаж и после этого выведут в лагерь военнопленных для проведения работы по реализации решений собрания.

Первые немецкие пленные. Июль 1941 года.

*Круглов
Петров
Мельников
11 сентября 1943 года.*

Четыре дня спустя Берия доложил Сталину и Молотову о создании «Союза немецких офицеров».

*Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину
товарищу Молотову*

В целях привлечения к участию в национальном движении «Свободная Германия» немецких генералов и офицеров, уклонившихся в период организации Национального Комитета от участия в этом движении, НКВД СССР в течение июля — августа месяцев были приняты меры и проведена работа по расслоению офицерского состава военнопленных германской армии, в результате чего в июле месяце была образована инициативная группа по организации «Союза германских офицеров», в состав которой вошел ряд полковников, подполковников и других лиц офицерского состава.

В течение августа — сентября месяцев была проведена работа по привлечению к участию в этой инициативной группе также ряда видных генералов.

После проведения соответствующей подготовки и, в частности, изоляции лиц, пытавшихся использовать организацию «Союза германских офицеров» в противовес Национальному Комитету «Свободная Германия», 11—12 сентября было проведено учредительное собрание «Союза германских офицеров».

Собрание приняло декларацию о задачах и целях «Союза германских офицеров», обращение к германской армии и народу и избрало Комитет «Союза германских офицеров».

Президентом Союза избран генерал артиллерии фон-ЗАЙДЛИЦ, вице-президентами — генерал-лейтенант фон-ДАНИЭЛЬС и полковник ШТАЙДЛЕ и ВАН-ГООБЕН. В состав Комитета Союза избрано 19 офицеров, в том числе генерал-майор ЛАТТМАНН и генерал-майор доктор КОРФЕС.

При этом представляю список членов Комитета «Союза германских офицеров» с краткими характеристиками на них и принятые Союзом документы:

а) «Союз германских офицеров» — задачи и цели;

Советские и немецкие офицеры анализируют положение на фронте.

б) обращение Союза к германской армии и народу, а также меморандум агентурных материалов о настроении военнопленных, в связи с созданием «Союза германских офицеров».

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

(Л.Берия)

ПАУЛЮС ВСЕ РАВНО К НАМ ПРИДЕТ, ЭТО ВОПРОС ВРЕМЕНИ...

Генерал фон-Зайдлиц занимал достаточно высокое положение в вермахте (его чин «генерал артиллерии» соответствовал советскому воинскому званию «генерал-полковник»). Тем не менее фигура фельдмаршала Паулюса на посту президента «Союза немецких офицеров» была, бесспорно, предпочтительнее. Но Паулюс эту идею не поддерживал.

Позиция пленного генерала, не желающего участвовать в разложении своей армии, вызывает уважение. Но не лишне вспомнить, что в конце 1941 года именно Паулюс, занимавший тогда должность генерал-квартирмейстера в штабе сухопутных войск, подписал ряд документов о привлечении на службу в вермахт «проверенных и надежных советских военнопленных и жителей оккупированной территории». О том, что тем самым он склоняет этих людей к государственной измене, Паулюс тогда не думал — в конце концов, это были лишь побежденные или почти побежденные.

Безусловно, позиция группы генералов во главе с Паулюсом представляла серьезную опасность для выполнения работы по разложению немецкой армии. Поэтому «обработку» Паулюса продолжили его коллеги.

Специальное сообщение о работе с военнопленным фельдмаршалом ПАУЛЮСОМ

24 сентября с. г. фельдмаршал ПАУЛЮС, выразив желание обсудить создавшуюся обстановку и вопрос о своем участии в «Союзе немецких офицеров», просил устроить ему встречу с генералом ЛАТТМАНН, которого он считает наиболее умным и честным из генералов, работающих в офицерском союзе.

25 и 26 сентября при участии генерала фон-ДАНИЭЛЬСА подготовленный нами

Немного отдыха.

генерал ЛАТТМАНН провел несколько бесед с ПАУЛЮСОМ.

В беседах были всесторонне обсуждены вопросы работы офицерского союза, положение в Германии и перспективы военных действий.

Резюмируя беседы с ПАУЛЮСОМ, генерал ЛАТТМАНН заявил нашему оперативно-му работнику следующее: «ПАУЛЮС еще раз признал честность мотивов и намерений генералов, работающих в офицерском союзе, не смог выставить ни одного довода против целей и задач «Союза немецких офицеров» и заявил, что в принципе он с ними согласен.

В то же время ПАУЛЮС еще не может принять окончательного решения, мотивируя это тем, что он недостаточно ориентирован о действительном положении в Германии, настроениях немецкой армии и населения, не знает намерений гитлеровского правительства и не располагает объективными данными о положении на фронтах».

Заявив о том, что в данный момент он не считает положение Германии катастрофическим, ПАУЛЮС высказал ЛАТТМАННУ и фон-ДАНИЭЛЬСУ сомнение в отношении того, нужно ли сейчас идти по пути разложения действующей германской армии.

«Представьте себе, — говорит ПАУЛЮС, — что среди солдат действующей армии Вы бросили лозунг прекращения войны, одни солдаты пойдут в плен, другие начнут требовать отступления, третьи будут против этого, — в результате возникнет междоусобная война. Где гарантия, что Красная Армия не будет бить тех, других и третьих и Вы, вместо спасения армии, полностью уничтожите ее.

Меня интересует также, как будет действовать Красная Армия и будет ли она наступать в глубь Германии, если наша армия отойдет на нашу границу и на Западе начнется второй фронт».

На утверждение генералов ЛАТТМАННА и фон-ДАНИЭЛЬСА, что возможная задержка наступления Красной Армии на рубеже Днестра может лишь на несколько месяцев отсрочить окончательное поражение Германии, ПАУЛЮС ответил: «Вы правы, ничего не могу сказать против, но в Германии есть генералы не глупее, чем мы с Вами».

После этих разговоров с ПАУЛЮСОМ генерал ЛАТТМАНН заявил нашему оперативно-му работнику, что он намерен вопрос об участии ПАУЛЮСА в офицерском союзе поставить перед ним в категорической форме и что, если ПАУЛЮС будет продолжать колебаться, прекратить с ним всякие отношения.

Генерал фон-ДАНИЭЛЬС, не разделяя этих выводов генерала ЛАТТМАННА, сооб-

щил: «Паулюс все равно к нам придет, но это только вопрос времени. Сейчас он еще надеется на то, что с Германией еще не все потеряно, и поэтому боится сказать свое окончательное слово».

*Генерал КОРФЕС придерживается такого же мнения.
Просим Ваших указаний о дальнейшей работе с ПАУЛЮСОМ.
Зам. нач. управления НКВД СССР по делам о военнопленных —
комиссар госбезопасности*

(Мельников)

27 сент. 1943 г.

Не дав согласия работать в «Союзе», Паулюс тем не менее взял на себя миссию уговорить обитателей лагеря № 48 отказаться от заявления, сделанного 1 сентября. Видимо, было учтено и высказывание комиссара госбезопасности Мельникова, заявившего на собрании немецких офицеров, что заявление это направлено против Советского правительства.

Действия «объекта» (так именуется Паулюс в документе) были достаточно энергичны, и отзыв заявления от 1 сентября состоялся в намеченный срок.

*Записка по «ВЧ»
Из Иваново*

*Москва УПВИ НКВД СССР — генерал-майору тов. Петрову
12 и 13.X объект ориентировал немецких генералов о цели своего приезда в лагерь № 48, указав, что приехал он для ликвидации документа от 1.IX. с. г.*

В день 13.X объект работал индивидуально с более близкими к нему людьми, а также отдельно с каждой из двух групп немецких генералов. Сегодня утром объект доложил:

1. Вряд ли он закончит работу к воскресенью 17.X., так как надо мягче и не спеша работать со стариками.

2. Сегодня он будет работать над отработкой документа, удовлетворяющего как нас, так и обе группы генералов. Данные о позиции РОДЕНБУРГА на объекте 25-в ему были сообщены неправильно. Положение РОДЕНБУРГА он нашел без изменений.

Настроение объектов бодрое. Из отдельных высказываний отмечается желание не особенно задерживаться здесь и ехать вместе с Адамом на объект № 25-в...

*Полковник ШВЕЦ
14.X.43 г.*

Заявление пленных немецких генералов Советскому правительству:

«Как нам сообщили, наше коллективное заявление от 1 сентября 1943 года рассматривается как поступок, направленный против Советского Союза.

Т. к. поступок ни в коем случае таких намерений не предусматривал, то мы, не изменяя своих взглядов на законы нашей родины, берем свое заявление, сделанное правительству Советского Союза, назад.

Лагерь для военнопленных № 48

17 октября 1943 года»

Это заявление подписали все генералы, кроме Шлеммера, тайно вступившего в «Союз» несколькими днями раньше.

«СОЮЗ» НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

23 октября 1943 года Берия и генерал-полковник Щербаков — начальник ГлавПУРа Красной Армии — утвердили предложения о выезде на Северо-Западный фронт генерала фон-Зайдлица.

Выбор района был не случаен. Немецкое командование, ожидавшее большого наступления советских войск, сделало все, чтобы обеспечить неприступность своих позиций. Фон-Зайдлиц, ранее командовавший 12-й пехотной дивизией, а затем — ударной группой «Зайдлиц», прекрасно знал этот участок фронта. Ударная группа сумела тогда вырвать из Демянского котла окруженные там части 16-й немецкой армии.

Результаты поездки удовлетворили не только руководство УПВИ НКВД, но и командование Северо-Западного фронта.

*Члену Государственного Комитета Оборона Союза ССР
Товарищу БЕРИЯ Л. П.*

Д о к л а д ы в а ю о результатах пребывания на Северо-Западном фронте с 25 октября до 3 ноября Президента «Союза немецких офицеров» генерала артиллерии фон-ЗАЙДЛИЦ и вице-президента полковника ВАН-ГООВЕН.

На основании утвержденного Вами плана мероприятий за восемь дней пребывания фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН на фронте сделана следующая работа:

1. Написаны письма к командующему 16 армией генерал-фельдмаршалу Буш, командующему группой «Норд» генерал-фельдмаршалу КЮХЛЕР, командующему 18 армией генерал-полковнику ЛИНДЕМАНН.

2. Составлены листовки к офицерам и солдатам 18 армии, к офицерам 16 армии и к 12 пехотной дивизии.

3. Наговорены на пластинки два текста — к офицерам и солдатам 18 армии и к офицерам 16 армии.

4. Проведены беседы с военнопленными.

5. Инструктированы три группы военнопленных, направляемых для работы в тыл противника (всего 18 чел.).

6. Проведена беседа с уполномоченным национального комитета «Свободная Германия» на СЗФ ефрейтором КРУММЕЛЬ, и последний проинструктирован о дальнейшей работе.

7. Фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН приняли участие в торжественном выпуске антифашистской школы и подробно беседовали с выпускниками.

8. Сделано большое количество фотоснимков с фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН (беседы с пленными, приемы, за письмом и т. д.).

9. Пребывание фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН на СЗФ заснято на киноленту.

Все беседы, проведенные фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН, и все их выступления запротоколированы.

27 октября генерал фон-ЗАЙДЛИЦ и полковник ВАН-ГООВЕН были приняты начальником штаба СЗФ генерал-лейтенантом тов. БОГОЛЮБОВЫМ, а 1 ноября мною. На приемах были проведены беседы о плане и итогах пребывания на СЗФ, мероприятиях по дальнейшей работе, а также на общие и военно-политические темы.

Содержание написанных фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН писем и листовок представляет значительный шаг вперед в их политической деятельности. В этих документах они предложили офицерам и солдатам, а также высшему командованию 16 армии, 18 армии и группы «Норд» приступить к практической деятельности: организации групп Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», посылке через фронт представителей для связи с Национальным Комитетом и Союзом.

Фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН признали законным переход немецких солдат через фронт с целью связи с Национальным Комитетом и Союзом, отказавшись от взгляда на перебежчиков как на нарушителей дисциплины и разлагающих немецкую армию.

Фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН признали своевременной организацию из военнопленных частей Национального Комитета «Свободная Германия».

В составленных листовках и выступлениях фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН призвали солдат и офицеров 16 армии не производить насилий и разрушений на оккупированной германской армией территории. Одновременно они заявили, что Германия должна компенсировать нанесенный народам СССР ущерб и что они лично считают своим долгом проследить за тем, чтобы работа по восстановлению разрушенного была проделана хорошо.

За время пребывания на СЗФ фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН многократно отмечали удовлетворение приездом на СЗФ и подчеркивали помощь, оказанную Красной Армией движению за свободную и независимую Германию.

Направление на СЗФ генерала фон-ЗАЙДЛИЦ и полковника ВАН-ГООВЕН дало ценный материал для дальнейшей работы по разложению войск противника. Намеченный план работы выполнен полностью.

Для реализации проведенной работы на ближайший период намечены следующие мероприятия:

1. Посылка через линию фронта курьеров из антифашистов для доставки писем БУШУ, КЮХЛЕРУ, ЛИНДЕМАННУ.

2. Издание составленных фон-ЗАЙДЛИЦ листовок к 16 армии, к офицерам, к 12-й пехотной дивизии.

3. Передача через звукоусилительные станции пластинок с текстом обращений, наговоренным лично фон-ЗАЙДЛИЦ.

4. Засылка в тыл противника нескольких групп антифашистов, инструктированных фон-ЗАЙДЛИЦ и ВАН-ГООВЕН, для распространения среди войск противника програм-

мы Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров» и организации действующих групп Национального Комитета и «Союза немецких офицеров».

Командующий войсками СЗФ
генерал-полковник (Курочкин)
Член Военного Совета СЗФ
генерал-лейтенант (Боков)
Начальник политуправления СЗФ
генерал-майор (А.Окороков)
2 ноября 1943 года.

6 ноября фон-Зайдлиц обратился к Мельникову с предложениями об усилении пропаганды на фронте, о создании и использовании боевых частей — правда, пока еще в общих чертах.

Национальный Комитет «Свободная Германия»
«Союз германских офицеров»

6 ноября 1943 года.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

об усилении пропаганды на фронте для доведения до всеобщего сведения целей Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза германских офицеров».

Господину генерал-майору Мельникову

На основании опыта, приобретенного во время поездки на Северо-Западный фронт (участок Валдая), представляю следующие предложения, от осуществления которых я ожидаю очень много для

- а) получения в большем объеме и лучшего использования показаний пленных и перебежчиков для пропаганды Национального Комитета;
- б) более тщательного, приспособляемого к каждому данному моменту разъяснения германскому фронту путей и целей Национального Комитета;
- в) вербовки и обучения подходящих участников пропаганды на фронте из рядов военнопленных;
- г) подробного разъяснения новым военнопленным целей Национального Комитета и завербования их.

1. Нахождение особенно подходящего «уполномоченного» Национального Комитета (офицера для связи) при каждом фронтовом штабе Красной Армии.

2. Нахождение приблизительно трех сильных «фронтовых групп» для пропаганды на фронте (на участке каждого фронтового штаба Красной Армии), подчиняющихся названному в п. 1 «уполномоченному». Количество «фронтовых групп» зависит от ширины участка и положения в тот или иной период.

3. Нахождение в каждом фронтовом лагере-распределителе для военнопленных «лагерных групп» для получения сведений от пленных и приобретения сторонников движения «Свободная Германия».

4. Пропаганда в устном и письменном виде о положении на фронте и о весьма различных условиях в некоторых германских частях.

5. Частые поездки «инспекционных групп», состоящих из руководящих лиц Национального Комитета и «Союза германских офицеров», на различные фронты для изучения положения, для поддержания личной связи с «уполномоченными» (п. 1) и «фронтовыми группами» (п. 2) и для создания узловых центров пропаганды на определенных участках.

6. «Уполномоченные» ответственны за всю пропаганду на их фронте (согласно указаниям Национального Комитета), проводящуюся путем распространения листовок Национального Комитета и «Союза германских офицеров» и в виде собственных передач по радио и через рупоры по заданным направлениям, а также за выбор определенных лиц для «боевых групп» и обучение их для пропаганды за германской линией фронта.

7. «Уполномоченные» должны обладать достаточными возможностями передвижения на своем участке фронта для связи с подчиненными им «фронтовыми», «лагерными» и «боевыми» группами.

Они должны содействовать ходу преподавания во «фронтовых школах», находящихся на их участках фронта.

8. Между Национальным Комитетом и «уполномоченными» нужно организовать скорую и надежную связь. В основном речь идет здесь о быстрой доставке:

- а) новых и актуальных показаний пленных о настроениях и положении в части и на родине;
- б) сообщений об успехах и неудачах пропаганды;
- в) предложений об улучшении содержания листовок и материала для новых листовок.

9. Усиление вербовки в тыловых лагерях для военнопленных с целью приобретения возможно большего и убежденного слоя участников движения «Свободная Германия». Вербовочные группы в лагерях для рядовых должны быть усилены путем включения в них особо пригодных для этого офицеров для пропаганды общности путей и целей борьбы. Это необходимо также ввиду грядущих общих боевых действий.

10. Я считаю необходимым большее вовлечение офицеров во «фронтовые» и «боевые» группы. Соответствующие для них силы, а также для добровольной работы за германской линией фронта имеются в достаточном количестве.

Вице-президент национального комитета «Свободная Германия» и президент «Союза германских офицеров»

фон-ЗАЙДЛИЦ

Приложение:

ПРЕДЛОЖЕНИЕ о пробном использовании боевых частей на работе за линией немецкого фронта

1) **Задача:** разузнать о том, какие возможности для работы имеются за линией фронта. Связаться с немецкими офицерами, заполучить на свою сторону боевые части немецкой армии с целью работы их для движения «Свободная Германия» и приобретение опыта для дальнейшей работы.

2) Проведение высадки боевой части, составленной из офицеров и солдат, на территорию, занятую партизанами. С помощью партизан совершить нужную разведку и начать работу.

Высадку совершить по возможности на таком участке, где, по высказыванию военнопленных, настроения немецких солдат и офицеров будут облегчать нашу работу.

3) Разведка и испытание работы должны проводиться по следующим пунктам:

а) установить и заполучить в частях немецких войск приверженцев движения «Свободная Германия» (прежде всего необходимо установить приверженцев среди офицеров).

б) Создать офицерские ячейки.

в) Указать линию поведения этим ячейкам.

г) Установить связь их с Национальным Комитетом.

д) Установить фамилии руководителей, вплоть до высших служебных инстанций.

е) Установить репутацию, которой пользуются эти руководители.

ж) Каковы настроения части.

ВСЕ — ДЛЯ РАЗЛОЖЕНИЯ...

Война продолжалась. Готовились крупные операции советских войск, и мероприятия по разложению войск противника были не лишними. В декабре 1943 года по заданию ГлавПУРа было сформировано сразу три бригады из членов «Союза немецких офицеров».

Несколько позднее, в феврале 1944 года, на фронт выехали генералы фон-Зайдлиц и Корфес — для выполнения задания по разложению немецкой группировки, окруженной в районе Корсунь-Шевченковский.

Известен план мероприятий по обеспечению работы представителей «Союза» на фронте.

«Утверждаю»

Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссар госбезопасности 2-го ранга

(Круглов)

15 декабря 1943 г.

План

мероприятий ст. лейтенанта госбезопасности Сафронова по обеспечению работы группы «Союза немецких офицеров» на Белорусском фронте.

Совместно с представителями ПУРа и органов контрразведки «Смерш» организовать все необходимые условия для успешной работы группы «Союза немецких офицеров» по разложению немецких войск.

Для этого:

1. В пути следования на фронт обеспечить тщательное наблюдение за военнопленными офицерами.

2. По прибытии на фронт установить необходимую связь с органами контрразведки «Смерш» и организовать необходимые условия размещения и охраны военнопленных офицеров.

3. Совместно с органами ПУРа и «Смерш» разработать план деятельности группы с учетом обеспечения охраны военнопленных и сопровождения их при разъездах по отдельным участкам фронта.

4. Принимать участие во всех совещаниях и беседах военнопленных офицеров с новыми военнопленными, производя предварительный отбор этих военнопленных совместно с органами ПУРа и «Смерш».

5. Уделить особое внимание предупреждению эксцессов по отношению к военнопленным офицерам.

6. Систематизировать копии всех документов о работе военнопленных офицеров, в том числе и фотоснимки.

7. Вести дневник наблюдений (агентурных заметок) о настроениях и деятельности группы.

*Начальник 1-го отделения
майор госбезопасности*

(Ширин)

*«Согласен»
Зам. нач. УПБИ НКВД СССР
комиссар госбезопасности*

(Мельников)

15 декабря 1943 г.

Большинство мероприятий, как видно, носило характер контроля, так сказать, «доверяй, но проверяй». Видимо, учитывался опыт немецкого командования по работе с «ост-легионами». В связи с массовыми переходами легионеров на сторону партизан и Красной Армии эти части были выведены с Восточного фронта в Европу. Немецкие мундиры с нашивками «РОА», «Северный Кавказ», «Армения», «Азербайджан», «Грузия», «Туркестан», «Дон», «Кубань» замелькали во Франции, Италии, Югославии...

Позиции «Союза немецких офицеров» укрепились, и по мере этого усиливались разногласия с немецкими политэмигрантами из НКСГ. Генералы явно не желали оставаться без работы в будущей независимой Германии, не хотели быть в стороне и политэмигранты.

ВЫПИСКА

из рабочей сводки по состоянию на 30.XI.1943 г.

*Взаимоотношения между генералами и немецкими коммунистами — членами
Национального Комитета*

Между генералами и немецкими коммунистами — членами Национального Комитета существуют противоречия. Коммунисты исходят из того, что положение немецкой армии безнадежное, разложение в ней очень велико, она развалится и разбежится, если не будет немедленно отведена к германской границе. Они опираются на сообщения немецких военнопленных солдат и уполномоченных Национального Комитета, находящихся на фронте.

Генералы же дают пока очень высокую оценку боевой мощи и дисциплине германской армии. Они опираются на показания военнопленных офицеров и сообщения Советского Информбюро.

Поэтому коммунисты хотят придать пропаганде несколько взволнованный, панический характер. Генералы хотят говорить вразумительным, осторожным языком.

Коммунисты желают говорить на живом, сильном языке, который наверняка повлияет на массу.

Генералы желают говорить спокойно, серьезно и с достоинством.

Коммунисты хотят оказать воздействие пылкими возгласами.

Генералы придерживаются того мнения, что такая пропаганда будет неправдоподобной и не окажет влияния.

Генерал Латтманн занял такую позицию на последнем пленарном заседании Национального Комитета, а также на заседании рабочей комиссии.

Генералы Латтманн и Корфес и полковник Ван-Гооуен в беседе с источником сказали, что сообщения делегатов, прибывших из лагерей и с фронта, лишь укрепили в них собственное мнение по вопросу направления пропаганды.

Хорошее предновогоднее настроение испортил Харьковский процесс над военными преступниками. Многие офицеры были потрясены. Зайдлиц высказал пожелание выявить в своей среде военных преступников. Правда, были и сомневающиеся. «Вот сволочь», — написал кто-то из руководителей УПВИ на полях агентурного сообщения о сомнениях зондерфюрера Вильде фон-Вильдемана. Но военный юрист фон-Кнобельсдорф подтвердил: все сказанное на процессе — правда...

ВЫПИСКА

из рабочей сводки по состоянию на 29.XII.1943 г.

Настроения генералов и офицеров вокруг Харьковского процесса

Все офицеры глубоко потрясены Харьковским процессом. Офицеры с ужасом думают, до чего могли опуститься немцы...

Во время хода Харьковского процесса в одной из бесед за столом генерал Шлеммер в присутствии других генералов говорил:

«Просто невероятно, что сделали эти люди. Они больше не люди — это дикие звери».

Генерал Корфес тогда же высказал такое мнение:

«Наказание для преступников слишком мягко. Русские слишком добродушны. Мы бы совсем иначе расправились с ними».

Лейтенант граф Эйнзидель продолжил этот разговор:

«Это результат военного и духовного воспитания немцев. Всем немцам привили разбойничью идеологию. Здесь повесили лишь несколько малых преступников, больших же, надеюсь, мы будем иметь возможность повесить сами».

Подполковник Бредт в беседе с группой офицеров о Харьковском процессе заявил:

«Харьковский процесс распространяется на все более широкие круги. Штаб 6-й армии туда, очевидно, тоже попадет. Мне известно, что многие командиры полков и дивизий знали о деятельности тайной полевой жандармерии и выступали с протестом перед армией. В ответ на это им только пожимали плечами, указывая на то, что это приказ высшего командования. Вина Паулюса в том, что он был нерешителен, но прежде всего виноват генерал Шмидт, который делал очень много самостоятельно, без ведома Паулюса, виноваты также и другие, например, подполковник Куновски. Мы сами должны требовать, чтобы эти люди были привлечены к ответственности».

Присутствовавший при этом разговоре генерал фон-Зайдлиц сказал:

«В ближайшее время я прикажу нашим советникам военного суда допросить военнопленных офицеров, чтобы такие злодеяния были разоблачены и виновные были привлечены к ответственности».

Зондерфюрер Вильде фон-Вильдеман 21.XII в беседе с источником о Харьковском процессе говорил:

«Этот процесс очень напоминает троцкистский процесс. Я не могу поверить, чтобы обвиняемые могли сами на себя такое наговорить, будучи в здравом рассудке. Им чего-нибудь дали, чтобы им легче было говорить».

(на полях пометка: «Вот сволочь. Н. М.»)

Советник военного суда фон-Кнобельсдорф в группе офицеров говорил:

«Из своей практики я знаю, что обвиняемый во всем сознается, если он знает, что все равно все потеряно. Я верю всему, что показывает этот процесс».

Майор Леверенц 26.XII в беседе с группой офицеров о процессе говорил:

«В Германии мы должны беспощадно выступать против таких преступников. Уже для одного этого необходимо, чтобы мы возвратились в Германию с армией, с тем, чтобы мы могли немедленно принять меры против таких людей».

МЫ ВЫПОЛНЯЕМ ТЯЖЕЛУЮ РАБОТУ

Духовная пища среди обитателей лагеря № 27, объектов «Лунево» и «Дуброво» пользовалась большим спросом, но еще больше интересовала всех обычная еда. Вопросы

о ее количестве и качестве возникали постоянно. Еще чаще об этом говорили в обычных лагерях. Но там военнопленные, вернувшиеся в барак с лесоповала, мечтали хотя бы о порции хлеба и куске рыбы побольше. Да еще о табачке. Однако функционеры «Союза немецких офицеров» и НКСГ полагали, что их работа — более тяжелая, требующая большего количества калорий. Разговоры же о голоде в лагерях для советских военнопленных не поддерживались.

ВЫПИСКА

из рабочей сводки по состоянию на 30.XI.1943 г.

Настроение по вопросам питания

Вчера вечером был поднят вопрос о питании в связи с малой порцией, поданной к ужину. Подполковник Бехли сказал, что до сих пор не улажен этот вопрос и мы по-прежнему должны к нему возвращаться, хотя голова у нас занята другими делами.

Виной всему этому офицеры считают недостаточную надежность кухни и отсутствие за ней контроля. Из 46 грамм сливочного масла, причитающегося по норме, за завтраком выдается не более 25 грамм. Следовало бы 40 грамм масла выдавать на руки сразу, а остальные 6 грамм использовать для приготовления пищи. Положенные по норме сухофрукты, а также сырую морковь, предписанную старшим врачом, офицеры не получают. Положенную норму каши офицеры получают только после вмешательства старшего врача.

Капитан Хадерман считает, что норма питания офицеров должна быть увеличена. В лагерях военнопленных такую же норму получают неработающие офицеры, работающие же офицеры получают надбавку — 25%. Поскольку мы много занимаемся умственным трудом, нас следует рассматривать как работающих офицеров, и наша норма должна быть увеличена на 25%.

«Союз немецких офицеров»

президент

2-му генералу Мельникову

29.12.1943 г.

СОДЕРЖАНИЕ: о питании в Лунево.

После того, как немецкий повар стал получать все продукты для находящихся здесь немецких офицеров и солдат, я смог контролировать получаемое им количество продуктов. Выяснилось, что теперешняя норма питания для очень загруженных умственной работой господ — недостаточна.

Было бы крайне желательно для работающих в Лунево членов Национального Комитета и Офицерского союза норму питания увеличить соответственно их производительности.

Не может быть сомнений в том, что они выполняют гораздо более тяжелую и ответственную работу, чем все военнопленные в СССР.

Я был бы Вам, господин генерал, очень благодарен, если бы Вы лично взяли за разрешение этого вопроса.

Президент — генерал артиллерии фон-Зайдлиц

МАТЕРИАЛ, КОТОРЫМ МЫ РАСПОЛАГАЕМ, ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕННЫМ...

Мысль о создании из военнопленных воинских частей, подчиненных Национальному Комитету «Свободная Германия» (хотя бы номинально), фон-Зайдлиц начал вынашивать еще 17 сентября 1943 года, через несколько дней после учреждения «Союза немецких офицеров». В донесениях к Берни Мельников неоднократно отмечал, что фон-Зайдлиц считает себя единственным кандидатом на должность верховного главнокомандующего вооруженными силами будущей свободной Германии.

Первоначально речь шла о батальоне, затем — о «Немецкой освободительной армии» силами до трех пехотных дивизий, с зенитным полком и авиационной частью. Позднее возникла идея создания армии трехкорпусного состава: по три дивизии в каждом корпусе. Потом вопрос затих — политики приняли иное решение.

Союз немецких офицеров

Президент 4 февраля 1944 года

Господину генералу Мельникову

О формировании воинской части

1. Причины отсутствия до сих пор значительных успехов движения «Свободная

Секретно

Германия»

Создание Национального Комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» и деятельность этих организаций до сих пор не привели к ожидаемым результатам. Из ответной пропаганды главного командования германской армии следует заключить, что движение «Свободная Германия» является предметом серьезного беспокойства немецких властей.

Отсутствие значительных успехов объясняется различными причинами: малой склонностью немцев к революциям, системой полицейского насилия и полного подавления всякого мнения, отсутствием какой-либо боеспособной организации, всеобщей боязнью поражения и его последствий, давно раздуваемым страхом перед большевизмом, далеко не достаточным количественным охватом пропагандой и, что особенно важно, отсутствием реальной силы у Национального Комитета. Не без намерения главное командование германской армии в специальном номере «Известий для офицерского корпуса» спрашивает, какой силой располагает Национальный Комитет, чтобы провести в жизнь свои требования.

Действительно, этот вопрос затрагивает один из самых слабых пунктов всей нашей деятельности. Ибо пока Национальный Комитет не будет опираться на массовое движение, у него не будет решающего средства достижения своей цели — освобождения Германии от гитлеровского режима. До тех пор, пока не появится такая сила, контрпропаганда будет успешной, а наша пропаганда будет распространяться очень медленно.

II. Призывы к переходу на сторону Национального Комитета и значение их

Средства, которыми располагает Национальный Комитет, в данное время недостаточны для того, чтобы вызвать массовое движение, которое было бы ощутимым и стало бы фактором борьбы против Гитлера.

Призыв к переходу германских войсковых соединений на сторону Национального Комитета до тех пор будет малоубедительным, пока германские части будут опасаться того, что после сдачи оружия они станут военнопленными. Однако именно переход целых частей был бы самым действенным средством... В таком случае нам легче будет добиваться успеха в нашей работе в германской армии, а Национальный Комитет будет иметь под собою твердую основу. Опираясь с полным доверием на эти соединения, Национальный Комитет сможет более веско говорить с немецким народом и с немецкой армией; обладая этой силой, он сможет доказать всю серьезность своих намерений. Национальному Комитету, обладающему реальной силой, должны будут поверить, что он не только желает, но и может осуществить свои цели. Этим самым повысится его престиж, возрастет приток новых членов.

Национальный Комитет должен опираться на реальную силу также и по той причине, что это необходимо для осуществления его обещания спасти немецкий народ от гибели и создать для него уверенную будущность. Он должен иметь возможность не только устным и печатным словом, но и решительными действиями бороться за свержение Гитлера и устранение его режима. Национальный Комитет должен обладать вооруженной силой, чтобы разгромить враждебные элементы, препятствующие созданию единого демократического фронта, а также для поддержания и укрепления демократического правительства.

III. Формирование немецкой освободительной армии

Исходя из этих соображений, необходимо создать немецкую воинскую часть. До сих пор не было еще случаев перехода на нашу сторону крупных соединений в полном их составе, и так как, судя по развитию общего положения, сейчас нельзя ожидать подобных переходов, то не представляется иного выхода, как начать создание немецкой освободительной армии из состава военнопленных, примкнувших к движению «Свободная Германия»...

Немецкая освободительная армия должна состоять исключительно из добровольцев. Число сформированных войсковых соединений должно определяться количеством добровольцев — офицеров и солдат. Однако первоначально более 3—4 дивизий не должно быть, так как первый опыт формирования может вызвать новые предложения в этой области. Нельзя не признать, что возникающие с течением времени все новые и новые задачи, по всей видимости, потребуют значительно больших сил. Если эти силы не будут приобретены в результате будущих переходов целых соединений на нашу сторону, мы будем вынуждены комплектовать их из состава военнопленных.

Предполагаем формировать части по образцу немецких пехотных дивизий. В таком случае дивизия будет приблизительно состоять из 10-ти тысяч человек. В расчете на предстоящие бои необходимо каждой дивизии придать по одному танковому батальону. Вопрос о том, нужно ли образовывать высшие штабы и в каком количестве, можно будет

решать позднее. Когда будет дано принципиальное согласие на данное предложение, — будут представлены подробности строения соединений, списки необходимого снаряжения, списки офицерских должностей и т. д.

IV. Задачи немецкой освободительной армии и использование ее

В соответствии с возлагающимися на немецкую освободительную армию задачами — служить опорой власти Национального Комитета, свергнуть правительство Гитлера, создать основы новой демократической Германии и стоять на страже такой Германии — немецкая освободительная армия может быть использована в следующих направлениях: а) На фронте для борьбы против Гитлера, как только для этого создадутся такие политические и психологические предпосылки, что к немецкой освободительной армии будут готовы присоединиться крупные германские войсковые соединения, причем, естественно, будет иметь место вооруженная борьба с сопротивляющимися группами из приверженцев Гитлера.

б) Активное вступление в борьбу против Гитлера в момент начинающегося разложения германской армии и угрозы возникновения гражданской войны для поддержки всех сил, борющихся против Гитлера.

в) Активные действия для создания демократического правительства и демократической конструкции и, если будет необходимо, борьба против сторонников гитлеровского режима и против реакционного правительства, враждебно относящегося к России.

г) Отпор движениям, направленным против демократического правительства.

д) Использование немецкой освободительной армии производится, во всяком случае, в тесном контакте с русским правительством и по приказу Национального Комитета.

Президент фон-Зайдлиц

Генерал артиллерии

ЭХО ВЗРЫВА ОТОЗВАЛОСЬ В РОССИИ

Весть о покушении 20 июля 1944 года на Гитлера сразу же донеслась до лагерей для немецких военнопленных. Правда, первые сообщения были не совсем достоверными: к заговорщикам отнесли, например, генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля.

Для поддержки всех антигитлеровских сил в Германии решили начать готовить выступление всех пленных немецких генералов против Гитлера.

Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссару госбезопасности 2 ранга товарищу Круглову С. Н.

В связи с событиями в Германии настроение военнопленных немецких генералов, содержащихся в лагере № 48, крайне нервное. Особенно остро переживает события фельдмаршал Паулюс. Сообщения о выступлении против Гитлера Браухича, Кейтеля и фон-Бока в первое время вызвали сомнения в их правдивости. Так, Паулюс неоднократно заявлял:

«Если сведения о выступлении Браухича соответствуют действительности, то положение в Германии чрезвычайно тяжелое, так как Браухич пользуется огромным влиянием. Но этого не может быть. Я хорошо знаю Браухича и не допускаю мысли, чтобы он сделал такой шаг».

Зафиксированы аналогичные высказывания военнопленных генералов Дебуа, Магнус и Лейзер.

Дебуа считает, что участие в выступлениях против Гитлера Браухича гарантирует выступлению полный успех.

В беседе с начальником оперативного отдела лагеря 24 июля с. г. Паулюс заявил:

«Мне трудно высказать свое отношение к событиям в Германии, так как я не располагаю достаточной информацией.

Если Браухич, фон-Бок и Кейтель действительно участвуют в восстании против Гитлера, то им виднее, как там поступать.

Я с самого начала принял твердое решение не принимать никакого участия в политической жизни, пока я являюсь военнопленным. Это решение я не намерен пересматривать и в данный момент, в связи с событиями в Германии.

Поездка моя в Москву не внесет никаких изменений в принятое мною решение».

Руководящие генералы Офицерского Союза — фон-Зайдлиц, Латтманн и Ленски безграмотно рады выступлениям против Гитлера в Германии.

Независимо от программных вопросов Браухича, Кейтеля и фон-Бока, совместные действия генералов из «Союза немецких офицеров» возможны и крайне желательны по двум вопросам:

а) свержение Гитлера;

б) заключение мира.

Зайдлиц, Латтман и Ленски считают, что в дальнейшем Браухич и другие генералы примут положения Манифеста Национального Комитета «Свободная Германия».

Для организованного выступления против Гитлера всех военнопленных немецких генералов, находящихся в СССР, и привлечения к этому фельдмаршала Паулюса генералы из Офицерского Союза считают целесообразным:

1. Немедленно взять Паулюса на объект № 25-В, где начать обработку его вместе с новыми военнопленными генералами, выступившими в печати против Гитлера и готовыми к выступлениям в дальнейшем (Гофмейстер, Мюллер, Фелькерс и др.).

2. Независимо от решения в отношении Паулюса, организовать встречу Зайдлица, Латтманна и Ленски с новыми генералами.

Все выступления новых генералов в печати и по радио проводить совместно с генералами из Офицерского Союза, что для Германии будет иметь большее значение, чем выступления отдельно от генералов Офицерского Союза, не говоря уже о том, что значительно укрепит авторитет «Союза немецких офицеров».

Считаем целесообразным организовать работу в соответствии с предложением «Союза немецких офицеров». Новых генералов (7—8 чел.), для работы с ними, разместить на объекте № 35-В.

Генерал-лейтенант (Ив. Петров)

Полковник (Л. Швеиц)

24 июля 1944 г.

«Утверждаю»

Зам. Народного Комиссара

Внутренних дел Союза ССР

Комиссар Госбезопасности 2 ранга

(Круглов)

План

работы с военнопленными немецкими генералами

1. Провести совещание с генералами Офицерского Союза, на котором выяснить их знание новых военнопленных генералов и дать практические указания о работе в соответствии с планом наших мероприятий.

Совещание провести 24 июля 1944 года.

2. Доставить из лагеря № 27 на объект № 25-В (Дуброво) для обработки фон-ЗАЙДЛИЦ, фон-ЛЕНСКИ и ЛАТТМАННОМ адъютанта ПАУЛЮСА полковника АДАМ.

Срок исполнения 24 июля 1944 года.

3. К 25 июля 1944 года доставить из лагеря № 48 на объект № 25-В фельдмаршала ПАУЛЮСА.

На объекте № 25-В остаются для работы с ПАУЛЮСОМ: фон-ЗАЙДЛИЦ, фон-ЛЕНСКИ и ЛАТТМАНН.

4. Новых военнопленных генералов, по мере приемки их, расселять на объекте № 20-В (Планерное) и № 15-В (Луневе).

Установить постоянное пребывание и работу на этих объектах генералов КОРФЕСА и ДАНИЭЛЬСА.

Немецкие офицеры (активные члены Офицерского Союза) в составе 16 человек на объекте № 20-В для работы с новыми генералами подготовлены и агентурой обеспечены достаточно.

5. Новых военнопленных генералов, готовых примкнуть к Союзу немецких офицеров, постепенно переводить на объект № 35-В (Озеры), где обработку их проводят фон-ЗАЙДЛИЦ, фон-ЛЕНСКИ и ЛАТТМАНН.

Привлекаются к этой работе полковники фон-БОЛЬЕ и ЧИМАТИС.

6. Встречи ПАУЛЮСА с новыми военнопленными генералами, после подготовки последних, проводятся на объекте № 25-В (Дуброво).

7. Военнопленных генералов, содержащихся в лагере № 48, не примкнувших к движению «Свободная Германия», вывозить из этого лагеря на объекты, после обработки основной группы новых военнопленных генералов.

Дать указания начальнику оперотдела лагеря № 48 организовать работу среди старых военнопленных генералов в лагере № 48 в духе заявления 17 новых военнопленных генералов.

Генерал-лейтенант (Ив. Петров)
 Полковник (Л. Швеиц)
 24 июля 1944 г.

За высказываниями членов «Союза» о ходе войны, возможных линиях обороны, о новом оружии, втором фронте бдительно наблюдали. Такая информация незамедлительно представлялась советскому руководству.

Товарищу Л. П. Берия
 Товарищу С. Н. Круглову
 Генерал-лейтенант
 (И. Петров)
 24 июля 1944 г.

Специальное сообщение
 Высказывания военнопленных генералов и офицеров
 германской армии

О перспективах войны

Наступление Красной Армии является новой формой ведения войны. Красная Армия осуществляет теперь молниеносную войну, как это делали немцы в 1941 году — удар в глубину с танками и моторизованными частями, огромные окружения, изоляция высших командных инстанций.

Командиры Красной Армии многому научились, боевой дух немецкой армии пал, немецкие солдаты меньше стали бояться русского плена — подействовала пропаганда.

Гитлер будет продолжать войну на территории Германии. Он станет призывать к отечественной оборонительной войне. На границе моральное сопротивление немецких войск еще раз подымется.

Относительно силы сопротивления Гитлера все считают, что катастрофа наступит осенью.

Красная Армия сможет до осени дойти до линии Данциг — Висла — до Силезской Восточной границы.

Раньше предполагалось, что немцы попытаются удержать линию: Рига — Западная Двина — Барановичи — Минск — Ковель — Карпаты, т. е. линию первой мировой войны.

Теперь считают, что Гитлер попытается еще раз оказать сопротивление у границ Германии 1939 года — Восточная Пруссия, Буг, Карпаты, стянув войска из Прибалтики, Норвегии, Дании и Балкан.

На возможность удержать эти позиции смотрят очень скептически.

«Восточный вал», который так прославляла немецкая пропаганда, укреплен якобы слабо.

Укрепления находятся не на Восточно-Прусской границе, а дальше, в глубине страны под Летцен, у треугольника укреплений Гейльсберг («Гейльсбергский треугольник») и на реках Висла и Одер.

Относительно предполагаемой линии сопротивления мнения расходятся. Некоторые офицеры считают, что эта линия проходит через Тильзит — Ковно — Гродно — Белосток — Брест — Львов (укрепленная полоса по Неману).

Генерал фон-Зайдлиц и другие считают, что главной оборонительной линией является Инстербург — Ангербург — Летцен — Остроленка — Люблин.

Фон-Зайдлиц считает, что если эта укрепленная линия будет прорвана, то вряд ли будет оказано сопротивление на старом «Западном валу», построенном в 1935 — 1939 годах на восток от Штольк, Шнейдемуль, Мезерик, Швибус, Грюнберг, Глодау, Дейч-Айлоу-Крейцбург.

Генералы ожидают в ближайшее время мощного наступления Красной Армии из Галиции в направлении Словакии, Венгрии, Верхней Силезии. Это было бы, по их мнению, самым большим оперативным и решающим политическим достижением, если бы Красной Армии удалось этим основным ударом пробить Венгрию и при помощи югославской освободительной армии соединиться с Южной армией союзников.

«Чудо-оружию» на Западе придают мало значения. Нынешние бои в Нормандии рассматривают как прощупывание немецкого фронта перед началом главного наступления. Считают, что союзным войскам в лучшем случае удастся до осени дойти до «Западного вала».

Фронт в Италии считается второстепенным. Полагают, что кольцо окружения продержится некоторое время на линии Пиза — Флоренция — Римини, а затем через По

(где опять будет задержка) подвинется на Альпы. Союзники Альпы не перейдут, но они смогут связаться через Адриатическое море с югославской армией, а затем, может быть, даже с Красной Армией.

Все убеждены в том, что фронт на Востоке потерпит катастрофу раньше, чем англо-американские войска дойдут до Рейна. Существует всеобщее желание, чтобы Красная Армия заняла как можно больше германской территории в противовес союзникам...

Зам. нач. опер. — чекистского отдела
Полковник (Л.Швец)

22/24 июля 1944 г.

Работа с захваченными в плен немецкими генералами продолжалась, и 12 августа 1944 года было объявлено о вступлении в «Союз» большой группы немецких генералов.

А 14 августа членом «Союза немецких офицеров» наконец-то стал фельдмаршал Паулюс, подписавший на следующий день вместе с двадцатью девятью другими пленными генералами обращение к командованию окруженной в Прибалтике группы армий «Север».

Тов. Чернышеву В. В.
Генерал-лейтенант
(И. Петров)
14 августа 1944г.

Специальное сообщение

14 августа с. г. в результате нашей работы военнопленный немецкий фельдмаршал ПАУЛЮС ФРИТЦ вступил в члены «Союза немецких офицеров».

Одновременно заявил о своем вступлении в Офицерский союз военнопленный немецкий генерал-майор ЛЕЙЗЕР ГАНС, командир 29 мотодивизии Сталинградской армейской группировки.

Полковник
(Л. Швец)
14 августа 1944 г.

Тов. Чернышеву В. В.
Генерал-лейтенант
(И. Петров)
18 августа 1944 г.

Специальное сообщение

о подписании Паулюсом и др. 29 немецкими генералами обращения к армейской группе «Норд»

По просьбе генерал-полковника товарища Щербакова А. С. нами организована и проведена работа по составлению обращения военнопленных немецких генералов к генералам и офицерам армейской группы «Норд», отрезанной в Прибалтике.

15 августа с. г. обращение подписано Паулюсом и др. 29 генералами и после обработки 17 августа передано в Главное Политическое Управление Красной Армии.

Кроме обращения, генералы Офицерского союза написали 11 личных писем к руководящим немецким генералам Северной группы «Норд», в которых, объясняя обстановку, рекомендуют им сложить оружие и прекратить сопротивление Красной Армии.

При этом представляется перевод обращения.

Полковник
(Л. Швец)
18 августа 1944 г.

Правда, подавление путча в Германии сняло эйфорию...

Специальное сообщение

О настроениях в «Союзе немецких офицеров» на объекте № 15-В в Лунево на 26 октября с. г.

Усиление активности реакционной части руководства «Союза немецких офице-

ров», требующих изменения политического курса.

Подавление генеральского путча в Германии и неверие в возможность его повторения разрушили надежды у части руководства «Союза немецких офицеров» на скорое окончание войны и благоприятные для Германии условия мира.

Генерал Зайдлиц, касаясь решений конференции в Думбартон-Оксе, сказал:

«Если осуществится послевоенная организация по сохранению мира, то конфискация немецких областей для создания стратегической безопасности не будет справедливой».

Вице-президенты Офицерского Союза генералы Латтманн и Даниэльс в настоящее время решительнее меняют свою позицию и стремятся возглавить реакционное течение в руководстве Офицерского Союза.

По их мнению, «Союз немецких офицеров» должен освободиться от влияния и опеки немецких коммунистов из Национального Комитета «Свободная Германия» и ослабить влияние русских.

Исходя из их оценки перспектив Германии, они считают, что «Союз немецких офицеров» должен быть превращен в аполитичное общество друзей России, основной целью которого должно явиться определение будущих задач Германии и их выполнение после войны, а также подготовка руководящих кадров Офицерского Союза.

К этой новой позиции Офицерского Союза примыкает и ряд новых наиболее реакционно настроенных военнопленных генералов и старших офицеров. Они требуют изменения или расширения президиума Союза Офицеров, чтобы ввести в него новых лиц, пользующихся доверием членов Офицерского Союза, в частности представителей армейских групп Центрального и Южного фронтов.

Сторонники «нового курса» видят в фельдмаршале Паулюсе своего вожда, хотя Паулюс их активно не поддерживает и стремится сглаживать разногласия в Союзе Офицеров.

Ив. Петров

26 октября 1944 г.

ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ ГЕНЕРАЛЫ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНЫ?..

Война Германией была проиграна. Бои велись уже на подступах к Берлину, и работа по разложению германских войск мало что давала. Руководители «Союза немецких офицеров», предоставленные сами себе, бесцельно слонялись по объекту «Луново». Острее всех переживал создававшуюся ситуацию президент «Союза» генерал фон-Зайдлиц, решившийся в конце концов на беседу с человеком, не обладавшим правом принятия каких-либо серьезных решений.

Заместителю начальника ГУПВИ НКВД СССР

комиссару госбезопасности 3 ранга

тов. Кобулову

Рапорт

Доношу, что ко мне сегодня явился президент «Союза немецких офицеров» военнопленный генерал артиллерии фон-Зайдлиц, который расплакался и сказал (привожу доподлинные высказывания фон-Зайдлица):

«Я хотел бы поговорить с Вами совершенно откровенно об отношениях русской стороны к нам. За последнее время отношение русских к нам резко изменилось: к нам никто не приезжает, с нами никто по принципиальным вопросам не разговаривает, наши просьбы остаются без ответа, мы не можем за последнее время посещать Дуброво. Я хотел бы знать, какое мы совершили преступление перед русскими. Или, возможно, мы в своей работе допускаем какие-либо ошибки, о которых нам не говорят. На меня лично как на президента «Союза немецких офицеров» все это действует слишком угнетающе. Я привык к совместной работе с русскими и к помощи с их стороны».

Я постарался успокоить генерала фон-Зайдлица, сказав ему, что в связи с большими наступательными операциями Красной Армии ежедневно берется большое количество военнопленных и наши московские товарищи сейчас слишком заняты устройством новых военнопленных.

После беседы со мной генерал фон-Зайдлиц несколько успокоился.

Докладываю на Ваше распоряжение.

Начальник оперативного отдела объекта

№ 15/В НКВД СССР — капитан госбезопасности

(подпись)

30 сентября 1945 года «Союз немецких офицеров» и Национальный Комитет «Свободная Германия» были распущены, а генералы и офицеры — члены этих организаций — возвращены в лагерь для военнопленных, в том числе награжденные советскими боевыми орденами.

Часть военнопленных уехала в Германию, заняв различные административные и политические посты в советской зоне оккупации, другие восстанавливали народное хозяйство Советского Союза.

Фон-Зайдлиц некоторое время оставался не у дел. Неожиданно пришло приглашение союзного киноведомства проконсультировать работу по созданию фильма «Сталинградская битва». Он с увлечением принялся за дело. В то же время он готовился к отъезду на родину, одно из его условий было — возвращение в английскую зону оккупации, где в Гамбурге проживала его семья, хлебнувшая лиха. Сам Зайдлиц, после его выступлений с листовками, был заочно приговорен гитлеровским судом к смертной казни. Но в мае 1950 года генерал фон-Зайдлиц неожиданно был арестован, в Красногорском лагере № 271 предан суду военного трибунала и как военный преступник, на основании акта, составленного в 1944 году, приговорен к 25 годам тюремного заключения. Отбывая наказание в Новочеркасской тюрьме, фон-Зайдлиц заболел реактивным психозом.

3 октября 1955 года его репатриировали в ФРГ. Уезжая, он обратился с письмом на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, в котором искренне благодарил советское правительство за все, что оно для него сделало...

Мы опубликовали небольшое количество документов, рассказывающих, как и для чего был создан «Союз немецких офицеров». Разумеется, в этой организации работали и настоящие патриоты Германии, желающие скорейшего краха гитлеровского режима и решившие действовать в интересах советского руководства. Мы не ставим знака равенства между этими людьми и теми, кто перешел на сторону гитлеровцев и убивал своих же земляков и односельчан, хотя бы потому, что против гитлеровского режима и его пособников сражалось все мировое сообщество.

Однако многое из нашей публикации поможет объяснить читателю, что происходило по ту сторону фронта, у Власова...

Публикация и комментарий Л. РЕШИНА

Автор благодарит за помощь в работе архивистов Центра хранения историко-документальных коллекций (использован фонд 451) В. Н. Бондарева, Л. Л. Носыреву, О. А. Зайцеву и архивистов РЦХИДНИ К. М. Андерсона, Э. Н. Шахназарову и Л. К. Карлову.

СЛИШКОМ ВСЕ БЫЛО ЯСНО для Народа

Исповедь палача

Эти мемуары пролежали в секретном архиве семьдесят лет. Написаны они Яковом Юровским. Именно он был организатором убийства Николая II, его семьи и близких им людей. Он же и руководил расстрелом, совершенным июльской ночью 1918 года в подвале реквизированного дома инженера Ипатьева, в центре Екатеринбурга. В полном объеме эти мемуары публикуются впервые.

Детство

Это было давно...

В далекой Сибири в городе Томске в 1886—87 году, сидя летом на бревнах во дворе, размышлял о том, что плохо живется на свете. Думал как бы это добратся к царю и рассказать ему о том, как плохо живется. Но рассказать так, чтобы он думал, что этот голос исходит откуда-то с неба... Мне было 7—8 лет. Мы жили на «Песках», так называлось предместье, которое ежегодно во время половодья затоплялось. Мы занимали в подвальном этаже небольшую квартиру на Миллионной улице в доме Дондо. Хозяин, мясник, жил наверху, а на улицу выходило лавочное помещение, где был кабак родственника хозяина.

В эту весну было половодье, которое застало нас спящими.

Отец был стекольщиком. Семья большая. Нужду терпели огромную.

Когда залило подвал, ночью, хозяин разрешил поднять детей наверх в его помещение. Смутно вспоминаю, что я задавал вопрос: «Почему это мы должны жить в таком подвале, который заливают водой, а дети хозяина и его родственника кабатчика живут наверху в хороших условиях». Мать отвечала: «Лучше жить бедным, но честным». И потом: «Почему к синагоге богатый еврей имеет право подъезжать на лошади в праздник, тогда как евреям это запрещено...». И на этот вопрос я от матери получал ответ: «Так как он приносит пожертвования, то ему это простительно». Я тогда тоже подумывал: «Великая штука, если бы у меня были деньги: не пожалел бы и с удовольствием дал другим». С тех пор подобные мысли меня не покидали. [и я очень желал выхода из тяжелого материального положения]*.

В 1891 году Николай совершал мировое путешествие. Он проезжал по Сибири и ехал в Томск. Все ждали и готовились к встрече наследника престола.

Я тогда уже учился часовому ремеслу. Видя все эти приготовления, они меня захватили, хотя особенной тяги видеть наследника как будто не было. Ребята готовились влезать на крыши, чтобы видеть наследника. Я думал, что если увижу, никуда не лазая, то посмотрю, а если не увижу так что же?

В назначенный день наследник Николай приехал.

Магазин, где я учился часовому делу, был на Почтамтской улице, на самой большой улице города, которая вела к губернскому дому. Таким образом я имел возможность наблюдать из окон и ворот дома, как проезжала процессия. Помню как сейчас, наследник с маленькими бакенами, красивый. Кругом много крестьян на лошадках, с мешками за плечами. Один крестьянин на худой лошаденке, мчавшийся за хорошими рысаками, на которых ехал наследник, с размаху ударился об угловую магазин Корнакова и разшибся вместе со своей лошадей. Наследника провожала свита, особенно гарцовал один грузин. Наследника в Томск, то есть последний перегон, вез один содержатель постоялого двора — еврей, который на тройке вороных и примчал наследника в город. Вызвало тогда немало разговоров, что наследник решил ехать на еврейских лошадях и еврей сам же управлял этой тройкой. Тогда же рассказывали, что наследник пробовал у этого еврея приготовленный еврейский пряник и другие кушанья.

Торжество было огромное. Все предавали огромное значение тому, что в момент проезда наследника погода стояла замечательная, что когда наследник выходил на балкон губернаторского дома, дождик только взбрызнул и уложил пыль, и день был превосходный. Везет же таким великим людям как наследник. Таково было мое первое знакомство с царствующим домом и Николаем.

Лет 15—16-ти однажды в праздничный день, сидя за обедом в нашей семье поднялся вопрос о царях. Отец был довольно строгий и не терпел возражений со стороны детей. Он восклицал Николая Первого, что тот, дескать дубинкой умел учить народ. Я не выдержал и

В тексте полностью сохранены орфография и пунктуация автора.

вступил в спор, что ничего хорошаго в Николае не было и уж ежели было что хорошее так это в Александре Втором: крестьян освободил и не такой грубый, рассказывают, каким был Николай.

Отец не выдержал. Пустил в меня вилкой. Я ушел и целых два дня дома не был.

Вот как я познакомился с царствующим домом и с живыми и с покойниками.

Отец то думал, что он пускает в меня вилкой-то, а это наверное Первый Николай из могилы хотел было запустить: шалишь, брат: не те времена...

А потом у меня жизнь вышибла и даже желание говорить о царях: враги, кровопийцы, угнетатели...

А с последним отпрыском встретился я уже при другой обстановке: когда вся власть была в руках Рабоче-Крестьянского Правительства и царь был у нас на замочке...

Николай нашел свое место

В первых числах июля 1918 года я получил постановление Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Урала предписывающее мне занять должность коменданта в доме так называемого Особого назначения, где содержался бывший царь Николай II со своей семьей и некоторыми приближенными.

7—8 июля я отправился вместе с председателем Областного Исполнительного Комитета Советов Урала тов. Белобородовым в дом Особого Назначения, где и принял должность коменданта от бывшего коменданта тов. Авдеева. Нужно сказать, что как тов. Авдеев так и его помощник тов. Украинцев по-видимому небрежно относились к своим обязанностям, считая лишней проволочкой охрану царя, которого по их мнению надо было поскорее ликвидировать. Такое их отношение не могло не отразиться и на настроении рабочих б. Злоказовского завода, которые находились там в составе охраны, а также красногвардейцев из Сыертского завода, рабочие давно поговаривали, что и Николая, и его семью следовало бы давно расстрелять, не тратя народные деньги на них, на содержание охраны и так далее. Однако пока не было никакого определенного решения из центра по этому вопросу, необходимо было принять меры, чтобы охрана стояла на должной высоте. Нужно сказать, что как сигнализация, которая связывала нас с Советским полком и частями наружной охраны, а также пулеметы расставленные в разных местах, были не в должном порядке. Это обстоятельство понудило меня набрать известных мне закаленных товарищей, которых я взял частью из Областной Чрезвычайной Комиссии, где я был членом коллегии, а частью из Отряда Особого Назначения при Екатеринбургском Партийном Комитете. Таким образом я организовал внутреннюю охрану, назначил новых пулеметчиков, одного из них я особенно помню, товарищ Цальмс (латыш) фамилии остальных товарищей в настоящее время не припомню. Нужно сказать, что на случай пожара также не были приняты меры. Были пожарные приспособления, имелся колодец, из которого можно было брать воду, и я в виду этого занялся организацией всего необходимого на всякий случай. При ознакомлении с арестованными, мне бросились в глаза ценности, которые находились на руках как у Николая, так и его семьи и у прислуживающих: у повара Харитонова, лакея Труппа, а также у врача Боткина и фрейлины Демидовой. В составе арестованных был еще мальчик Седнев, который прислуживал Алексею. Как в доме так и в складе находились царские вещи в огромном количестве мест. Я внес предложение о производстве обыска, но не получил на это разрешение от Исполкома.

Нужно полагать что этот обыск не считали нужным делать в виду того, что в это время напали на след ведения переписки Николая с волей. Считая что оставлять ценности на руках не безопасно, так как это может все-таки соблазнить того или другого из охраны, я решил на свой страх и риск ценности, находящиеся на руках, отобрать. Для этого я пригласил с собой помощника коменданта тов. Никулина, поручил ему переписать эти ценности; Николай, а также дети, громко своего неудовольствия не выражали. Он только просил оставить часы Алексею, так как без них ему будет скучно. Александра Федоровна же выражала громко свое неудовольствие, когда я хотел снять с ее руки золотой браслет, который был одет и закреплен на руке и который без помощи инструмента снять было невозможно. Она заявила, что 20 лет носит этот браслет на руке и теперь посягают на то, чтобы его снять. Принимая во внимание, что такие же браслеты были и у дочерей, и что эти браслеты особой ценности не представляют их оставил. Переписав все эти вещи я попросил шкатулку, которую мне Николай дал, сложил туда вещи, опечатал комендантской печатью и передал на хранение самому Николаю. Когда я приходил на проверку, которую, я установил, Николай предъявлял мне шкатулку и говорил: «Ваша шкатулка цела».

В смысле продовольствия семья получала в начале советский обед. Обеды эти были далеко не изысканные, но снабжение обедами с воли решили прекратить. Обеды стали

готовить на кухне. Кроме того, мне удалось узнать, что из монастыря царской семье приносят ежедневно ватрушки, масло, яйца и т. д. Я это решил принять, но был крайне удивлен, что разрешаются такие вольности. Позднее я узнал, что это было разрешено комендантом Авдеевым, но тов. Авдеев не много передавал семье, а больше оставлял для себя и товарищей. Я решил все принесенное семье передать. Только на второй или третий день мне удалось узнать, что приношение было разрешено тов. Авдеевым. Я решил все приношения прекратить, разрешив приносить только молоко, доктор Боткин заявил мне «Только при Вашем назначении в течении двух дней мы получали полностью все приносимое из монастыря и вдруг мы всего этого снова лишились, дети так нуждаются в питании, а питание так скудно, мы были очень обрадованы, что стали получать все приносимое из монастыря». Однако я отказался передавать все кроме молока, а также решил перевести их на тот паек, который был установлен для всех граждан г. Екатеринбурга, так как продуктов в городе было мало, я считал, что мои заключенные ни чего не делают и могут довольствоваться тем пайком, который получали все граждане. По этому поводу ко мне обращался повар Харитонов с заявлением, что он ни как из четверти фунта мяса не может готовить блюд. Я ему отвечал, что нужно привыкать жить не по царски, а как приходится жить: по арестантски.

Как не трудно было Харитонову справиться с этой задачей, он был вынужден точно отмеривать и отвешивать то количество, которое причиталось на каждый день. Я ему заявил, что ни каких продуктов, в случае нехватки, добавочно не будет отпущено.

Комната где помещались Александра Федоровна с наследником, выходила окнами во двор, который от улицы был отгорожен деревянным забором. Она позволяла себе часто выглядывать в окно и подходить близко к окну. Однажды, однако Александра Федоровна позволила себе подойти к окну. Она получила от часового угрозу ударить штыком. Она пожаловалась мне. Я ей сказал, что выглядывать в окна не полагается.

За три — четыре дня до казни в комнату Александры Федоровны была вставлена железная решетка. Доктор Боткин по этому поводу заявил, что было бы хорошо, если бы такие решетки поставили и в другие окна. Внутренний распорядок во времени был такой: утром вставали до 10 часов. В 10 я являлся для того, чтобы проверить все ли арестованные на лицо. По этому поводу Александра Федоровна высказывала неудовольствие, что она не привыкла так рано вставать. Тогда я сказал, что могу проверять, когда она будет еще в постели. На это она заявила, что она не привыкла принимать, когда она лежит. А я заявил, что мне безразлично, как ей угодно, но я проверять ежедневно должен. Татьяна и Ольга или Мария, чаще Татьяна приходили спрашивать скоро ли можно будет пойти гулять. Александра Федоровна ходили реже. Когда она отправлялась гулять то обязательно с зонтиком и в шляпе. Все же остальные обыкновенно ходили с обнаженными головами. Николай разгуливал по очереди то с одной, то с другой из дочерей. Алексей в это время забавлялся хлопушками с мальчиком Седневым.

Когда я чинил колодец, Николай приблизился ко мне и сделал какое то замечание, но разговора я не поддержал. Однажды, на гулянии, Ольга разговорилась с одним из латышей и спросила у него, где он служил. Тот ответил, что он служил в одном из гренадерских полков, где на смотре видел дочерей царя. Ольга обратилась к Николаю с восклицанием: «Папа, это ваш гренадер». Он подошел и сказал: «Здорово», надеясь вероятно услышать «здравия желаем» но получил простое здравствуй. Долго как мне потом сказал товарищ латыш ему говорить не удалось, так как пришел я и разговор прекратился.

Дочери, особенно Татьяна, часто открывали двери, где стоял постоянно часовой. Старались с ними любезничать, очевидно надеясь разположить к себе конвой. Нужно сказать, что ребята были довольно твердые и конечно, повлиять на них эти заигрывания не могли.

На сколько мне удалось заметить семья вела обычный мешанский образ жизни утром напиваются чаю, напившись чаю, каждый из них занимался той или иной работой: шитьем, починкой, вышивкой. Наиболее из них развиты были Татьяна, второй можно считать Ольгу, которая очень походила на Татьяну и выражением лица. Что касается Марии, то она не похожа и по внешности на первых двух сестер: какая то замкнутая и как будто бы находилась в семье на положении падчерицы. Анастасия самая младшая, румяная с довольно милым личиком. Алексей постоянно больной семейной наследственной болезнью, больше находился в постели и поэтому на гулянье выносился на руках. Я спросил однажды доктора Боткина, чем болен Алексей. Он мне сказал, что не считает удобным говорить, так как это составляет секрет семьи я не настаивал. Александра Федоровна держала себя довольно величественно, крепко очевидно памятуя кто она была. Относительно Николая чувствовалось, что он в обычной семье, где жена — сильнее мужа. Оказывала она на него сильное давление. Положение в каком я их застал, они представляли спокойную

семью, руководимую твердой рукой жены. Николай с обрызгшим лицом выглядел весьма и весьма заурядным, простым, я бы сказал деревенским солдатом.

Заносчивости в семье кроме Александры Федоровны не замечалось ни в ком. Если бы это была не ненавистная царская семья, выпившая столько крови из народа, можно было бы их считать как простых и не заносчивых людей. Девочки например прибегали на кухню, помогали стряпать, заводили тесто или играли в карты в дурачки или разкладывали пасьянс или занимались стиркой платков. Одевались все просто, никаких нарядов. Николай вел себя прямо «по демократически» не смотря на то, что как обнаружилось позднее, у него было в запасе не один десяток хороших новых сапог, он носил сапоги обязательно с заплатами. Не малое удовольствие представляло для них полоскаться в ванне по несколько раз в день. Я однако запретил им полоскаться часто, так как воды не хватало. Если посмотреть на эту семью по обывательски, то можно было бы сказать что она совершенно безобидна.

Мальчик Седнев настолько привык и обжился в семье, что ничего похожего на лакейские услуги, оказываемые наследнику Русского престола не было. Часто своей игрой с собачкой, которая у них была, он приводил в раздражение Александру Федоровну. Он, однако, непокидал этого для него приятного занятия, часто отравлял составные Александры Федоровны. Трушп и Харитонов были слугами с собачей приверженностью к господам.

Доктор Боткин был верный друг семьи. Во всех случаях по тем или иным нуждам семьи он выступал ходатаем. Он был душой и телом предан семье и переживал вместе с семьей Романовых тяжесть их жизни. Всем известно, что Николай и его семья были люди религиозные. Они меня просили нельзя ли им устроить обедню. Я пригласил священника и дьякона. Когда они у меня в комендантской рядились в свое облачение, я их предупредил, что они могут выполнять службу, так как это полагается по их обряду, но что ни каких разговоров им дозволено не будет. Дьякон заявил: «Это что же бывало и раньше и не к таким большим особам ходили. Что напугаешь, и получится скандал, а в этой то обстановке мы отмахаем за милую душу». Обедню служили. Очень усердно молились Николай и Александра Федоровна.

Когда я вступил в должность то уже стоял вопрос о ликвидации семьи Романовых, так как чехославаки и казаки надвигались на Урал все ближе и ближе к Екатеринбург. Какие то связи у Николая с волей существовали.

Ввиду угрожающей обстановки развязка ускорилась.

Развязка возлагалась на меня, а ликвидация на одного из товарищей.

16 июля 1918 года часа в 2 днем ко мне в дом приехал товарищ Филипп и передал постановление Исполнительного Комитета о том, чтобы казнить Николая, при чем было указано, что мальчика Седнева нужно убрать.

Что ночью придет товарищ, который скажет пароль «трубочист» и которому нужно отдать трупы, которые он похоронит и ликвидирует дело. Я позвал мальчика Седнева и сказал ему, что вчера, арестованный его дядя Седнев, бежал, что теперь он вновь задержан. и что он хочет видеть мальчика. Поэтому я его и направляю к дяде. Он обрадовался и был отправлен на родину. Непокойно стало в семье Романовых. Ко мне как всегда, сейчас же пришел доктор Боткин и просил сказать, куда отправлен мальчик. Я ему ответил тоже, что и сказал мальчику, он все же несколько беспокоился. Потом приходила Татьяна, но я ее успокоил, сказав, что мальчик ушел к дяде и скоро вернется. Я призвал к себе начальника отряда товарища Павла Медведева** из Сысертского завода и других и сказал им, что бы они в случае тревоги ждали до тех пор, пока не получат условного специального сигнала. Вызвав внутреннюю охрану, которая предназначалась для расстрела Николая и его семьи, я распределил роли и указал кто кого должен застрелить. Я снабдил их револьверами системы «Наган». Когда я распределял роли, латыши сказали, чтобы я избавил их от обязанности стрелять в девицу, так как они этого сделать не смогут. Тогда я решил за лучшее окончательно освободить этих товарищей в расстреле, как людей неспособных выполнить революционный долг в самый решительный момент. Выполнив все соответствующие поручения, мы ждали, когда придет «трубочист». Однако ни в 12, ни в 1 час ночи «трубочист» не являлся, а время шло. Ночи короткие. Я думал, что сегодня не придут. Однако в 1 1/2 постучали. Это приехал «трубочист». Я пошел в помещение, разбудил доктора Боткина и сказал ему, что необходимо всем спешно одеться, так как в городе неспокойно, и я вынужден их перевести в более безопасное место. Не желая их торопить, я дал возможность одеться. В 2 часа я перевел конвой в нижнее помещение. Велел разположиться в известном порядке. Сам-один повел вниз семью. Николай нес Алексея на руках. Остальные кто с подушкой в руках, кто с другими вещами, мы спустились в нижнее помещение в особую очищенную заранее комнату. Александра Федоровна попросила стул, Николай попросил для Алексея стул.

Я распорядился, чтобы стулья принесли. Александра Федоровна села. Алексей также. Я предложил всем встать. Все встали и, заняв всю стену и одну из боковых стен. Комната была очень маленькая. Николай стоял спиной ко мне. Я объявил, Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Урала постановил их расстрелять. Николай повернулся и спросил. Я повторил приказ и скомандовал «Стрелять». Первый выстрелил я и на повал убил Николая. Пальба длилась очень долго и не смотря на мои надежды, что деревянная стенка не даст рикошета, пули от нее отскакивали. Мне долго не удавалось остановить эту стрельбу, принявшую безалаберный характер. Но когда наконец мне удалось остановить, я увидел, что многие еще живы. Например доктор Боткин лежал опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего, револьверным выстрелом с ним покончил, Алексей, Татьяна, Анастасия и Ольга тоже были живы. Жива была еще и Демидова. Тов. Ермаков хотел окончить дело штыком. Но однако, это не удавалось. Причина выяснилась только позднее (на дочерях были бриллиантовые панцири в роде лиффиков). Я вынужден был по очередно расстреливать каждого. К величайшему сожалению, принесенные с казненными вещи обратили внимание некоторых присутствовавших красногвардейцев, которые решили их присвоить. Я предложил остановить переноску трупов и просил тов. Медведева, последить в грузовике за тем, чтобы не трогали вещей. Сам на месте решил собрать все что было. Никулина поставил за тем, чтобы следить в дороге когда будут проносить трупы, а также оставил одного внизу следить за теми которые еще здесь на месте. Сложив трупы я позвал к себе всех участников и тут же предложил им немедленно вернуть все что у них есть, иначе грозил разправой. Один по одному стали отдавать что у них оказалось. Слабодушных оказалось два три человека. Хотя я имел распоряжение поручить остальную работу тов. Ермакову, я, все же беспокоясь за то, что он эту работу не выполнит надлежащим образом, решил поехать сам. Оставил Никулина. Распорядился чтобы не снимать караулов, чтобы ни чего внешне не изменилось. В 3—3 1/2 утра 17 июля мы двинулись по направлению в Верх-Исетскому заводу. Проезжая двор Верх-Исетского завода, я спросил Ермакова: есть ли у него инструменты на случай, если придется копать яму. Ермаков мне сказал, что у них приготовлена шахта и следовательно ни каких инструментов не надо, но вероятно, кто нибудь захватил. Отъехав версты три от Верх-Исетского завода мы натолкнулись на целый табор пролеток и верховых. Я спросил Ермакова: «Что это значит». Он мне сказал: «Это все наши ребята, которые приехали нам помогать». Для чего тебе понадобилась такая уйма людей, для чего тебе понадобились пролетки. Он сказал. Я думал, что люди все будут нужны. И так как я не знал его плана, я продолжал следовать в своем грузовике. Ни один раз мы застрелили в грязи. В одном месте мы зацепились между двумя деревьями и остановились. Дальше было болото. На грузовике ехать было нельзя. Рабочие, среди которых были и не члены Исполкома Верх-Исетского завода выражали неудовольствие, что им привезли трупы, а не живых, над которыми они хотели по своему поиздеваться, чтобы себя удовлетворить... Когда начали перегружать в пролетки, это оказалось крайне и крайне неудобно (телег захватить не догадались). С величайшим трудом пришлось уложить трупы в пролетки, чтобы следовать дальше. Обещанной шахты не оказалось. Где эта шахта, никто не знал. Когда начали разгружать с грузовика трупы, ребята снова начали обшаривать карманы. Здесь обнаружилось, что в вещах, очевидно что то такое зашито, и я тут же решил, что прежде, чем буду их хоронить, эти вещи сожгу. Пригрозил ребятам, чтобы они этим делом не занимались и продолжали погрузку. Верховые поехали отыскивать эту шахту о которой говорили. Проездив некоторое время, они ни какой шахты не нашли, вернулись ни с чем. Начало уже светать. Крестьяне выезжали на работу. Ни чего другого не оставалось, как двинуться в неизвестном направлении. Ермаков убеждал, что он знает где то дальше шахту, и мы в этом направлении поехали. Верстах в 16 от Верх-Исетска и в верстах 1 1/2 или 2 от д. Коптяков мы остановились. Ребята поехали в лес и вернулись сказав, что шахту нашли. Мы свернули в лес. Шахта оказалась очень мелкой. Какая то заброшенная старательская. Распрягли лошадей. Разложили костер. Поставили стражу из верховых вокруг леса. Отогнали бывших вблизи крестьян. Окружили место верховыми. Я приступил к разлеванью трупов. Раздев труп одной из дочерей, я обнаружил корсет в котором было что то плотно зашито. Я распорол и там оказались драгоценные вещи. Масса народу при такой обстановке была совершенно не желательна. Драгоценности невольно вызывали крики, восклицания. Не зная хорошо этих ребят, я сказал: «Ребята, это пустяки: простые какието камни». Остановил работу и решил распустить всех, кроме некоторых, наиболее мне известных и надежных, а также несколько верховых. Оставив себе пять человек, и трех верховых, остальных отпустил. Кроме моих людей было еще человек 25, которых приготовил Ермаков. Я приступил снова к вскрытию драгоценностей. Драгоценности оказались на Татьяне, Ольге и Анастасии. Здесь подтвердилось особое положение Марии в семье на

которой драгоценностей не было. На Александре Федоровне были длинные нитки жемчуга и огромное витое золотое кольцо или вернее обруч, более полуфунта весом. Как и кто носил эту штуку мне показалось очень странным. Все эти ценности я тут же вынимал из искусно приготовленных лифчиков и корсетов. Драгоценностей набралось не менее полпуда. В них находились бриллианты и другие драгоценные камни. Все вещи (платье и т. д.) здесь же на костре сжигались. У всех на шее были одеты подушечки, в которых были зашиты молитвы и напутствия Гришки Разпутина. На месте, где были сожены вещи находили драгоценные камни, которые, вероятно, были зашиты в отдельных местах и складках платья.

Однако из после прибывших красногвардейцев принес мне довольно большой бриллиант, весом каратов в 8 и говорит, что вот возьмите камень я нашел его там где сжигали трупы.

По распоряжению Уральского Областного Исполкома мною были эти драгоценности отвезены в Пермь и переданы тов. Трифонову. Позднее тов. Трифонов вместе с тов. Филиппом (Голощекиным) и тов. Новоселовым «предали эти вещи Уральской пролетарской земле», как об этом выразился тов. Смилга, в одном из домиков, специально для этого временно занятom в Алапаевском заводе. В 1919 году после занятия Урала эти вещи были выкопаны и привезены в Москву.

Место для вечного упокоения Николая было выбрано крайне неудачно. Но ни чего не оставалось делать, пришлось временно опустить их в эту шахту для того чтобы на следующий день или в тот же, если успеем предпринять что то другое. Мы спустили трупы в шахту. Воды в шахте было не более аршина или полтора. Я оставил охрану. Поставил разрезных. Сам отправился в город, чтобы доложить Совету, что так оставлять дело нельзя. Увидел в Совете товарищей Сафарова и Белобородова. Доложил, что было сделано. Указал на невозможность оставления их в этой шахте. Сказал, что необходимо отыскать другое место, ночью поехать их извлечь и похоронить в другом месте. Тов. Белобородов и Сафаров мне тогда ответа не дали. Позднее тов. Филипп предложил одного товарища, который должен был каким то другим способом уничтожить трупы. Я отправился к Чуцкаеву, который был тогда председателем Екатеринбургского Городского Совета, чтобы узнать, неизвестны ли ему какие нибудь глубокие шахты вблизи Екатеринбурга. Тов. Чуцкаев сказал, что на 9 версте по Московскому тракту имеются глубокие шахты. Я решил, что лучшим местом будут эти шахты. Я взял машину и отправился. От Чуцкаева я отправился в Чрезвычайную Комиссию там застал снова Филиппа и других товарищей. Здесь порешили сжечь трупы. Но так как никто с этим делом не знаком, то не знали как и что сделать. Однако решили все таки их сжечь. Я поехал к Заведующему Отделом Снабжения Уральского Народного Хозяйства тов. Войкову, заказал три боченка керосину, три банки серной кислоты. Затем отправились верхами с тов. Павлушиным посмотреть, как обстоит дело на месте, и где это лучше устроить. Поехали мы туда поздно вечером. В дороге у меня лошадь упала и сильно придавила мне ногу, я встать не мог. Пролежав несколько минут, пересел на другую и кое как поплелся. Приехали на место. Я предложил похоронить их в разных местах: во первых по дороге, где имеются глиняные дороги и следовательно, следы легко замести, а во вторых в болоте. На том мы с товарищем Павлушиным и порешили. Частью сжечь, частью похороним. Мы вернулись обратно в Исполком. Я просил тов. Павлушина съездить по кой каким делам в связи с этим. Павлушин поехал, я в это время был у тов. Войкова насчет керосина и серной кислоты, которую не так уж просто было добыть. Необходимы были лопаты, которых у заведующаго снабжением не было, но у дворника во дворе было несколько лопат, которые мы взяли. Павлушина все не было. Продав некоторое время, я пошел в Чрезвычайную Комиссию. Оказалось, что Павлушин лежит в постели. Возле него доктор. Он свалился с лошади и разшиб себе ногу и едва ли может поехать. Между тем вся работа по сжиганию возлагалась на него, как на человека якобы имеющего так сказать некоторый опыт в операциях более или менее сложных. Но все таки необходимо было это проделать, что было дело не легкое. Я пользуясь положением товарища комиссара Юстиции Уральской Области, сделал распоряжение в тюрьму, чтобы мне прислали лошадей и телег без кучеров. Прибыли телеги часов в 12 1/2 ночи. Погрузив все необходимое, посадив в пролетку тов. Павлушина, мы отправились. Часам к 4 мы добрались до места и стали вытаскивать трупы. Деревня Коптяки расположена всего в 2 верстах от того места где была наша шахта. Нужно было обезопасить это место. Я послал в деревню людей сказать, что бы ни кто не смел выезжать из деревни, так как здесь сейчас происходит разведка, возможно, завяжется перестрелка и по этому возможны жертвы. Поставя верховых, мы продолжали свою работу. Извлечение трупов вышло делом не легким. К утру мы однако трупы извлекли. Вывезли их поближе к дороге и я решил похоронить Николая и Алексея. Мы выкопали довольно глубокую яму. Это было вероятно часов около 9 утра. Кто то заметил, что подъезжал мужик. Был тут и Ермаков. Мужик этот оказался знакомым Ермакова, Ермаков уверял, что мужик ни чего не видел, и он его

отпустил. Мною было отдано распоряжение, что ни в коем случае прорвавшегося насильно, живым не отпускать. Я проверил видел ли мужик, что здесь происходило и выяснилось, что он несомненно мог видеть и разумеется, разболтал, что здесь что то такое делалось. Я решил отнестись глубже в лес трупы и снова отправился в город и решил на всякий случай запастись еще одним местом. Не без труда добыв автомобиль, отправился на Московский тракт к тем шахтам о которых накануне говорил Чуцкаев.

Верстах в 1 1/2—2 от шахт автомобиль сломался. В течении часа или полуторах починить автомобиль не удалось. Я решил отправится пешком осмотреть эти шахты. На этих шахтах было несколько сторожей с их семьями. Шахты были довольно глубоки и я решил, что это будет самым лучшим местом где можно похоронить Николая с его семьей, где их никто не отыщет. Вернувшись к автомобилю, я увидел автомобиль в том же положении. В город двигаться пешком было невозможно. Я решил остановить первую попавшуюся лошадь или машину. Как раз проезжала пара лошадей. Я остановил: «Ну друзья, вы куда едете, мне нужны лошади». «Но позвольте это товарищ Юровский», «Да товарищ Юровский. А вы кто такие». «Знакомые». «Ну так вот что ребята. Необходимо мне ехать в город, а машина поломалась». «Да мы торопимся». «Ну, что же машина довезет вас, ребята». Согласились. На этих лошадях я приехал в Екатеринбург. Пришлось заняться розыском автомобиля. Дело было не легкое. А мои товарищи, второй день были без продовольствия. Нужно было отвезти и еду. Я отправился в авто-базу Окружного Военного Комиссариата. Там я почти никак не застал. Машины свободной не оказалось. Однако, один паренек, очевидно откуда то пронюхавши или догадавшись, говорит: «А это вам надо машину грузовик и так далее. Хорошо я вам сейчас дам. Но вот какая вещь. Машина есть только Стогова, легкая». «Давай Стогова, так Стогова какая разница». Генерал Стогов был Начальником Военных Сообщений: впоследствии он был разстрелян за белогвардейщину. Грузовик с продовольствием отправил. Отправил и второй грузовик. Поручил, чтобы все трупы погрузить в телеги, а потом где можно будет свободно проехать, чтобы можно было перегрузить в грузовики, чтобы люди поели и так далее. Позднее я отправился на грузовике и на легкой машине по одной дороге, а по другой отправил товарищей для того, чтобы проследить, каким путем будет удобнее ехать обратно, так как я решил вести трупы на автомобилях. Велел приготовить камни, веревки, чтобы привязав к телам эти камни спустить их в шахты. Проехав линию железной дороги, верстах в двух я встретил движущийся караван с трупами. Часов в 9—9 1/2 вечера мы пересекли линию железной дороги, где и решили перегрузиться на грузовики. Меня уверили, что здесь дорога хорошая. Однако на пути было болото. Потому мы взяли с собой шпал, чтобы выложить это место. Выложили. Проехали благополучно. В шагах десяти от этого места мы снова застряли. Провозились не менее часа. Вытащили грузовик. Двинулись дальше. Снова застряли. Провозились до 4 утра. Ничего не сделали. Время было позднее. Один из легких грузовиков с другими товарищами и с тов. Павлушиным где то так же застрял. Публика возилась третий день. Измученная. Неснавшая. Начинала волноваться: Каждую минуту ожидали занятия Екатеринбурга чехо-словаками. Нужно было искать иного выхода.

Я решил использовать болото. А часть трупы сжеч. Разпрягли лошадей. Разгрузили трупы. Открыли бочки. Положил один труп для пробы как он будет гореть. Труп, однако обгорал сравнительно быстро, тогда я велел начать жечь Алексея. В это время копали яму. Яму в болоте копали там, где были намощены шпалы. Выкопали яму аршина в 2 1/2 глубиной, аршина три в квадрате. Уже было под утро. Жечь остальные трупы не представлялось возможным, так как снова начали крестьяне собираться на работу и поэтому пришлось хоронить эти трупы в яме. Разложив трупы, в яме, облили их серной кислотой, этим закончили похороны, Николая и его семьи и всех остальных. Наложили шпалы. Заровняли. Проехали. Прочно.

Место где были сожжены трупы, мы тут же выкопали яму, сложили туда кости, снова зажгли костер. И замели следы.

После этой тяжелой работы на третьи сутки, т. е. 19 июля утром закончив работу, я обратился к товарищам с указанием на важность работы и на необходимость полной тайны до тех пор, пока станет официально известным. Отправились в город. На следующий день утром я по поручению Исполнительного Комитета уехал в Москву с докладом Председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета товарищу Я. М. Свердлову.

Первоначальное место похорон было, как я уже указал раньше, в 16 верстах от Екатеринбурга и 2 верстах от Коптяков, последнее же место находится приблизительно в 8—8 1/2 верстах от Екатеринбурга в 1 1/2 приблизительно верстах от линии железной дороги.

Как меня искали

26 июня 1918 года как только чехо-словаки заняли Екатеринбург, была разграблена моя

квартира и моя мать старушка 70 лет была арестована и посажена в тюрьму при чем у нея были отобраны все ее вещи вплоть до белья. Она почти год просидела в тюрьме в одной рубашке босиком и только по счастливой случайности не была разстреляна. Перед отступлением белых, кто то из медцинского персонала уговорил ее пойти в тифозный барак. У нее все время требовали выдать сына т. е. меня. Обращались с ней по варварски: ругали площадной бранью или кричали: «Сволочь, родила такого сына». Я конечно не говорил матери ни чего о моем участии в казни Николая. А не говорил я ей по тому, что она уезжать из Екатеринбурга решительно отказалась, заявляя, что она стара и что ее как старуху вероятно не тронут, а в крайнем случае все равно умирать. А так как по натуре она не правды говорить не могла ей было бы разумеется трудно отговариваться. А так как она прямо ни чего не знала, а только догадывалась, то она на вопросы: «Где семья Николая. Где они». Отвечала: «Я мол знаю ухват, кочергу, кухню и т. д. а больше ничего не знаю». А когда ее спрашивали за кого она за большевиков или за белую власть она отвечала: «Я за сына». Когда ей однажды указали на то, что она напрасно упирается, что стоит ей все рассказать и она будет свободна, а иначе ее расстреляют за заперательство и тут же добавили, что сын уже в наших руках. Она ответила: «Ну что-же и я в ваших руках, что хотите то и делайте»... Снова ругань и угрозы.

Товарищи, сидевшие вместе с ней немногие из уцелевших (так как известно, что перед отходом белых под напором Красной Армии из Екатеринбургской тюрьмы было выведено 600 человек из которых спаслось массовым бегством человек 30 остальные были зверски разстреляны) из них ныне покойная Сима Дерябина, живы: Ольга Даниловна Лобкова (ныне Сосновская), Аня Лирман и многие другие фамилии которых не помню. Называли мою мать бабushкой рабочей революции за ее постоянно веселый и бодрый характер. Часто в тягостные минуты ее упрекали, что она поет песни, она отвечала: «А чего же тужить». Но однако варварские условия содержания в тюрьме надорвали ее силы и она спустя 6 месяцев по освобождению из тюрьмы скончалась от паралича сердца. Она за это время принимала горячее участие в субботниках и вообще была полна жизни не смотря на то что ей был 71 год. Здесь не входит в мою задачу писать биографию матери вообще и в частности за период революции, но я не мог отказать себе в удовольствии сказать несколько слов о горячо любимой матери с ее вечно живым характером, перенесшей массу страданий за свою долгую жизнь и последние годы из-за меня.

В Томске приблизительно в ноябре 1918 года были арестованы два моих брата, жена брата и еще несколько человек оказавшихся в момент ареста в квартире брата Леонтия. Второй брат Илья приехал в Томск лечится и вместо профессоров оказался в руках белогвардейцев. Леонтий рассказал мне следующее. Однажды весь квартал, где он жил был окружен целой ротой солдат. Вошли в квартиру офицеры и солдаты (брат часовщик сидел за верстаком, работал) офицер спросил: Ваша фамилия». Тот ответил: «Юровский». Взглянув на него офицер воскликнул: «Вот его то и надо». Всем было объявлено, что они арестованы и у брата потребовали немедленно выдать шкатулку с ценностями взятуу у царя. На его заявление, что здесь какое то недоразумение, посыпались ругательства и угрозы с криками «цареубийцы». Немедленно всех связали начали обшаривать квартиру, взломали штыками полы, разворотили печи, стены, но разумеется ничего не нашли. Это оголтелое белогвардейское офицерство не обратило внимание на почти нищенскую обстановку, на оборванных ребятшек. Были уверенны, что именно здесь должны быть царские ценности и что именно тут цареубийцы, которых они тщательно в бешенстве разыскивают. Всех увезли в Омск, заковав предварительно в ручные и ножные кандалы. Там их продержали некоторое время. Отправили в Иркутск. Затем в Читу. Позднее опять в Иркутск. И так в течении 8 месяцев держали под угрозами разстрела. Очевидно их держали не разстреливая в надежде создать процес. Но Красная Армия освободившая Сибирь, освободила и их.

В интересах выяснения этого факта, я счел необходимым теперь же изложить подробно историю казни бывшего царя Николая его семьи и приближенных, не желавших оставить царскую семью не смотря на предложение Исполкома.

Белогвардейская, колчаковская и другая печать в том числе и заграничная, описывает этот факт в совершенно извращенном виде (да они и не могли иметь всех данных).

Она старается изобразить нас как разбойников и палачей. А между тем великодушие пролетариата являет пример, не знающий образцов. Примеров же зверств белогвардейцев сколько угодно: 26 комиссаров казенных зверски в Грузии, тов. Радек у шейдемановцев на железной цепи в какой то трущобе и т. д.

Ведь нужно подумать: преступления Николая: сколько крови рабочих и крестьян не только своих «подданных», но и кровь иностранных рабочих выпил этот Всемирный жандарм-кровопиец. И чтож: в Тобольске он живет еще по царски и только в Екатеринбург-

ге он переводится на положение среднего буржуа. Имеет четыре прислуги, занимает 6 комнат. Ни каких оскорблений четыре царские дочери не получали. Сравните поведение царских палачей, интеллигентных белогвардейцев, претендующих на цивилизованность, по отношению к нашим, к рабочим и крестьянам, красноармейцам.

Восставший пролетариат, забитый нуждой, безграмотный, имея полную возможность и полное право излить свою вековую злобу на попавших в их руки злодеев.

И, однако, какая красота: вставшие для раскрепощения человечества, даже в отношении своих злейших врагов являют безпримерное великодушие, не оскорбляя, не унижая человеческого достоинства, не заставляя страдать напрасно людей, которые должны умереть потому, что того требует историческая обстановка.

Люди строго выполняют тяжелый революционный долг, разстреливаемые узнают о своей судьбе буквально за две минуты до смерти.

Разговоры о том, что царя и его семью нужно было разстреливать инородцам-латышам, что будто бы русские рабочие и крестьяне не могли дойти до разстрела, это разумеется чепуха, которой поверить могут только глупо и безнадежно тупые монархисты.

Факт ускорения казни и его семьи был вызван не нами, а наступлением контрреволюционеров и в особенности чрезвычайные «заботы» о судьбе Николая со стороны его ближайших высоких родственников и приближенных. Насколько это было своевременно, показывает то обстоятельство, что ни в Екатеринбурге, ни в других местностях в пределах Р.С.Ф.С.Р. в тогданных ее границах, и в остальной территории России эта казнь не вызвала выступления или протеста низов.

Значит, уничтожение самодержавия и персонально Николая и его семьи в сознании народа настолько созрело, что пожалуй это было сделано слишком поздно, чем это нужно было по ходу революции.

Здесь нужно упомянуть о полученном мною в 1919 году (после занятия нами Екатеринбурга) письма, от группы крестьян деревни Коптяки за подписью «доброжелатели», предупреждающее меня о грозящей мне опасности со стороны некоторых неисправимых слепых поклонников кровавого царя.

Насколько было правильно наше решение в этот момент, свидетельствует то, что нам приходилось сдерживать напор рабочих Урала, считавших необходимым возможно скорее покончить с никому ненужным хламом, который может сыграть злую роль в неблагоприятных условиях борьбы за укрепление власти трудящихся.

Суд Революции был судом народа.

События и обстановка борьбы выбросили за борт и организацию суда над Николаем и публичность его казни.

Слишком все было ясно для народа...

Яков Юровский

Апрель-май 1922г.
Москва

* В скобках фраза зачеркнута.

** Павел Медведев, которому в Перми было поручено взорвать мост, честно оставался на посту и на глазах противника, после неудачной попытки взорвать мост, бежал и спустя два месяца был каким-то предателем выдан белым. По неточным сведениям он погиб от пыток, так как был твердый товарищ, не желавший давать показаний. (Примеч. авт.)

Они бродят с утра до ночи в поисках Вина и Женщин

Публикуемый ниже архивный материал возвращает нас к событиям пятидесятилетней давности, когда летом 1942 года в Исландии был сформирован очередной союзнический конвой транспортных судов с военной техникой и другими грузами, направляемыми тогда в СССР по договору о ленд-лизе. Вошедший в историю второй мировой войны под названием PQ-17, этот конвой имел трагическую судьбу. Преследуемый в водах Северной Атлантики вражескими бомбардировщиками, торпедоносцами и подводными лодками, он в течение четырех суток успешно отражал их атаки. Однако 4 июля из британского морского штаба неожиданно поступили радиограммы кораблям боевого охранения следовать обратным курсом, а транспортным же судам предписывалось «рассеяться и следовать в советские порты»¹. Далее началось самое страшное. Почувствовав полную безнаказанность,

немецкие самолеты и субмарины принялись методически расстреливать и топить беззащитные суда. И хотя на поиски и прикрытие транспортов командование нашего Северного флота направило почти все корабли и авиацию, только 11 судам удалось дойти до советских портов. Потери оказались весьма существенными: вместе с 24 судами, общим тоннажем около 134 тыс. тонн, пошли ко дну 3350 автомашин, 430 танков, 210 бомбардировщиков и около 100 тыс. тонн других грузов². Присутствующие в докладной записке описания, связанные с вражеским нападением на транспорты и поведением при этом их экипажей, содержат немалую долю передержек, обусловленных как непрофессионализмом автора, так и тем обстоятельством, что документ готовился по горячим следам, в атмосфере неустоявшихся разноречивых мнений и эмоционального напряжения. Нет в этом документе и объективного анализа той экстремальной ситуации, в которой оказались по сути дела брошенные на произвол судьбы иностранные моряки, кстати сказать, в большинстве своем гражданские люди. Отсюда такие категоричные и в общем-то несправедливые оценки их поведения, за которыми без труда угадывается агитпроповский миф о заведомой ущербности человека капиталистического мира и нравственном превосходстве советских людей. Весьма колоритны те места в докладной записке, где речь идет о психологической реакции иностранцев, впервые непосредственно столкнувшихся с убогим советским бытом и примитивной коммунистической пропагандой, тем более, что эта реакция дана в восприятии типичного для сталинской эпохи догматика-партфункционера.

СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б) —

тов. АНДРЕЕВУ А. А.

тов. МАЛЕНКОВУ Г. М.

тов. ШЕРБАКОВУ А. С.

Об американских и английских моряках, находящихся в Архангельском порту.

В Архангельском порту находится в настоящее время 40 английских и американских судов, 14 из них торговые суда, остальные военные. Суда стоят в порту с 27 июля. По данным уполномоченного Наркомвнешторга в Архангельске т. Герасимова, в командах иностранных кораблей насчитывается не менее 8 тысяч человек, из них 1.250 человек команды с потопленных кораблей. Из 35 судов, шедших с грузом из Америки и Англии, погибло 22 судна. Начальник политотдела Северного морского пароходства т. Кольтяков рассказывает о возмутительных обстоятельствах гибели судов. Караван судов вышел из порта Исландии сильно вооруженным и в сопровождении большого количества военных судов и самолетов. Как только показался первый немецкий разведчик и вслед за ним бомбардировщик, военные корабли и самолеты ушли обратно к берегам Исландии. Караван был разбит на отдельные суда (как выражается Кольтяков, «спасайся кто как может»), и немецким самолетам была предоставлена возможность безнаказанно расстреливать их поодиночке. Команды не приняли никаких мер к защите пароходов и бросали их зачастую совершенно невредимыми. Были отдельные случаи, когда английские подводные лодки торпедировали английские пароходы с грузами, после того как команды были уже в шлюпках. На глазах наших 11 моряков с погибшего парохода «Киев» одно судно, брошенное моряками, спокойно покачавшись на волнах, скрылось за горизонтом целое и невредимое.

Тов. Кольтяков в своей информации начальнику политуправления Наркомморфлота т. Белахову сообщает беспримерные факты трусости американских и английских моряков. Команда американского судна «Олопано», приняв чайку за немецкий самолет, бросилась в шлюпки и побросала в воду все свое вооружение. Через несколько минут, смущенные, они вернулись на пароход. У Новой Земли наш советский пароход «Диксон» обнаружил брошенный американцами пароход «Wuiston falem». Команда «Диксона» принялась за разгрузку американского парохода. Команда этого парохода спокойно наблюдала за разгрузкой, вначале не принимая никакого участия, пока их не пригласили наши моряки. «Wuiston falem» находится сейчас целый и невредимый в Архангельском порту. Вместе с английски-

ми и американскими пароходами из Исландии шли два советских судна «Донбасс» и «Азербайджан». Команды этих судов героически защищали свои суда от немецких самолетов и подводных лодок и доставили грузы без повреждений. «Азербайджан» был торпедирован и пришел в порт весь израненный, с огромной пробойной.

Об обстоятельствах отправки судов из Америки пытались рассказать работнику Всесоюзного Радиокомитета т. Мендельсону два американских моряка — Мильтон Коттон из г. Вустер Массачусетс с судна «Олопано» и Фрэд Рид из Нью-Йорка с судна «Хупор», причем последний назвал себя коммунистом. Они заявили, что при отправке из Америки погрузкой руководила компания, во главе которой находится германский офицер, бывший капитан «Левифана». На всех ящиках с грузами было написано «Амторг», «В Россию». Обещанной им в Америке защиты авианосцев и линкоров в пути не было. Из 3 месяцев пути 2 месяца суда стояли без всяких оснований в Исландии, Шотландии, Ирландии. Никакой работы там не производилось. Основной причиной гибели судов они считают то, что караван был рассеян поодиночке. Все эти факты они называют явным саботажем отправки грузов в СССР.

Мендельсон прекратил беседу с американскими моряками на эту тему, боясь провокации, но им очень хотелось более подробно рассказать об обстоятельствах гибели судов.

В беседе с этими же американцами удалось выяснить некоторые настроения англичан и американцев, находящихся в Архангельске. Недоумение и даже озлобление, особенно среди американцев, вызывает существующее, как они говорят, неравенство в Советском Союзе. Основанием для самых оживленных разговоров на эту тему, буквально на каждом углу, является запрещение пользоваться рестораном в гостинице «Интурист» рядовому составу команд английских и американских пароходов. 7 августа в общежитии моряков с погибших пароходов американский лейтенант Френкель на собрании американских моряков заявил: «Мы пошли к русским властям, к главному комиссару в Архангельске и он со всей настойчивостью заявил, что только капитаны и старшие офицеры получают питание в ресторане «Интурист», чтобы вы там не говорили или не делали. В России существует такая кастовая система на практике, с которой ему (Френкелю) не приходилось нигде ранее встречаться».

Для понимания такой страстности суждения этого вопроса нужно иметь в виду

тот факт, что на американских торговых судах профсоюз моряков добился полного равенства в питании рядового состава с командным. Но не меньшее озлобление вызывает этот факт и среди англичан. Три английских моряка в коридоре гостиницы «Интурист» заявили Мендельсону (по-видимому, они приняли его за англичанина): «В Англии нам рассказывали, что здесь все равны. Все врут, у них нет никакой демократии. Больше сюда не поедем и никто больше не поедет. Мы рисковали жизнью, как же нас здесь встретили. В моей стране я привык есть хорошо».

Встречаются такие же настроения и в книге отзывов в Интерклубе. Так, например, Герберт М. Софильт из г. Бойс штата Айдахо записал: «Мы рискуем нашей жизнью на кораблях, везя грузы для СССР, а здесь с нами обращаются, как с собаками. Добрая старая демократия!».

Мильтон Коттон и Фрэд Рид рассказали также, что кроме вопроса о ресторане иностранных моряков волнуют и другие вопросы. Прежде всего, как они говорят, недостаток организованности.

Большую партию моряков с потопленных кораблей в самом начале поместили в госпиталь. Отобрали у них одежду и обеща-

ли вернуть через 2 дня. «У нас в Америке, — заявляют они, — самый последний реакционер, самый последний негодяй, но если он говорит 2 дня, так это 2 дня». Одежду им вернули через 2 недели вместо 2 дней. Про этот же факт рассказывал комиссар флотилии т. Калужский. Когда в городе стало известно, что прибывает большая партия моряков, то начались споры между всеми ведомствами (Наркомвнешторг, Горисполком, Инфлот и др.), кому принимать, кто должен предоставить помещение, и спорили вплоть до прибытия моряков, помещения не подготовили, поместили в госпиталь и моряки разгуливали по городу 2 недели в нижнем белье и халатах. В результате пошли сравнения с приемом советских моряков в Англии, где наших моряков поместили в отдельные комнаты и одели в хорошие костюмы.

Вызывают недоумение у американцев и англичан цены. За 5 долларов 67 центов они получают официально 30 рублей. За 30 рублей они могут только прилично пообедать в ресторане, в то время как в Америке они за 60 центов получают хороший обед. Чтобы получить больше советских денег на водку, ресторан, кино и т. д., моряки ведут бойкую торговлю сигаретами, шоколадом и други-

ми вещами. Главный покупатель — дети. На каждом углу центральных улиц города можно встретить иностранцев, окруженных подростками. моряки удивленно спрашивают, откуда у советских детей такие большие деньги (500-600 рублей). Мальчишки платят по 5 рублей за сигарету, по 80-100 рублей за 5-10-центовой кусок шоколада, спекулируют на любви иностранцев к жетонам. Красноармейские звездочки, портреты Ленина и Сталина являются чуть ли не главным предметом спекуляции у архангельских ребят.

Коттон и Рид, подводя итог своей беседы сказали: «Мы не узнаем своих людей, честные стали бесчестными. Всем этим пользуются враги Советской страны».

Но было бы неправильно сделать заключение, что среди моряков существуют только такие настроения, та же книга отзывов говорит, причем в большинстве записей, о хорошем отношении к СССР. Так, например: «Нас потопили, но мы готовы к дальнейшему. Мы здесь в пятый раз, но не в последний».

Встречается такой интересный диалог:

Моряк Кеннод Гуинел с потопленного судна «Вашингтон» записал: «Может кому-нибудь и нравится эта страна, но я предпочитаю Америку».

Ему в ответ следующая запись: «Понятно почему. Вы покинули судно прежде чем в вас попало что-либо и выбросили белый флаг. Мы прошли мимо вас. Мы это видели».

В книге за конец июля и начало августа встречаются целые пачки приветов Джо (Сталину).

Джеймс Эрбертс записал: «После того, что я здесь побыл целый месяц, я все еще продолжаю говорить, что здесь народ действительно борется с гитлеризмом, мы же в целом ничего не делаем насчет второго фронта, чтобы помочь этим людям».

Вопрос о втором фронте обсуждается среди моряков очень горячо. Об одной беседе моряков в Интерклубе имеется интересный материал у писателя Юрия Германа, который он отправил в Совинформбюро. Эти вопросы обсуждаются настолько горячо, что поводом к одной крупной драке был разговор американского и английского моряков о втором фронте. По словам комиссара флотилии т. Калужского, в драке участвовало до 200 человек американцев и англичан.

Объективные условия жизни иностранных моряков в Архангельске, особенно моряков с потопленных судов, способствуют процветанию спекуляции, вредной болтовни (по словам нач. политотдела т. Кольцова, иностранным морякам совершенно чуждо понятие государственной и военной

тайны), дракам, пьянству, проституции. Несколько тысяч здоровых молодых людей, хорошо питающихся, находятся в течение месяца в условиях полного безделья. Они бродят с утра до ночи по улицам города в поисках вина и женщин. Не случайны такие записи в книге впечатлений в клубе: «Нечего пить», «Тут слишком мало девушек». Советские девушки, фланирующие по набережной и улицам города в паре с иностранными моряками, моряки, тянущие водку из горлышка тут же где-нибудь на крыльце или на рынке, — явления, обычные для Архангельска.

Местные специальные органы располагают данными о том, что знакомство иностранных моряков с советскими девушками получило широкое распространение. Основной приманкой для женщин и девушек являются подарки от иностранных моряков. Сами моряки рассказывали, что они ходят к девушкам на квартиры и что в завязывании знакомства большую роль играет шоколад.

Меры, предпринимаемые органами милиции и НКВД, очень малоэффективны. Из Архангельска было выслано 30 девушек за проституцию. Но это не произвело никакого впечатления на остальных.

Партийные и комсомольские организации во главе с обкомом и горкомом никакой работы с населением, в связи с наплывом иностранцев в Архангельск, не проводят. Проведенное мной совещание секретарей райкомов партии и комсомола показало, что они даже серьезно не ставили эту задачу перед собой. Обком и горком партии не занимались также по-настоящему работой среди иностранных моряков. Вся деятельность отдела пропаганды обкома свелась к постановке вопроса перед ЦК союза моряков о замене директора клуба и к просмотру планов политических бесед, кстати составленных неудачно.

Основной базой нашей работы с иностранными моряками должен был являться Интернациональный клуб. Ежедневно через клуб проходит 500-600 моряков. Кроме кино и танцев, за полгода существования клуба моряки ничего там не получили. Иногда в клубе проводятся беседы, но темы их берутся из архивов довоенной практики интерклубов, без учета военного времени и особой аудитории. При составлении планов политической работы среди иноморяков отдел пропаганды обкома не учитывает совершенно такие важнейшие факты, как трусость иноморяков при перевозке грузов, отсутствие у иноморяков понимания военной и государственной тайны, проникновение в среду иностранных моряков фашистов (на американском пароходе «Труба-

дур» команда была так подобрана, что капитан с трудом довел пароход до нашего порта и сейчас не хочет с ней возвращаться обратно. Уже в Молотовском порту на пароходе появились надписи «Да здравствует Гитлер», «Да здравствует победа Германии». 13 человек из команды были арестованы). Вместо того, чтобы противопоставить всем этим фактам рассказы о героизме наших советских моряков, воспитывать у иностранных моряков чувство бдительности, на примерах зверств, грабежа и насилий фашизма в ряде областей нашей страны и в оккупированных странах Европы показать американцам и англичанам, что несет гитлеризм и для их родины, вытаскиваются такие темы из довоенной практики интерклубов, как «Профсоюзы в СССР», «Колхозы в СССР», «Москва — столица СССР», «Брак и семья в СССР», «Национальности Советского Союза».

В практике работы Интерклуба отсутствовала такая простейшая форма работы, как сообщение сводок Советского Информбюро, в то время как на всех иностранных судах существуют радиоприемники и моряки ежедневно слушают английские и немецкие сводки. В гостинице «Интурист», в общежитиях моряков ежедневно вывешивается сводка Английского информбюро.

Ослабости нашей политической работы среди иноморяков свидетельствует и такой факт, как попытка представителя английской миссии капитана Монта забрать клуб в руки миссии.

После показа картины «Праздник св. Йоргена» капитан Монт заявил директору клуба, что картина оскорбила религиозные чувства англичан, поэтому во избежание недоразумений в будущем он предложил себя в качестве главного цензора советских картин, демонстрируемых в клубе. Далее он предложил во главе клуба создать комитет из англичан, американцев и представителей других национальностей из иноморяков. Иначе, по мнению Монта, это не будет Интерклуб.

Основной причиной совершенно неудовлетворительной работы среди иноморяков является нигде не годный состав работников в Интерклубе и неумение профсоюзных органов ВЦСПС, ЦК союза моряковнастоящему политически руководить этим делом. Представителем профсоюзного руководства в порту является бассейновый комитет. Но работники баскома настолько сами мало подготовлены и беспомощны, что ни о каком руководстве не может быть и речи. Руководство же ВЦСПС и ЦК союза моряков за все время существования клуба свелось к посылке туда людей, явно не могущих в какой-либо степени обеспечить

работу среди иностранных моряков.

Для того, чтобы правильно организовать работу среди иностранных моряков, необходимо в первую очередь решить вопрос о руководстве интерклубами и обеспечить интерклубы, политотделы морского пароходства и обкомы партии квалифицированными кадрами политических работников, хорошо знающих английский язык.

Зав. сектором Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
(Чекина)

23/VIII-42 г.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 124. Л. 89-95. Подлинник.

Публикация

Г. КОСТЫРЧЕНКО

Примечания:

¹ История второй мировой войны 1939-1945. Т. 5. М., 1975. С. 261.

² В архивном документе неправильно указано о гибели 22 судов (там же, с. 262).

Александр ДОВЖЕНКО:

«Я противен вам и чем-то опасен»

(Слева направо) А. А. Жданов, А. С. Щербаков, Б. М. Шапошников, М. И. Калинин, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов. Февраль 1944 года.

Великая Отечественная война породила в обществе, у интеллигенции особенно, надежду на более счастливую послевоенную жизнь, свободную от страха и подозрительности. Однако вожди и аппарат в ответ лишь усилили политическую цензуру. Начиная с 1943 года в поле зрения генералов от идеологии попали десятки правдивых произведений талантливых писателей, поэтов и критиков. И каждому из них был повешен традиционный ярлык: «грубая политическая ошибка». В числе репрессированной литературы оказались первая часть повести Михаила Зощенко «Перед

восходом солнца», стихотворения Ильи Сельвинского «России», «Кого баюкала Россия» и «Эпизод», сборник стихов Николая Асеева «Годы грома», рассказ Андрея Платонова «Оборона Семидворья» и многие другие.

Особое место занимали две киноповести Александра Петровича Довженко «Победа» и «Украина в огне». В них власть усмотрела покушение на устои общества.

Довженко возражал против всякой редакторской правки, и обе повести были отосланы редакцией журнала «Знамя» в ЦК на имя Щербакова.

Реакция секретаря ЦК и дальнейшие молниеносные действия аппарата Управления пропаганды в полной мере отражены в публикуемых документах. По указанию Сталина Щербаков публично на пленуме МГК (26 февраля 1944) и совещании ЦК (21 марта) подверг Довженко уничижительной критике.

Помимо этого его имя подвергалось остракизму в выступлении Г. Александрова на пленуме Союза советских писателей СССР, проходившем в феврале 1944 года, в разгромной статье А. Еголина «За высокую идейность советской литературы», опубликованной в 10-11 (май - июнь) номере «Большевика» за 1944 год.

В отношении Довженко было принято специальное постановление ЦК - испытанное средство возмездия системы за строптивость и непослушание. Правда, на сей раз решили действовать руками «украинских товарищей». Отголоски тогдашних настроений художника отчетливо прозвучали даже спустя два года, когда А. Довженко записал в свой дневник поразительные слова, обращенные к своим гонителям: «Я противен вам и чем-то опасен <...> И вы дождались случая расправиться с моим именем. И вы меня убили. Больше чем убили. Вы растоптали меня, опозорили и живого объявили мертвым <...>».

Публикуемые материалы находятся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Г. Ф. Александров¹ - А. С. Щербакову²
9 июля 1943г.

О повести А. Довженко «Победа»³.

Повесть А. Довженко «Победа» явно неудачная его вещь. В ней есть отдельные яркие страницы, фрагменты, но в целом она сыра, составлена небрежно, изобилует фальшивыми положениями.

1. Воинская часть, которую изображает автор, состоит сплошь из украинцев, что не соответствует действительности и искусственно обособляет борьбу украинского народа от борьбы всех народов СССР против немцев.

2. У автора отсутствует чувство меры в тех фрагментах, где он характеризует презрение советского воина к смерти. Местами слишком много смертей, создается впечатление, что победа достигается только смертью.

3. В повести совершенно нелепо выведен образ генерала Макара Нечипорука. Автор называет его «стратегом», «богом войны» и героем. Однако, в чем состоит героизм и стратегическое мастерство генерала - автор не показывает.

Единственный эпизод, в котором участвует генерал Нечипорук, изображен у Довженко следующим образом:

«Перед командирами стоял грозный их генерал Макар Нечипорук.

- Изменники! Так вашу так, и так, и так! Предатели! Так вашу так и так! Шпионы! Так вашу так и так, и так! Труссы! Так вашу так и так, и так и так!

Низко опустили головы командиры уснувшего полка, и тяжелые вздохи порою вырывались из их молодых грудей. Печаль и уныние охватили их сердца, и слезы подступали ко многим молодым очам, и сжимались кулаки от сложных и горьких чувств. Лейтенант Вовк Микита плакал.

- Под суд отдам! Так вашу так и так, и так! Расстреляю! Так, растак, трижды перетак, нехай!

Еще ниже опустились командирские головы. Все уже согласилось с речью генерала». Или на стр. 14 генерал Нечипорук произносит:

«Замолчи, растрам, трам, трам, трам! - прорвался, наконец, генерал так громко, что полк проснулся, и командиры заволновались».

Таким образом Нечипорук показан скорее как «мастер» материщины, а не «стратег» и «бог войны».

4. В ущерб здравому смыслу и чувству реального Довженко непомерно прибегает к гиперболам. Такова, например, картина повального бегства полка (стр. 6-7).

«Какие бежали люди! Какие бежали люди! Увлекаемые толпой жаждущих отсрочки у смерти, бежал переяславский капитан Суховий Кирилло с двумя орденами Красного Боевого Знамени. Бежал лейтенант Вовк Микита. Двести пятьдесят немецких, румынских, итальянских, венгерских, финских и прочих трупов зарублено и припечатано на боевом счету Вовка. Бежал.

Бежал, проклиная всех и вся на свете, знаменитый истребитель танков бронейбойщик Левко Стоян из-под Каменец-Подольска. Бежали, как разъяренные львы среди потока буйволов, великолепные пулеметчики Гарковенко Петро с Полтавщины, лейтенант Орлюк, Британ Лука и Вовкотрубенки Роман, Устин и Андрей.

Какие были люди! Всю Украину прошли с тягчайшими боями, с трудами, с гневом, с незабываемыми разлуками, профессора боев, засад и страшных нападений. Какие были люди! Бежали.

Бежал Вернигора Остап, заслуженный тракторист республики и снайпер беспощадный».

На стр. 9-10 Довженко изображает воинское «возрождение» артдивизиона капитана Кравчины, который, подобно кудеснику в сказке, мгновенно превращает свою растерявшуюся часть в героическую, сражающуюся до смерти.

«Неизвестно, чем бы кончился этот неравный поединок, может быть, и не удалось бы капитану Кравчине удержать сметенных своих бойцов, может быть, переступили бы они через него, чтобы всю жизнь потом терзаться в памяти своей бесчестным поступком, но в это время добрые две дюжины двухсотпятидесятикилограммовых аэропланых бомб прижали всех к земле.

- Встать! Нас проклянут, если мы отступим, - повторил Кравчина спокойно, когда минут через пять все встали. - Понятно, кто нас проклянет?

- Понятно, товарищ капитан, - сказали бойцы, оглядываясь и видя, какие тяжелые потери от бомб понесли только что отступившие.

- Боец Левко Гнанный, скажи, кто нас проклянет?

- Народ! - ответил Левко, и слезы волнения подкатились к его глазам.

- К орудиям! - приказал спокойно Кравчина.

Расчеты стали у орудий, и всем вдруг стало ясно, что отступления не будет, что началась совсем другая жизнь».

5. В повести много утрированных эпизодов, небрежных и двусмысленных выражений. Характеризуя одного из героев своей повести сержанта Ивана Кавуна из Запорожья, Довженко пишет о нем: «Он был воин. Он был такой великий воин, что его несколько раз выгоняли из Запорожского комсомола...». Или «...вдруг получилось письмо с извещением о решении его, Ивана Кавуна, посвятить всю свою жизнь обороне родины от ярма капитализма и сделатьсь Героем Советского Союза. Это известие облетело мгновенно несколько улиц, и когда старый Кавун, придя с завода, узнал об этом решении своего сына, он сказал: «Ну что ж, если уж, как говорится, не годится наш Иван ни к какой работе, нехай уж хоть в герои выходит что ли».

Повесть А. Довженко в представленном виде для издания непригодна.

Г. Александров.

9/VII - 43 г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 1-3.

Машинописный текст. Подпись - автограф. Г. Ф. Александрова.

Г. Ф. Александров - А. С. Щербакову*

22 ноября [1943]

В связи с Вашими указаниями о повести Довженко «Украина в огне», Управлением пропаганды приняты следующие меры:

1. По телефону даны указания т. Литвинову (секретарь ЦК КП(б)У по пропаганде) о недопустимости опубликования повести Довженко в украинских изданиях.

2. По линии Главлита даны секретные указания Украине и цензорам всех центральных издательств, а также облкрайлитам.

3. Руководители всех центральных литературно-художественных издательств и журналов также предупреждены о недопустимости опубликования повести Довженко.

4. В Управлении пропаганды проведено совещание редакторов всех центральных газет, литературно-художественных журналов и издательств, на котором также даны соответствующие указания о повести Довженко.

Как выяснилось при проверке, Довженко разослал рукопись своей повести ряду издательств и редакций литературно-художественных журналов (Гослитиздату, издательству «Советский писатель», редакциям журналов: «Знамя», «Октябрь», «Смена» и др.). Редакции журналов и издательств критически отнеслись к повести Довженко и не приняли ее к печати, кроме редакции журнала «Смена», которая месяц тому назад опубликовала небольшой отрывок из этой повести (журнал «Смена» № 18).

Г. Александров
22/XI

Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 65.

Из докладной записки Г. Ф. Александрова, А. А. Пузина⁵,
А. М. Еголина⁶ — Г. М. Маленкову
[ноябрь 1943 г.]

...Редакция журнала «Знамя» в конце 1942 года приняла к печати политически ошибочную и вредную повесть «Победа» (автор Довженко), в которой отчетливо выражены чуждые большевизму взгляды националистического характера. Описывая бои, которые вела и ведет Красная Армия на украинских участках советско-германского фронта, Довженко настойчиво пытается убедить читателей в том, что за Украину борются, якобы, только украинцы. В повести описываются боевые подвиги десятков бойцов Красной Армии, но среди них нет ни одного не украинского имени.

Один из героев повести, капитан Кравчина, говорит:

«За что мы бьемся, за что умираем?.. Мы бьемся за то, чему нет цены в мире — за Украину. За Украину, за честный украинский народ! За единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле. За народ растерзанный, расщепленный!»

И дальше после путаных рассуждений о Европе и Украине, в которых, так же как и во всей повести, Украина ни разу не названа Советской Украиной, капитан Кравчина заявляет:

«Помните, на каких бы фронтах мы сегодня ни бились, куда бы ни послал нас Сталин, — на Север, на Юг, на Запад, на все четыре стороны света, — мы бьемся за Украину!»

Порочность повести «Победа» состоит также в неправильном объяснении причин отступления Красной Армии в начале войны. Причину отступления Довженко видит в том, что «не было у нас культуры быта, отношений, нет у нас и культуры войны». В повести Довженко победа достигается ценой гибели большинства участников боя. Гибнут они из-за неумения воевать, нераспорядительности командиров и бюрократизма военных специалистов.

Управление пропаганды запретило опубликование этой повести. В новой повести «Украина в огне» Довженко допускает еще более грубые политические ошибки.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 212. Л. 147, 148. Машинописный текст.
Подписи - автограф Г. Ф. Александрова, А. А. Пузина, А. М. Еголина.

А. С. Щербаков - В. Р. Щербине⁷
8 февраля 1944 г.

Ответственному секретарю редакции журнала «Новый мир»
тов. Щербине⁸

ЦК ВКП(б) обращает Ваше внимание на то, что в произведениях украинского писателя и кинорежиссера Довженко А. П., написанных за последнее время («Победа», «Украина в огне»), имеют место грубые политические ошибки антиленинского характера.

Ввиду этого ЦК обязывает Вас не публиковать произведений Довженко без особого на то разрешения Агитпропа ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК ВКП(б)
А. Щербаков

8. II - 1944 г.

Ф.17. Оп. 125. Д. 293. Л.1.

Машинописный текст. Подпись - автограф А. С. Щербакова.

Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О Довженко А.П.».

12 февраля 1944г.

Совершенно секретно

п. 50 г. *О Довженко А.П.*

В произведениях украинского писателя и кинорежиссера Довженко А. П., написанных за последнее время («Победа» и «Украина в огне»), имеют место грубые политические ошибки антиленинского характера. В связи с этим ЦК КП(б)У постановляет:

1. Рекомендовать Всеславянскому Комитету ввести в состав Комитета от Украинской ССР вместо Довженко тов. Рьльского М.Ф.⁹

2. Рекомендовать Комитету по Сталинским премиям при Совнаркомех СССР ввести в состав Комитета вместо Довженко тов. Юру Г. П.¹⁰

3. Вывести Довженко А. П. из состава редакции журнала «Украина». Вместо него утвердить членом редакционной коллегии журнала украинского писателя Андрея Малышко¹¹.

4. Освободить Довженко А. П. от обязанностей художественного руководителя Киевской киностудии.

Просить ЦК ВКП(б) утвердить настоящее постановление.

Секретарь ЦК КП(б)У

Н.Хрушев

Ф. 17. Оп. 125. Д. 232. Л. 9.

Машинописный текст. Подпись - факсимиле Н. С. Хрущева.

Циркулярное письмо Н. Г. Садчикова.

23 февраля 1944г.

Циркуляр №7/189

«23» февраля 1944 года

гор. Москва

Всем органам цензуры

Обязываю впредь не публиковать в гражданской и военной печати произведения украинского писателя Довженко А.П. без особого на то в каждом отдельном случае моего разрешения.

Уполномоченный СНК СССР

по охране военных тайн в печати

и Начальник Главлита Н. Садчиков.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 293. Л. 4.

Машинописный текст. Подпись - автограф Н. Г. Садчикова.

Публикация Д. БАБИЧЕНКО

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александров Г. Ф. (1908-1961) - в 1940-1947 годах начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

2. Щербаков А. С. (1901-1945) - В 1943-1944 годах кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь МК и МГК ВКП(б). Одновременно начальник Главного политического управления рабоче-крестьянской армии и заместитель наркома обороны.

3. На первом листе документа автограф А. С. Щербакова.

4. Там же. Л. 65. Машинописный текст. Подпись - автограф Г. Ф. Александрова. На документе имеется пометка А. С. Щербакова.

5. Пузин А. А. (1904 - ?) - в 1940-1946 годах заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

6. Еголин А. М. (1896-1956) - литературовед. В 1943 году заведующий отделом художественной литературы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

7. Щербина В.Р.(1908-1982) - литературовед.

8. Аналогичный текст письма был разослан в ЦК КП(б)У, редакторам газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Труд», «Литература и искусство», редакторам журналов «Октябрь», «Знамя», «Украина», «Звезда», директору Госполитиздата, директору Гослитиздата, директору издательства «Советский писатель», директору издательства «Молодая гвардия», директору Детгиза начальнику Воениздата, секретарям Сумского обкома КП(б)У, Днепропетровского обкома КП(б)У, Николаевского обкома КП(б)У, Черниговского обкома, Житомирского обкома КП(б)У, Запорожского обкома КП(б)У, Ворошиловградского обкома КП(б)У, Полтавского обкома КП(б)У, Харьковского обкома КП(б)У, Сталинского обкома КП(б)У, председателю Комитета по делам кинематографии при СНК СССР и начальнику Главлита. (Ф.17. Оп.125. Д.293. Л. 2,2об).

9. Рыльский М. Ф. (1895-1964) - поэт.

10. Юра Г. П. (1887/88-1966) - актер, главный режиссер украинского театра им. Франко.

11. Малышко А. С. (1912 - 1970) - поэт, литературный критик.

Формат 70x108¹/16.

Тираж 15 тыс. экз.

Заказ № 113

Адрес редакции: 103125, Москва, Новый Арбат, 19. тел. 203-60-25

Типография издательства "Пресса". 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. Правды, 24.

© *Редакция журнала "Родина", 1993. Цена договорная*

В следующем номере:

Из личного архива И.В.Сталина

Дневники его родственницы М.Сванидзе —
неизвестные факты из жизни генсека, его семьи,
его ближайшего окружения

Подсплека событий

Политбюро ЦК КПСС постановило показать в
Нагорном Карабахе «руку власти»
(рабочая запись заседания, февраль 1988 г.)

Рассекречено

Первая публикация «особой папки» о приговорах
польским военнопленным офицерам